

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093** от 19 мая 2005 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2016

Ежеквартальное издание

№ 2

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2016
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2016

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License **ИИ № ФС 77-21093** on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 19.02.2010)*

2016

Quarterly

№ 2

**Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation**

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2016
© Ivanovo State University, 2016

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный политехнический университет; **А. А. Данилов**, Институт Всеобщей истории РАН; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **О. В. Золотарёв**, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина; **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **Г. Н. Кочешков**, Ярославский государственный педагогический университет; **И. В. Купцова**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Д. А. Макеев**, Владимирский государственный университет; **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН (Москва); **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **С. Н. Полторац**, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций; **Д. И. Поливянный**, Ивановский государственный университет; **В. А. Порозов**, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; **Е. М. Раскатова**, Ивановский государственный химико-технологический университет; **А. В. Репников**, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва); **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **А. А. Соловьёв**, Костромской государственный технологический университет; **В. Л. Соскин**, Новосибирский государственный университет.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Polytechnical University; **A. A. Danilov**, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **O. V. Zolotaryov**, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **G. N. Kocheshkov**, Yaroslavl State Pedagogical Institute; **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrashyova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **I. V. Kuptsova**, Moscow State University named after M. V. Lomonosov; **D. A. Makeev**, Vladimir State University; **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **S. N. Poltorak**, St. Petersburg State University of Telecommunications; **D. I. Polyvyanny**, Ivanovo State University; **V. A. Porozov**, Perm State Humanitarian Pedagogical University; **E. M. Raskatova**, Ivanovo State University of Chemistry and Technology; **A. V. Repnikov**, Russian State Archive of Social and Political History; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **A. A. Solovyev**, Kostroma State Technological Institute; **V. L. Soskin**, Novosibirsk State University.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Зябликов А. В.* Миссия русской интеллигенции в рефлексии
А. П. Чехова 9
- Острога В. А.* Подготовка кандидатов наук в области новой
и новейшей истории в Белорусской ССР (1944—1991 гг.) ... 26
- Корнилов А. А., Кинстлер А. В.* Педагогическая
интеллигенция и духовенство лагеря перемещенных лиц
Менхегоф 40

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Золотарев О. В.* Либеральная интеллигенция в современной
России 55
- Сибиряков И. В.* Современная российская интеллигенция:
феномен «фантомной боли» в условиях
цивилизационного кризиса 66

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Кирюхин Д. В.* Участие итальянской интеллигенции
в миграционных процессах раннего Нового времени:
семья Джильи 76
- Абидулин А. М., Валеев Р. М.* Взаимопроникновение восточ-
ной и европейской культур: вклад Османа Хамди бея
в сохранение османского и мирового культурного наследия ... 85
- Смирнов Д. А.* Концепция полемики Вальтера Беньямина
в критическом понимании интеллигенции 97

ДЕБЮТ

- Наумов С. С.* Интеллигенция сибирского города и культурно-просветительные организации в 1985—1991 годах
(На примере деятельности Советского фонда культуры) **109**
- Буневич Д. С.* Историческая политика как интеллектуальный ресурс внешней политики Республики Польша
в 2000-е годы **123**

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Лозбенев И. Н.* Истинное лицо интеллигенции в историческом пространстве: размышления о монографии Э. Б. Ершовой **135**
- Памяти Маргариты Ионовны Кондрашёвой** **139**
- Аннотации* **140**
- Информация для авторов* **148**

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Zyablikov A. V.* Mission of Russian intelligentsia
in A. P. Chekhov's reflection 9
- Ostroga V. A.* Training of candidates of science in the field
of modern and contemporary history in Belarussian Soviet
Socialist Republic (1944—1991) 26
- Kornilov A. A., Kinstler A. V.* Pedagogic intelligentsia and
the clergy of Monchehof camp of displaced persons 40

INTELLIGENTSIA IN CONTEMPORARY SOCIETY

- Zolotarev O. V.* The liberal intelligentsia in contemporary
Russia 55
- Sibiryakov I. V.* Contemporary Russian intelligentsia:
a phenomenon of «phantom pain» in the context
of civilization crisis 66

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Kiryukhin D. V.* Participation of the Italian intelligentsia in
migratory processes of early Modern times: the Gigli's family ... 76
- Abidulin A. M., Valeev R. M.* Interpenetration of Eastern
and European cultures: Osman Hamdi Bey's contribution
to preservation of Ottoman and world cultural heritage 85
- Smirnov D. A.* Walter Benjamin's concept of polemics in critical
understanding of intelligentsia 97

DEBUT

- Naumov S S.* Intelligentsia of a Siberian city and cultural and educational organizations in 1985—1991 (On the example of the Soviet fund of culture activity) 109
- Bunevich D. S.* Historical policy as an intellectual resource of the Republic of Poland foreign policy in the 2000s 123

MAKING CONCLUSIONS

- Lozbenev I. N.* The real face of intelligentsia in historical space: reflections on E. B. Yershova's monograph 135
- In Memory of Margarita Ionovna Kondrashyova** 139
- Annotations* 144
- Information for authors* 148

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 83.3(2=411.2)53-8Чехов,3

А. В. Зябликов

МИССИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РЕФЛЕКСИИ А. П. ЧЕХОВА

Споры о политическом мировоззрении А. П. Чехова не утихают по сей день. Какие же общественные идеалы исповедовал этот писатель, которого в пределах одного исследования называли «идейно незрелым» (за дружбу и сотрудничество с А. С. Сувориным) и идейно передовым (за «проникновение в глубины народной жизни»)¹, писатель, всю жизнь уклонявшийся от прямого ответа на общественно-политические вопросы и заслуживший после смерти звание «будителя общественной совести»², и, наконец, писатель, оставивший массу антиинтеллигентских высказываний и ставший в сознании целой нации воплощением лучших качеств русского интеллигента?

Внятно ответить на этот вопрос долгое время мешали не только различные идеологические стереотипы, но и заурядные софистические ухищрения. Нелюбовь писателя к газетной и политической риторике подталкивала к скорому выводу о чеховской аполитичности, критика в адрес псевдоинтеллигенции квалифицировалась как интеллигентофобия, отсутствие религиозного пафоса служило доказательством чеховского «атеизма», в чеховской любви к земству и науке усматривался грех сциентизма, а недоверие писателя к теоретизированию и философической «бравурности» рождало миф о презрении А. П. Чехова к философии вообще. Идеологическая «неясность» А. П. Чехова позволяла

© Зябликов А. В., 2016

Зябликов Алексей Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и филологии Костромского государственного технологического университета. a.zyablikov@yandex.ru

интерпретаторам плюс легко обращать в минус и — наоборот. Так, в 1905 г. в эссе «Творчество из ничего» Л. Шестов предложил парадоксальный взгляд на А. П. Чехова как на ниспровергателя русской литературы в ее фундаментальных основах: писатель не индифферентен к идеям и мировоззрениям — он их патологически ненавидит и уничтожает всеми доступными ему методами³. Причем в суждениях философа нет пафоса осуждения. Напротив, по мысли Л. Шестова, выдающаяся роль А. П. Чехова в том и состоит, что он едва ли не единственный писатель, объявивший войну русской философии иллюзий и чудес⁴. Можно предположить, с какой грустной иронией воспринял бы шестовский опус сам А. П. Чехов. По счастью, писатель так и не смог избавиться от сермяжных русских идеалов и иллюзий, хотя разницу между ними, бесспорно, понимал.

Политическая программа А. П. Чехова, если о таковой и можно говорить, вытекает из решения классической толстовской формулы о первичности человеческого усовершенствования по отношению к усовершенствованию «внешних» форм жизни. В отличие от Л. Н. Толстого, А. П. Чехов считал обе задачи равнозначными и равнополезными для человека. Его рассуждения о любви к земству и суду присяжных не кажутся мимоходом брошенными фразами. Каждое слово продумано и взвешено в обширном плане воспитания, предложенном писателем. «Мое святое святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником», — замечал А. П. Чехов в известном письме А. Н. Плещееву⁵. При этом А. П. Чехов был далек от декадентски-анархической проповеди художнического своеволия. Художники, «как и вся прочая публика, должны подчиняться внешним условиям общежития»⁶. Даже в литературе нельзя «без обуздывания и палки», но лучше, если в роли «полицейского» пригляда выступит совесть автора⁷.

Подобные мысли в сочетании с антиинтеллигентским пафосом ряда высказываний писателя могут подтолкнуть к размышлениям о «веховстве» А. П. Чехова. Наиболее последовательно и внятно этот тезис попытался аргументировать

С. Н. Булгаков, который в 1904 г. выступил с публичной лекцией «Чехов как мыслитель», а в 1910 г., на волне дискуссии вокруг «Вех», дополнил материал анализом чеховского отношения к русской интеллигенции. Мировоззрение А. П. Чехова С. Н. Булгаков определяет как «оптимопессимизм», то есть «тоскующую, рвущуюся и беспокойную, но, однако, по-своему крепкую и незыблемую» веру в достижимость идеалов добра⁸. Обвинения в общественном индифферентизме, выдвинутые против А. П. Чехова, названы мыслителем «кощунственной хулой»: «Только не нужно требовать от художника того, что составляет задачу экономиста, политика и публициста: социальных рецептов и политических программ», а как мастер правдивого художественного обобщения жизни А. П. Чехов безупречен⁹. Конечно, прежде всего, писатель дорог С. Н. Булгакову и другим «веховцам» как правдивый «диагност» удручающего духовного состояния русской интеллигенции, как проповедник самоосуждения и самовоспитания, без которых невысказано исполнение интеллигенцией своей общественной, исторической миссии.

Заметим, что интеллигенцией А. П. Чехов называет всех представителей образованного сословия, обладающих культурными запросами, как эквивалентом он пользуется понятием «культурные люди»¹⁰. Многие «антиинтеллигентские» выпады А. П. Чехова направлены скорее в адрес бюрократии: по наблюдениям М. П. Громова, термина «бюрократия» просто не было в обиходе писателя¹¹. В частности, этим может быть объяснен антиинтеллигентский пафос столь часто цитируемого чеховского письма И. И. Орлову от 22 февраля 1899 г.¹² — С. Н. Булгаков назвал это письмо «ценным документом нашего общественного самосознания»¹³. Обращает на себя внимание, что мера чеховской критичности по отношению к интеллигенции нарастала по мере того, как интеллигенция всё отчетливее заявляла о своих политических и богоискательских прожектах.

А. П. Чехов не отделял себя от русской интеллигенции. В марте 1897 г., накануне открытия в Москве Всероссийского съезда сценических деятелей, А. П. Чехов писал А. С. Суворину: «На съезде актеров Вы, вероятно, увидите проект громадного народного театра, который мы затеваем. Мы, т. е. представители московской интеллигенции...»¹⁴ Не идеализируя эту социальную

группу, писатель отличал подлинную интеллигенцию от «измощенничавшегося душевно» интеллигента «среднего пошиба»¹⁵. Важно заметить, что А. П. Чехов признавал ответственность писателя, художника за моральное и умственное состояние интеллигенции. Так, значение Л. Н. Толстого виделось ему в умении «держаться на известной высоте» различные литературные направления и течения. «Толстой крепко стоит, — писал А. П. Чехов М. О. Меншикову в январе 1900 г., — авторитет у него громадный, и пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякие шершавые, озлобленные самолюбия будут далеко и глубоко в тени»¹⁶. Всякое публичное, печатное третиrowание справедливости, свободы, совести обостряет недуги образованного сословия: непатриотичность, безволие, душевную вялость. В октябре 1903 г. А. П. Чехов был единогласно избран товарищем председателя Общества любителей российской словесности, однако обострившаяся болезнь не позволила писателю проявить себя на посту руководителя творческой интеллигентской корпорации.

Определение «интеллигентный» было в глазах А. П. Чехова наивысшей похвалой. Составляющими этого понятия писатель считал ум, терпимость по отношению к чужому мнению, сострадательность, чистосердечие. Терпимость, по А. П. Чехову, не есть бесхребетность и покорность обстоятельствам. Писателя никак не заподозрить в безволии и толстовском непротивленстве. Известно, как сдержанно, но сурово ответил он В. М. Лаврову, редактору «Русской мысли», где А. П. Чехов был назван «жрецом беспринципного писания»: «Обвинение Ваше — клевета»¹⁷. Узнав об аннулировании выборов М. Горького в почетные академики, 25 августа 1902 г. А. П. Чехов подал заявление о сложении с себя звания почетного академика, так как извещение о признании выборов недействительными исходило из Академии наук¹⁸. Месяцем раньше то же самое сделал В. Г. Короленко. Впечатление, произведенное чеховским письмом, было тем большим, что впервые опубликовано оно было в журнале «Освобождение», распространявшемся в России нелегально.

А. П. Чехов сетовал, как порой не хватает интеллигентности, «внутреннего джентльменства» русскому театру, университету, печатным изданиям¹⁹. В сентябре 1900 г. А. П. Чехов убеждал

О. Л. Книппер в том, что МХАТ с его пристальным интересом к современной жизни должен стать альтернативой «неинтеллигентным» театрам²⁰. Интеллигентность — качество не врожденное, однако сформировать его невозможно без неустанного труда, «штудировки», волевых усилий²¹. О степени интеллигентности общества, о качестве идейной и художественной полемики тех лет красноречиво свидетельствует скандал, разразившийся в феврале 1903 г. на выставке Санкт-Петербургского Общества художников. Посетители выставки могли созерцать картину Н. Н. Бунина «Рыбная ловля», изображавшую Л. Н. Толстого, И. Е. Репина, М. Горького и А. П. Чехова, которые в костюмах Адама заводят бредень. Некто С. Б. Любошитц написал на бунинском полотне слово «мерзость» и был привлечен за это к судебной ответственности. «...Нарисовать известного человека без штанов или написать на картине “мерзость” очень легко, — писал по поводу инцидента А. С. Суворин. — Это называется смелостью, скандалом, наглостью. Но тут нет ни мужества, ни таланта...»²². А. П. Чехов обладал мужеством и талантом, для того чтобы не погружаться в газетно-журнальную свару, не доверять идеологии «ярлыков», но и не проходить мимо безнаказанно творящегося зла. Особенно трепетно относился А. П. Чехов к сущности понятия «правда» — он был убежден, что единоличным ее носителем не может быть ни группа лиц, ни тем более отдельный человек. «Я уравниваю не консерватизм и либерализм, которые не представляют для меня главной сути, а ложь героев с их “правдой”», — писал он о своих произведениях²³. Таким образом, убежденность «веховцев» в том, что А. П. Чехов, как и другие великие русские писатели, не носит «интеллигентского лика»²⁴, может и должна быть оспорена.

М. П. Громов, характеризуя общественный идеал А. П. Чехова, справедливо замечает, что писатель придерживался не какой-либо одной точки зрения, прогрессивной или регрессивной, а множества точек зрения, текущих и противоречивых, составляющих в своем непрерывном развитии русское общественное сознание рубежа XIX—XX вв.²⁵ На наш взгляд, многие слагаемые общественной позиции А. П. Чехова поддаются идентификации. Так, нельзя не обратить внимания на патриотизм А. П. Чехова — в этом качестве писателя зачастую отказывались

воспринимать: в дело вступали стереотипы, срабатывала эстетическая «нестыкуемость» А. П. Чехова с консервативной идеей. Называя русскую историю «тяжелой» и «холодной», писатель осознавал всю степень ее непохожести на европейскую, ощущал сводящую с ума безбрежность России: «В Западной Европе люди погибают оттого, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно... Простора так много, что маленькому человеку нет сил ориентироваться»²⁶. «Швейцария и Франция никогда не знали такой свободы, — делился А. П. Чехов с А. С. Сувориным своими дальневосточными впечатлениями. — Последний слыльный дышит на Амуре легче, чем самый первый генерал в России»²⁷. В июне 1904 г. А. П. Чехов писал сестре из немецкого Баденвейлера: «Не чувствуется ни одной капли таланта ни в чем, ни одной капли вкуса, но зато порядок и честность, хоть отбавляй. Наша русская жизнь гораздо талантливее...»²⁸ Любопытная деталь: в одном из писем к русофилу А. С. Суворину А. П. Чехов извиняется за слишком назойливое использование слова «русский»²⁹. Писатель много размышлял о русской ментальности, выделяя такие черты национального характера, как восприимчивость, «возвышенный образ мысли»³⁰, чрезмерную возбудимость, чувство вины, утомляемость.

А. П. Чехов был одним из немногих художников рубежа веков, для которого гоголевский завет «нужно проездиться по России» был не метафорой и не благим пожеланием, а живой потребностью, руководством к действию. Путешествуя по Волге, Каме, Сибири, писатель заинтересованно общался с простолюдинами, купцами, инородцами, находя в них душевную энергию, даровитость. Предпринятая писателем в 1890 г. поездка на кандалы Сахалин была в значительной мере продиктована стремлением вернуть интерес русского общества к окраинным российским территориям и живущим там страдальцам, доказать, что Сахалин нужен России. «Прославленные шестидесятые годы, — писал он перед поездкой А. С. Суворину, — не сделали ничего для больных и заключенных, нарушив таким образом самую главную заповедь христианской цивилизации»³¹. Понятие «христианская цивилизация» А. П. Чехов использовал и прежде, например, размышляя о личности Н. М. Пржевальского. По мысли А. П. Чехова, именно такие положительные исторические типы,

как Н. М. Пржевальский, люди дела, подвига и веры, являются жизнеутверждающим и облагораживающим «элементом общества», воплощением лучших качеств патриота³². В последнее десятилетие века не без влияния чеховских «отчетов» началось реформирование российской тюремной системы.

Отмечая душевное здоровье дальневосточных насельников и размах геополитических перспектив, открывающихся перед Россией, писатель признавал, сколь ничтожны еще предпринятые ею цивилизаторские усилия. Сравнивая благоустроенный английский Гонг-Конг и «вопиюще бедный» русский Владивосток, А. П. Чехов писал об искаженном, «дурном» понимании патриотизма: «Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо знаний — нахальство и самомнение паче меры, вместо труда — лень и свинство... <...> Работать надо, а всё остальное к черту. Главное, надо быть справедливым, а остальное всё приложится»³³.

За 14 лет до начала русско-японской войны А. П. Чехов писал о необходимости сопровождать военные и русификаторские усилия на окраинах строительством коммуникаций, дорог, водопроводов, музеев. На рубеже столетий Россия жила предвоенными ожиданиями и страхами — А. П. Чехов не единожды высказывал намерение отправиться в армию полковым врачом в случае открытия театра военных действий³⁴. Летом 1900 г. М. Горький уговаривал А. П. Чехова поехать на войну в Китай (восстание «боксеров») в качестве корреспондентов. А. П. Чехов ответил, что может быть только военным врачом³⁵. Начало русско-японской войны было воспринято писателем без ура-патриотического пафоса, с твердой убежденностью, что Россия должна пройти и через это испытание³⁶. Важно отметить, что писатель всегда подчеркивал свое уважение к военному сословию, считал его одним из оснований российской государственности.

А. П. Чехов четко разграничивал «трогательное» тяготение к национальной почве, любовь «к костюму, к языку, к родной земле» и пещерный национализм «глубокомысленных идиотов»³⁷. «Квасной» патриотизм, патриотизм, замешанный на идейном и этническом ненавистничестве, был презираем писателем. Легковерная публика могла подозревать писателя в юдофобстве, сам же он был убежден в том, что благополучие России зависит

от благополучия живущих в ней народов. В июне 1903 г., отвечая на предложение Шолом-Алейхема принять участие в сборнике в пользу пострадавших во время кишиневского погрома евреев, А. П. Чехов сказал, что сделает это с «сердечным удовольствием»³⁸. Писатель считал ошибкой ущемление инородческих прав, выступая, например, за открытие татарских школ³⁹.

Почвенные симпатии А. П. Чехова раскрываются в его литературных пристрастиях. Он отделял себя от поклонников Н. Г. Чернышевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, отдавая предпочтение Л. Н. Толстому, Н. В. Гоголю («величайший русский писатель»⁴⁰), А. В. Кольцову. В январе 1888 г. он писал Д. В. Григоровичу: «...Публика (студии, врачи, математики), к которой я принадлежу как эскулап, всё еще держится старины и не хочет изменять родным именам»⁴¹. Н. А. Лейкину А. П. Чехов предлагал написать роман «во вкусе Островского» о купеческой жизни, мотивируя это тем, что «жизнь русского торгового человека цельнее, полезнее, умнее и типичнее, чем жизни нытиков и пыжиков, которых рисует Альбов, Баранцевич, Муравлин и проч.»⁴². Своего друга писателя И. Л. Леонтьева-Щеглова А. П. Чехов остерегал от превращения из русского в «петербургского» драматурга⁴³. Начинающей писательнице Р. Ф. Ващук он советовал избегать фальшивых красот, не присущих «русской почве»⁴⁴. Высоко оценивал А. П. Чехов деятельность книгоиздателя и книготорговца И. Д. Сытина: «Пожалуй, это единственная в России издательская фирма, где русским духом пахнет и мужика-покупателя не толкают в шею»⁴⁵. Из периодических изданий писатель выделял консервативный «Исторический вестник» и «Новое время», которое продолжал читать, несмотря на «дурную репутацию» газеты.

С весны 1903 г. А. П. Чехов по предложению В. А. Гольцева редактировал беллетристический отдел праволиберального журнала «Русская мысль». Обращает на себя внимание в целом лояльное отношение к А. П. Чехову ультраконсервативной печати, обычно не церемонившейся с неудобными писателями: ближайшие литературные «конкуренты» А. П. Чехова — Л. Н. Толстой, Л. Н. Андреев, В. М. Дорошевич и другие — давно числились в черносотенном «ведомстве» как проповедники разврата и вожди анархии. Этот факт не стоит ставить в заслугу

А. П. Чехову, однако он ясно свидетельствует об отсутствии у писателя репутации политического радикала, богоборца и русофоба.

А. П. Чехову всегда было интересно практическое дело. Борьбу со злом он, в отличие от многих собратьев по перу, отказывался рассматривать исключительно как метафизическую категорию. Однозначно отрицательно относился он к толстовской философии непротivления: «Толстой ругает докторов мерзавцами и невежничает с великими вопросами, потому что он тот же Диоген, которого в участок не поведешь и в газетах не выругаешь»⁴⁶. Чеховский план обустройства России подразумевал широкомасштабную государственную и частную поддержку народного просвещения и здравоохранения, борьбу с неурожаем и голодом, искоренение таких социальных язв, как проституция, нищенство, пьянство. Известно, сколь деятельную поддержку оказал писатель инициативам врача Н. И. Коробова, ратовавшего за создание благотворительных обществ при больницах⁴⁷. Впрочем, А. П. Чехов полагал, что только усилиями частной благотворительности проблему здравоохранения и общественного призрения решить невозможно, нельзя зависеть от капризов и милостей богачей — нужна система государственных казначейских обязательств⁴⁸.

Главный объект чеховских упований и забот — провинциальная Россия, которая для интеллектуальной элиты, увы, словно погружена в «потемки»: слабая экономическая, этнографическая, топографическая, демографическая изученность русских уездов и волостей, скудость статистических данных культивируют литературно-книжное восприятие земской жизни⁴⁹. Особую тревогу писателя вызывало бедственное положение сельского учительства и духовенства, от которых в значительной степени зависело умственное и нравственное здоровье нации. А. П. Чехов считал, что в России учителя нужно поставить в особые условия: «Учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело, а у нас — это чернорабочий...»⁵⁰

Как врач и земский гласный, А. П. Чехов хорошо понимал роль земской интеллигенции в социально-экономическом и духовно-нравственном преобразении России. Почвенничество А. П. Чехова не основано на культе народной стихии, на славянофильском обожевлении мужика, о чем справедливо писал

А. С. Долинин⁵¹. «Почва» даст здоровые всходы только при условии, что к ней будут приложены усилия всего образованного сословия. В записной книжке А. П. Чехова читаем: «Сила и спасение народа в его интеллигенции, в той, которая честно мыслит, чувствует и умеет работать»⁵². Даже изнурительная работа в качестве «холерного доктора» не разубедила писателя в том, что в России «хорошего больше, чем дурного», потому что «теперь все работают. Люто работают»⁵³. «Интеллигенция работает шибко, — писал А. П. Чехов А. С. Суворину в холерное лето 1892 г., — не шадя ни живота, ни денег; я вижу ее каждый день и умиляюсь, и когда при этом вспоминаю, как Житель и Буренин выливали свои желчные кислоты на эту интеллигенцию, мне делается немножко душно»⁵⁴. Подвижнические усилия интеллигенции, накопленный ею опыт земской жизни помогли избежать катастрофических последствий голода 1898 г. А. С. Суворин, разделяя чеховский пафос, отмечал, что интеллигенция должна относиться с большим участием к нуждам земледельческой России. Рубеж XIX—XX вв. явил тому обнадеживающие примеры: появились журналы «Крестьянское хозяйство» и «Деревня», в 1899 г. И. А. Стебут создал Общество содействия сельскохозяйственному женскому образованию⁵⁵, в 1901 г. Н. А. Энгельгардт выступил с проектом создания в деревне кустарного производства⁵⁶. Активно создавались сельскохозяйственные общества: по данным Министерства земледелия и государственных имуществ, на 1 октября 1900 г. их было зарегистрировано 449 (в том числе 173 по отдельным отраслям сельского хозяйства)⁵⁷. Сам А. П. Чехов с симпатией относился к общественной тональности неонароднического «Русского богатства», газеты «Неделя», пропагандировавшей просветительство и практику «малых дел». Писатель хлопотал об устройстве санатория для чахоточных больных на юге России, библиотек, воскресных школ. В Серпуховском уезде (Мелихово, Талеж, Новоселки) на средства А. П. Чехова были построены три школы. «Хорошо, если бы каждый из нас оставлял после себя школу, колодезь или что-нибудь вроде...» — замечал писатель⁵⁸. Как попечитель Талежского сельского училища в декабре 1899 г. А. П. Чехов был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. С интересом воспринимал писатель образовательные, хозяйственно-экономические проекты М. О. Меншикова.

А. П. Чехов — отрицатель статичного состояния. Ему дорог пафос созидательного труда — идет ли речь о возведении русской бани и выращивании репы в Мелихове или обустройстве окраин Российской империи. И написание отчета о состоянии школьного дела в Серпуховском уезде, и написание новой пьесы, строительство пожарного сарая или колокольни — дело равновеликое и ответственное. Писатель лучше всего чувствовал себя тогда, когда у него была «чертова пропасть» различных дел⁵⁹. Очень ценно то, что у А. П. Чехова не было ни интеллигентски благодушного, ни барского отношения к жизни на земле: «Успех в хозяйстве, даже маленький, в России дается ценою жестокой борьбы с природой, а для борьбы мало одного желанья, нужны силы телесные и закал, нужны традиции...»⁶⁰ Идеология А. П. Чехова — это идеология труда — труда самозабвенного, неустанного, неподневольного. В труде и творчестве — избавление от интеллигентского «кисляйства» и народной косности⁶¹. Об этом качестве А. П. Чехова писал М. Горький: «Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда как основания культуры так глубоко и всесторонне, как А. П. <...> ...он чувствовал поэзию труда»⁶². Вроде бы диссонансом этому звучат многочисленные сентенции А. П. Чехова о праздности как «идеале счастья»⁶³. Однако следует учитывать, что под «праздностью» писатель понимал прежде всего свободу от обременительного «постоя» теорий, возможность наблюдать и размышлять.

А. П. Чехов принимал идеал «праведного хозяйства» в том значении, в каком его понимали Е. А. Баратынский и А. А. Фет. Одна давняя мечта писателя — стать «хуторовладельцем» и хозяином поместья — осуществилась, другая — основать литературную «колонию» в живописном уголке империи — была близка к осуществлению⁶⁴. А. П. Чехов явно недооценивал свои задатки «работника и помещика»⁶⁵: у него была сформировавшаяся потребность быть и тем, и другим. Духом Диоклетиана пронизана чеховская эпистола А. С. Суворину: «Наши хозяйственные потуги увенчались полным успехом. Урожай основательный, и Мелихово, когда продадим хлеб, даст нам больше тысячи рублей. Огород блестящ. Огурцов целые горы, а капуста удивительная»⁶⁶. Деревенская жизнь плодотворна не только для художественной фантазии, но и для скудного художественного бюджета — отсюда

чеховский совет: «Гоните поэтов и беллетристов в деревню»⁶⁷. При этом он абсолютно чужд буржуазному идеалу. На это качество чеховского мировоззрения обращал внимание Ю. И. Айхенвальд⁶⁸. В известной мере антибуржуазностью А. П. Чехова объясняется и его художническая концепция: не дело писателя «убаюкивать» буржуазию в «ее золотых снах» — она «очень любит так называемые “положительные” типы и романы с благополучными концами, так как они успокаивают ее на мысли, что можно и капитал наживать, и невинность соблюдать...»⁶⁹. Как художник, он пытался привнести в поместную жизнь эстетическое начало. Образ цветущего сада концептуален не только для Чехова-художника, но и для Чехова-эконома и государственника.

А. П. Чехов имел свое видение крестьянского вопроса: он отрицательно относился к общинному землевладению, считая его архаичным и малопродуктивным в условиях пореформенной России. В январе 1899 г. в «Новом времени» был опубликован очерк Л. Л. Толстого «Мир дурак», в котором сын знаменитого литератора писал о закономерном распаде сельской общины и необходимости устранить искусственные препятствия, остающиеся на этом пути: круговую поруку, затрудненность выделов, «прикрепление» к волости⁷⁰. Соглашаясь с мнением Л. Л. Толстого, А. П. Чехов замечал, что община способствует развитию не земледельческой культуры, а всенародного пьянства и невежества⁷¹.

Модель образцового имения, трудового хозяйства, творческой артели принималась писателем при условии, что знаменем этого сообщества не являлось умственное, идейное сектанство по типу толстовства. Настороженно относился А. П. Чехов к объединениям с ярко выраженной религиозной доминантой. Так, он скептически воспринимал педагогическую концепцию С. А. Рачинского: она не избавляла ребенка от самоощущения «маленького каторжника», понуждаемого исполнять не вполне ясные для него обязанности⁷². К вере человек должен прийти сам. Чрезмерное усердие в деле религиозного воспитания может принести горькие плоды: церковный идеал потускнеет, утратит для ребенка свою привлекательность. Через это, судя по всему, прошел и сам А. П. Чехов. «Религии у меня теперь нет», — сознавался он в 1892 г. И. Л. Леонтьеву-Щеглову. Однако здесь слышна не радость освобождения от некоего умственного бреме-

ни,

а печальная констатация своей вынужденной оторванности от православных начал русской жизни. Писатель считал это «болезнью» поколения — болезнью, вдвойне опасной для деятеля искусства, ибо, «кто ничего не хочет, ни на что не надеется и ничего не боится, тот не может быть художником»⁷³. Как и В. В. Розанов, А. П. Чехов критически оценивал идеалы монашества, считая, что религия должна быть одухотворяющей радостью, а не страданием. Менее всего привлекал А. П. Чехова вариант показного, фальшивого воцерковления, «когда любят религию по-барски, с прохладцей, как любят метель и бурю, сидя в кабинете»⁷⁴. Возможно, поэтому столь холодно было встречено А. П. Чеховым известие об открытии в конце 1901 г. Религиозно-философских собраний. Писатель даже позволил себе выговорить своему другу — редактору «Журнала для всех» В. С. Миролюбову, принявшему участие в РФС: «Нужно веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать ее место шумихой, а искать, искать, искать одиноко, один на один со своей совестью...»⁷⁵ О недопустимости интеллигентской игры «в религию» шла речь и в известном декабрьском 1902 г. письме С. П. Дягилеву⁷⁶.

В июле 1904 г. М. О. Меньшиков в «Новом времени» предложил публике эффектную, но, на наш взгляд, в корне неверную трактовку чеховского образа: «Реалист и либерал, Чехов глядел на русское общество как англичанин, попавший в русский уездный магазин, с презрительной усмешкой»⁷⁷. В этом идейном «портрете» можно принять лишь первый штрих — «реалист». Остальное никак не вяжется с чеховским обликом патриота, труженика, подвижника. «От него живой Русью веяло»⁷⁸, — передавал И. Н. Потапенко то впечатление, которое производил А. П. Чехов на обитателей петербургских литературных гостиных. «Русский человек до мозга костей»⁷⁹, — писал о Чехове Суворин в апреле 1904 г.

Почвенническую суть чеховской природы хорошо понял В. В. Розанов, которого сам А. П. Чехов поначалу недолюбливал, называя литературным «городовым»⁸⁰. Мнение писателя радикально изменилось в декабре 1902 г., после публикации в «Новом времени» розановского очерка «25-летие кончины Некрасова». «Давно, давно уж не читал ничего подобного, — писал

А. П. Чехов В. С. Миролюбову, — ничего такого талантливое, широкого и благодушного, и умного»⁸¹. Центральная тема розановской работы — Н. А. Некрасов как фигура, синтезирующая образованность и народность, интеллигенцию и «почву». Основной чертой подлинного интеллигента В. В. Розанов считает «умное горение»: «“Культурный человек” или “образованный” — сохраняется; “интеллигент” — сгорает: и в этом их разница. Момент-то горения и есть самый главный, ибо его процесс и образует “интеллигентную жизнь” учителя, лекаря, писателя, сестры милосердия, ученого землевладельца...»⁸² Эти мысли не могли не импонировать А. П. Чехову, видевшему в культурном подвижничестве интеллигенции важнейший фактор государственного и национального бытия. Очерк В. В. Розанова обратил на себя внимание всей консервативной печати.

Итак, чеховское представление о государственно-политическом и общественно-экономическом устройстве России складывается из следующих позиций:

— сильная (но не деспотичная!), справедливая, великодушная власть — вопрос о конкретной форме правления (монархия? республика?) для А. П. Чехова был вторичен;

— расширение земских начал жизни и местного самоуправления (идея народного представительства не исключалась писателем, но и не обладала для него качествами априорной истины), ограничение всеислия бюрократии;

— широкое просвещение народа через совершенствование образовательной системы, библиотечного, издательского, музейного дела с привлечением к этой работе научной и художественной интеллигенции;

— социальная ответственность интеллигенции и государства, создание институтов частной и государственной благотворительности;

— равная «правоспособность» сословий, утверждение принципа «нравственного права» через совершенствование судебной системы;

— упразднение сельской общины;

— воспитание уважения к чужой собственности и труду, хорошо оплачиваемый вольнонаемный труд, хорошо оплачиваемый

мый труд сельского духовенства и учительства, офицерства и медицинских работников;

— свобода слова и собраний;

— разумная и толерантная национальная и религиозная политика;

— сильная, боеспособная армия.

Общественно-политические идеи А. П. Чехова отличаются конструктивностью и здоровым прагматизмом. В целом они не выпадают из либерально-консервативной концепции государства. Основной объект чеховских упований — интеллигенция, исповедующая философию долга, труда и творчества. Главное условие государственного благополучия — в творческом соединении усилий образованной и земской России.

Примечания

¹ Бердников Г. П. А. П. Чехов : идейные и творческие искания. М., 1984. С.105—106, 398.

² Булгаков С. Н. Чехов как мыслитель // А. П. Чехов: pro et contra. СПб., 2002. С. 562.

³ Шестов Л. Творчество из ничего (А. П. Чехов) // А. П. Чехов: pro et contra. С. 584.

⁴ Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М., 2000. С. 19, 25.

⁵ Чехов А. П. Собрание сочинений : в 12 т. М., 1960—1964. Т. 11. С. 251—252.

⁶ Там же. С. 110.

⁷ Там же.

⁸ Булгаков С. Н. Указ. соч. С. 554.

⁹ Там же. С. 560.

¹⁰ Чехов А. П. Указ. соч. Т. 11. С. 569.

¹¹ Громов М. П. Чехов. М., 1993. С. 263.

¹² Чехов А. П. Указ. соч. Т. 12. С. 274.

¹³ Булгаков С. Н. Указ. соч. С. 564.

¹⁴ Чехов А. П. Указ. соч. Т. 12. С. 131.

¹⁵ Там же. Т. 11. С. 347.

¹⁶ Там же. С. 388.

¹⁷ Там же. С. 413.

¹⁸ См.: А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 517.

- ¹⁹ *Чехов А. П.* Указ. соч. Т. 11. С. 20—21.
- ²⁰ Там же. Т. 12. С. 384.
- ²¹ Там же. Т. 11. С. 83.
- ²² *Суворин А. С.* Письмо DCXXXX // Новое время. 1903. 3 марта.
- ²³ *Чехов А. П.* Указ. соч. Т. 11. С. 257.
- ²⁴ *Струве П. Б.* Интеллигенция и революция // Вехи : Из глубины. М., 1991. С. 156.
- ²⁵ *Громов М. П.* Указ. соч. С. 152.
- ²⁶ *Чехов А. П.* Указ. соч. Т. 11. С. 184.
- ²⁷ Там же. С. 461.
- ²⁸ *Чехов А. П.* Указ. соч. Т. 12. С. 542.
- ²⁹ Речь шла о драме «Иванов». См.: *Чехов А. П.* Указ. соч. Т. 11. С. 312.
- ³⁰ Там же. Т. 10. С. 494.
- ³¹ Там же. Т. 11. С. 399.
- ³² Там же. Т. 10. С. 410.
- ³³ Там же. Т. 11. С. 468.
- ³⁴ Там же. Т. 12. С. 115.
- ³⁵ Там же. С. 379.
- ³⁶ См.: *Станиславский К. С.* А. П. Чехов в Художественном театре // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. С. 415.
- ³⁷ *Чехов А. П.* Указ. соч. Т. 11. С. 257.
- ³⁸ Там же. Т. 12. С. 493.
- ³⁹ Там же. Т. 11. С. 294.
- ⁴⁰ Там же. С. 335.
- ⁴¹ Там же. С. 170.
- ⁴² Там же. С. 216.
- ⁴³ Там же. С. 223.
- ⁴⁴ Там же. Т. 12. С. 137.
- ⁴⁵ Там же. С. 38.
- ⁴⁶ Там же. Т. 11. С. 504.
- ⁴⁷ Там же. Т. 12. С. 127.
- ⁴⁸ Там же. Т. 11. С. 478.
- ⁴⁹ Там же. С. 521.
- ⁵⁰ См.: *Горький М.* А. П. Чехов // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. С. 439.
- ⁵¹ *Долинин А. С.* О Чехове (Путник-созерцатель) // А. П. Чехов: pro et contra. С. 955.
- ⁵² *Чехов А. П.* Указ. соч. Т. 10. С. 481.
- ⁵³ Там же. Т. 11. С. 566.
- ⁵⁴ Там же. С. 569.

- ⁵⁵ *Суворин А. С.* Письмо СССXLIX // Новое время. 1899. 2 сент.
- ⁵⁶ Новое время. 1901. 12 авг.
- ⁵⁷ Русский вестник. 1901. № 2. С. 552.
- ⁵⁸ *Чехов А. П.* Указ. соч. Т. 10. С. 492.
- ⁵⁹ Там же. Т. 12. С. 86.
- ⁶⁰ Там же. С. 77.
- ⁶¹ Там же. С. 58.
- ⁶² *Горький М.* Указ. соч. С. 451—452.
- ⁶³ *Чехов А. П.* Указ. соч. Т. 12. С. 52.
- ⁶⁴ Там же. Т. 11. С. 241.
- ⁶⁵ Там же. С. 547.
- ⁶⁶ Там же. С. 566.
- ⁶⁷ Там же. Т. 12. С. 24.
- ⁶⁸ *Айхенвальд Ю. И.* Силуэты русских писателей : в 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 30.
- ⁶⁹ *Чехов А. П.* Указ. соч. Т. 12. С. 81.
- ⁷⁰ *Толстой Л. Л.* Мир дурак // Новое время. 1899. 4 янв.
- ⁷¹ *Чехов А. П.* Указ. соч. Т. 12. С. 252.
- ⁷² Там же. Т. 11. С. 535.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же. С. 582.
- ⁷⁵ Там же. Т. 12. С. 65.
- ⁷⁶ Там же. С. 423.
- ⁷⁷ *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. 1904. 11 июля.
- ⁷⁸ *Потапенко И. Н.* Несколько лет с А. П. Чеховым // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. С. 332.
- ⁷⁹ *Суворин А. С.* Письмо DIII // Новое время. 1904. 29 апр.
- ⁸⁰ *Чехов А. П.* Указ. соч. Т. 12. С. 423.
- ⁸¹ Там же. С. 463.
- ⁸² *Розанов В. В.* Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 113.

В. А. Острога

**ПОДГОТОВКА КАНДИДАТОВ НАУК
В ОБЛАСТИ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
В БЕЛОРУССКОЙ ССР (1944—1991 гг.)**

Проблемы формирования вузовской интеллигенции постоянно находятся в центре внимания историков. Актуальность исследований, в которых анализируется подготовка кадров высшей квалификации, несомненна. Зная тенденции и проблемы прошлого, мы можем совершенствовать современную систему подготовки высокопрофессиональной вузовской интеллигенции, от квалификации и уровня научно-теоретической и методической подготовки которой во многом зависит кадровое обеспечение всех отраслей народного хозяйства. Во все времена учитель (преподаватель) всегда являлся и является душой учебного заведения.

После окончания Великой Отечественной войны в БССР началось восстановление системы подготовки кадров высшей квалификации в области новой и новейшей истории, созданной в своей основе в 1920—30-х гг. В области всеобщей истории сформировались три специальности, по которым в СССР шла подготовка диссертаций: «Всеобщая история» (07.00.03), «Международное коммунистическое рабочее и национально-освободительное движение» (07.00.04) и «История международных отношений и внешней политики» (07.00.05). Именно в послевоенный период за всё время существования БССР было защищено без малого 100 % кандидатских диссертаций по новой и новейшей истории. В 1940-е — 1991 гг. наблюдалась следующая динамика защит кандидатских диссертаций по новой и новейшей истории в БССР и белорусских историков за пределами республики: во 2-й половине 1940-х гг. — 4 успешные защиты, в 1950-е гг. — 5,

© Острога В. А., 2016

Острога Виктор Александрович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела Белорусского государственного университета (Минск). ostroga.v@mail.ru

в 1960-е гг. — 5, в 1970-е гг. — 29, 1980-е гг. — 1991 г. — 31. Всего, по подсчетам автора, 74 защищенные диссертации, из них в 1940—60-е — 14, а в 1970-е — 1991 г. больше чем в 4 раза — 60. Резкое увеличение числа защит диссертаций пришлось на 1970—80-е гг. Рекордным стал 1984 г., когда было успешно защищено 9 диссертаций в области новой и новейшей истории (почти 30 % от общего числа за десятилетие). Хотя на 1985 г. аспирантуру по историческим наукам с защитой оканчивали лишь 14—15 % соискателей, а с превышением срока — 60 %¹. Однако на фоне других отраслей исторических наук — истории КПСС, КПБ, СССР и БССР, число этих защит было несопоставимо. Так, исходя из данных библиографического указателя В. Н. Михнюка и Л. Н. Новицкой, в период с 1944 по 1987 г. было защищено 704 кандидатские диссертации в упомянутых областях, в то время как на всеобщую историю приходилось 67 работ (менее 10 % от общего числа), а на новую и новейшую — 55².

Как отмечает о специфике послевоенного периода известный эксперт в области истории интеллигенции Г. В. Корзенко, «в Беларуси не просто шло развертывание подготовки кадров науки через аспирантуру, а фактически заново создавалась материальная основа исследований, вновь формировался коллектив научных руководителей и оформлялись научные школы»³. Но эффективность работы над диссертациями в 1940-х гг. была невысокой, только около 5 % защищалось в срок. В 1944/45 учеб. г. всего 16,2 % преподавателей вузов имели ученые степени и звания. Подобная ситуация просуществовала примерно до 1950 г.⁴

Самым крупным в послевоенный период центром подготовки кадров высшей квалификации уровня кандидата наук в области всеобщей истории со специализацией новая и новейшая история и безусловным лидером-ориентиром стала кафедра истории Нового и Новейшего времени Белорусского государственного университета (БГУ). Так, только с 1937 по 1991 г. на ней было подготовлено 33 кандидата наук. На примере обучения соискателей и аспирантов этой кафедры можно проследить практически весь генезис формирования белорусской интеллигенции в области новой и новейшей истории за этот период.

Сразу после войны продолжил активную работу над новой темой кандидатской диссертации «Франко-прусская война 1870—1871 гг. и общественное мнение России» заведующий кафедрой новой истории БГУ Л. М. Шнеерсон. Тема его прежней диссертации в 1943 г. была изменена. Как он вспоминал: «Я возобновил работу над диссертацией, но снова изменил тему из конъюнктурных соображений. Моя погибшая диссертация была посвящена позиции России в германском вопросе в 1848—1850-х гг., когда Россия воспрепятствовала объединительным процессам в Германии, такая работа могла дать пищу фашистской пропаганде об исторической враждебности России германским интересам»⁵. В 1946 г. он успешно защитил результаты своего исследования. Это была первая кандидатская диссертация по новой истории, выполненная в БССР.

В 1945 г. доцент кафедры З. М. Ханутин стал работать над диссертацией по теме «Франко-русские отношения накануне Отечественной войны 1812 г.»⁶. Однако в 1947 г. он взял уже другую тему и в 1951 г. представил к защите диссертацию, но из-за критических замечаний оппонентов она была отложена. С 1946 г. на кафедре продолжил свою аспирантскую подготовку Г. М. Трухнов, в 1948 г. защитивший диссертацию на тему «Германская империалистическая политика на Балканах в период первой балканской войны: 18 октября 1912 г. — 30 мая 1913 г.». В 1947 г. Ученый совет БГУ выдвинул его на соискание Сталинской премии на лучшую научно-исследовательскую работу.

С осени 1948 г. при кафедре под руководством Л. М. Шнеерсона начал подготовку аспирант Д. Б. Мельцер, защитивший в 1954 г. в Ленинградском госуниверситете диссертацию на тему «Роль Советского Союза в обеспечении свободы и независимости болгарского народа. 1939—1952», первую по новейшей истории в республике⁷. В 1952 г. в аспирантуру кафедры поступил В. К. Дашкевич, который в 1955 г. успешно защитил диссертацию по редкой в тогдашней Беларуси полувостоковедной теме «Колониальная политика Франции в Тунисе после Второй мировой войны (1945—1954 гг.)». Позднее на кафедре обучались аспиранты Т. П. Гирдюк и Д. С. Климовский.

В это время шло развитие правовой базы подготовки кадров высшей квалификации. Так, были приняты постановления

советского правительства от 22 мая 1948 г. «О подготовке научно-педагогических и научных кадров через аспирантуру», постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мероприятиях по улучшению подготовки и аттестации научных и педагогических кадров» от 20 августа 1956 г., установившее новый порядок комплектования аспирантуры и защиты диссертаций. В 1961 г. вступило в силу постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров», в соответствии с которым вузам было разрешено направлять диссертантов в ведущие научные учреждения и вузы по своему профилю для выполнения научных исследований. На кафедру стали приходить аспиранты из других вузов БССР. Так, в 1962 г. в аспирантуру был зачислен преподаватель Гродненского пединститута Ф. В. Наливайко (научный руководитель проф. Н. П. Полетика). Он начал работу по теме «Английская дипломатия в период марокканского кризиса 1905—1906 гг.», которую защитил в 1967 г.

Успехи кафедры в деле подготовки кадров высшей квалификации были налицо. Но в целом по стране количество преподавателей, имевших ученые степени, на тот момент было крайне мало. В декабре 1962 г. на Всесоюзном совещании историков секретарь ЦК КПСС академик Б. Н. Пономарев отметил, что «состояние научно-педагогических кадров, особенно квалифицированных, неудовлетворительно: число преподавателей вузов — докторов и профессоров невелико. Плохо обстоит дело с подготовкой специалистов по истории ряда стран и целых районов современного мира... Количество защищенных диссертаций по древней, средневековой и, частично, новой истории, вызывает законный интерес, а обеспечивает ли подготовка специалистов в указанных областях хотя бы воспроизводство кадров?»⁸ Эта критика отражала непростую ситуацию. Причины крылись, в частности, в сложности получения командировки для работы в центральных архивах и библиотеках, слабом знании иностранного языка.

Большую проблему представляла собой и трудность в опубликовании результатов исследований. Так, в отчете БГУ за 1964/65 учеб. г. отмечалось, что «рост научных кадров высшей

квалификации сдерживается отсутствием возможности публиковать плановые научные работы. Подчеркивалось, что в этом отношении БГУ находится в невыгодном положении по сравнению с университетами РСФСР, Молдавии, Украины, Армении, Грузии и других республик, где сохранились издательства при университетах, т. к. в 1962 г. издательство БГУ было ликвидировано⁹.

В 1963 г. аспирантом кафедры стал М. Г. Елисеев. Вскоре он был направлен на стажировку в Берлинский университет им. Гумбольдта, где под руководством доктора В. Бартеля исследовал тему «Доктрина Хольштейна — орудие западногерманских монополий». Позднее эта работа вылилась в диссертацию «Западногерманская политика международной изоляции ГДР и ее крах (1949—1970 гг.)», защищенную в 1971 г. В 1967 г. в аспирантуру был зачислен недавний выпускник В. С. Кошелев. В 1968 г. его направили в Институт восточных языков при МГУ для изучения арабского языка и специализации по истории и культуре стран Арабского Востока. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. над кандидатскими диссертациями работали А. Н. Егоров, Б. С. Матвиенко, Т. А. Кургуныян, О. Г. Радькова, Е. И. Новикова.

В середине 1970-х гг. был принят ряд новых постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР по дальнейшему совершенствованию системы подготовки кадров высшей квалификации.

1974 г. в БГУ стал «богатым» на защиту диссертаций: В. С. Кошелев защитил кандидатскую диссертацию «Внутриполитическая борьба в Египте в первые годы Второй мировой войны. 1939—1942 гг.». Защитили диссертации и ряд других соискателей: Л. В. Лойко, В. И. Сеница, Е. И. Новикова, О. Г. Радькова и А. Н. Егоров.

В 1974 г. впервые в истории кафедры в аспирантуру зарубежного Йенского университета имени Ф. Шиллера (ГДР) был направлен аспирант кафедры П. А. Шупляк. Его научным руководителем с немецкой стороны стал профессор М. Вайсбеккер, с советской — профессор Л. М. Шнеерсон. Аспирант активно работал в Йене, Лейпциге и Берлине над темой «Профсоюзы и стачечная борьба в Германии в период мирового кризиса 1929—1933 гг.», защита диссертации состоялась в 1975 г. в Йене¹⁰. Это была первая защита кандидатской диссертации белорусского соискателя в области новой и новейшей истории за рубежом.

В 1977 г. при кафедре обучались Г. Г. Лазько, Т. А. Слабухо, М. А. Беспалая, Г. А. Космач, А. В. Малахов и И. Ф. Карасюк. В отчете о деятельности кафедры за 1974—1979 гг. отмечалось, что было защищено 12 кандидатских диссертаций, 5 из них под руководством Г. М. Трухнова. Заметим, что в это время практически все аспиранты кафедры укладывались в сроки защиты диссертаций. В 1980-е гг. успешные защиты продолжились. Так, в 1981 г. В. М. Писарев защитил диссертацию на тему «Возрастные руководящей роли рабочего класса ГДР в управлении государством в период строительства развитого социалистического общества (1971—1975 гг.).»

Успехи рождались в каждодневной работе. Так, на заседании кафедры в 1983 г. впервые в ее истории была утверждена тема диссертации «Рабочее движение на Кубе накануне и в годы Второй мировой войны (1934—1945 гг.)» зарубежного аспиранта — кубинки Анны Луизы Лопес. Вскоре подготовку диссертации начал и аспирант из Вьетнама. К 1984 г. на кафедре было подготовлено и защищено аспирантами и соискателями — 13 кандидатских диссертаций.

В 1986 г. на кафедру прибыл вьетнамский историк-стажер Нгуен Ван Тхы, уже в 1987 г. предоставивший на обсуждение диссертацию по теме «Битва при Дьен Бьен Фу и ее значение для национального освобождения Вьетнама». К слову, в 1988 г. диссертации защитили два вьетнамских соискателя Нгуен Ван Тхы и Нгуен Ван Тан.

Руководство БССР имело представление о проблемах в области подготовки высокопрофессиональной вузовской интеллигенции. К примеру, 27 мая 1987 г. вышло совместное постановление ЦК КПБ и Совета министров БССР № 190 «Об организации выполнения постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 13 марта 1987 г. № 327 “О мерах по улучшению подготовки и использования научно-педагогических и научных кадров”», в котором требовалось «осуществить перестройку подготовки научно-педагогических и научных кадров... устранить серьезные недостатки, имеющиеся в работе аспирантуры...»¹¹.

Как уже отмечалось, вместе с белорусскими историками над диссертациями активно работали и иностранные соискатели. Так, в 1990 г. был аттестован аспирант афганец Обейдулла

Лангар, состоялось обсуждение диссертации аспиранта из Вьетнама Нгуен Ке Тхан, вскоре защитившего диссертацию на тему «Борьба коммунистической партии Индокитая за демократию и национальный фронт во Вьетнаме (1930—1941 гг.)». Это была последняя защита кандидатской диссертации на кафедре в советский период ее истории.

Таким образом, БГУ в БССР представлял собой крупнейший в республике научно-образовательный и методический центр по подготовке специалистов высшей квалификации. Кроме БГУ, в Советской Белоруссии были и другие вузы, имевшие кафедры, где осуществлялись научные исследования по новой и новейшей истории. Но там ситуация с наличием кадров высшей квалификации на протяжении всего рассматриваемого периода была более сложной. В первую очередь, это объяснялось тем, что аспирантура по специальности «всеобщая история» существовала только в БГУ и некоторое время в Академии наук БССР. Так, из 55 кандидатских диссертаций, защищенных в 1946—1987 гг. в республике по специальности «всеобщая история» либо касавшихся этой проблематики, 41 была защищена в БГУ, 14 — в АН БССР¹².

В так называемых «провинциальных» вузах также требовались преподаватели с учеными степенями. Но в этих учебных заведениях наличие докторов или кандидатов наук, а также лиц, пишущих диссертации, обуславливалось многими факторами. В значительной мере на это влиял тип вуза. В педагогическом институте областного центра подготовка кадров велась более активно и стабильно, нежели в районном учительском институте. Анализ деятельности исторической кафедры отдельно каждого типа учебных заведений на протяжении всего рассматриваемого периода позволяет выявить интересную картину. Их общими проблемами стала нехватка преподавателей, как с ученой степенью, так и без нее. Это приводило к парадоксальной трансформации тематики научно-исследовательской работы и выбора тем диссертаций — вместо профильных по всеобщей истории на непрофильные по белорусской истории, более доступные по источниковой базе. Наличие кафедр всеобщей истории далеко не всегда содействовало развитию новой и новейшей истории, как в научном, так и в организационном плане существовавшей в своем классическом виде только в БГУ. Об этом говорил в 1984 г.

академик С. Л. Тихвинский: «В настоящее время у нас резко сократилось число специалистов по ряду важных разделов и проблем... новой истории»¹³. Оказывала свое негативное влияние перегруженность преподавателей. К примеру, разница в учебной годовой нагрузке преподавателя истории СССР и всеобщей истории на конец 1970-х гг. доходила до 250 часов. Остановимся на тенденциях и отдельных примерах.

Кроме БГУ, с конца 1960-х гг. университеты были созданы в Гомеле и Гродно. Но первоначально в восстановленном после войны Гомельском пединституте на кафедре истории, а затем всеобщей истории не было преподавателей с ученой степенью. Лишь в 1949 г. преподаватели новой и новейшей истории А. И. Коробочко и Э. Б. Модина защитили кандидатские диссертации. Последняя, защитив исследование на тему «Возникновение индийского национального конгресса и первые годы его деятельности», стала первым в БССР остепененным востоковедом. После ликвидации в 1960 г. исторического факультета в институте полностью прекратилось преподавание и изучение всеобщей истории и соответственно работа над диссертационными исследованиями. Возрождение интереса к этому стало возможным только благодаря появлению университета в 1969 г. Но лишь в 1972 г. создание кафедры истории СССР и всеобщей истории позволило вновь реально подойти к проблематике всеобщей истории. Почти 20 лет в вузе не было структуры, где бы непосредственно занимались проблемами всемирной истории. Это был пробел на уровне поколения. Кадровая ситуация стала медленно исправляться лишь в 1977 г., когда А. А. Титова, окончившая аспирантуру кафедры истории южных и западных славян МГУ, защитила диссертацию. В 1979 г. кандидатом наук стал Г. Г. Лазько. По большому счету, только в 1984 г., после восстановления самостоятельной кафедры всеобщей истории, из почти 30-летнего забвения началось реальное кадровое возрождение. Во второй половине 1980-х гг. работу над кандидатскими диссертациями начали Е. А. Бровкин и Н. Н. Мезга.

В Гродненском пединституте, где до 1952 г. даже не было кафедры истории, ситуация представляется более сложной. Преподаватели всеобщей истории в своих научных изысканиях не ориентировались на проблемы этой области знаний.

Так, трудившаяся там первая в БССР аспирантка по новой истории В. И. Денисюк с 1950 г. работала над кандидатской диссертацией по теме «Развитие капитализма в сельском хозяйстве и крестьянское движение в Гродненской области во второй половине XIX в.». Это был почти объективный курьез истории. Не изменилась ситуация и после организации в 1954 г. исторического факультета. Причины этого были вскрыты 11 апреля 1957 г. на заседании кафедры при обсуждении статьи «О некоторых вопросах развития исторической науки в республике», опубликованной в журнале «Коммунист Белоруссии» того же года. На заседании заведующий кафедрой Б. М. Фих упомянул и проблемы соискателей: «Говорят, что низок уровень написанных диссертаций, но ведь когда знаешь, что их нельзя напечатать, то не работаешь над ними»¹⁴. Положение осложнилось после преобразования в 1958 г. исторического факультета в историко-филологический. Но и в этих условиях гродненские историки достигали определенных успехов. Так, в 1958 г. И. Н. Милюкевич защитил кандидатскую диссертацию в области полонистики на тему «Борьба польского народа за свободу и национальную независимость (1941—1944 гг.)».

В 1960 г. после восстановления исторического факультета появились определенные перспективы. Так, с 1962 г. работал над диссертацией Ф. В. Наливайко, с 1965 г. — А. П. Овчинников. После переименования кафедры истории в кафедру истории СССР и БССР проблематика всеобщей истории стала формально непрофильной и малопривлекательной. Лишь в 1972 г., в условиях восстановления кафедры всеобщей истории, вопросы зарубежной истории вновь становятся актуальными, а преподаватели начинают более активно работать над диссертациями. На тот момент кафедра имела достаточно много диссертационных проектов, но проблема состояла в том, что тематически они мало отвечали ее профилю: значительная их часть касалась истории Белоруссии. С 1979 г. диссертационная активность на кафедре получила новый импульс в связи с переходом на университетские стандарты.

Таким образом, в крупнейших педагогических институтах БССР, Гомельском и Гродненском, на протяжении середины 1940-х — начала 1970-х гг. происходившие процессы не способствовали успешной подготовке кадров высшей квалификации.

Лишь с начала 1970-х гг., после преобразования пединститутов в университеты начал повышаться качественный уровень кадрового состава этих кафедр.

Подготовка кандидатских диссертаций в области всеобщей истории осуществлялась и в других государственных педагогических институтах — Минском, Могилевском, Брестском и Витебском, не ставших в советский период университетами. Каждый из них имел различные возможности в этой области. Наиболее активно работали кафедры Минского и Могилевского институтов.

После войны в Минском пединституте изначально имелась кафедра всеобщей истории, где существовал дефицит высококвалифицированных кадров. Перед руководством кафедры постоянно стояла задача привлечения на работу преподавателей со степенями. Качественное улучшение преподавательского состава началось только в середине 1960-х гг. Проблемой кафедры долгое время был и выбор преподавателями в качестве диссертационных тем проблем белорусской истории. Но постепенно кафедра вышла на приемлемую тематику на стыке белорусской и всеобщей истории. Так, в 1970 г. была утверждена тема кандидатской диссертации Т. Л. Шестаковой «Участие Белоруссии в расширении и укреплении интернациональных связей народов СССР с трудящимися зарубежных стран (1933—1941 гг.)», защищенной в 1974 г. В 1978 г. на кафедре впервые в БССР начата подготовка иностранного соискателя ученой степени кандидата наук в области новейшей истории. Это была М. И. Роселью, начавшая работу по теме «Рабочее движение на Кубе в конце 20-х — первой половине 30-х годов (1925—1935)»¹⁵. Ее успешная защита состоялась в 1983 г. С 1981 г. при кафедре обучался кубинский аспирант Л. Эрнандес. С конца 1970-х кафедра стала представлять достаточно крупный центр в области всеобщей истории.

В Могилевском пединституте с 1944 г. на кафедре истории исторического факультета работу над кандидатской диссертацией на тему «Роль германской дипломатии в разжигании русско-японской войны» осуществлял И. С. Чарный. С 1949 г. над диссертациями работали А. И. Козлов, М. Ф. Голованов, В. А. Дайнека. Но на науку преподаватели могли отдать лишь свой досуг, т. к. преподавание занимало всё рабочее время. С 1950/51 учеб. г. заведующая кафедрой К. Г. Михайлова стала работать над кандидатской

диссертацией на тему «Отношения России с Австрией во 2-й половине XVII в.». В последующем ситуация с диссертациями ухудшилась. Так, заведующая просила руководство института «изменить тему работы, запланированную в качестве диссертации»¹⁶. Ликвидация в 1960 г. кафедры всеобщей истории не содействовала интересу развития науки, и лишь в 1968 г., после ее восстановления, подготовка кадров была возобновлена. Даже в 1980-е гг. преподаватели, вне зависимости от читаемого курса, писали диссертации по истории Белоруссии.

В 1944 г. начал работу Витебский педагогический институт. Возобновила свою работу и кафедра истории, где дефицит кадров высшей квалификации также представлял проблему. С 1947 г. несколько преподавателей начали работать над кандидатскими диссертациями, но лишь Е. Э. Печуро исследовала тему по новой истории — «Американско-мексиканские отношения накануне мексиканской революции 1910 г.». Кроме того, в 1948/49 учеб. г. в стенах института над диссертацией «Американский нейтралитет в итало-абиссинской войне 1935—1936 гг.» работал Д. Р. Вобликов. В 1950 г. была создана кафедра всеобщей истории, на которой над диссертациями работали Е. Э. Печуро, М. Н. Злотин и Е. П. Антоненков. Но в годовом отчете института за 1952/53 учеб. г. отмечалось, что «работники кафедры очень медленно включаются в сдачу кандидатских экзаменов, не ведут самостоятельной НИР и не дают печатной продукции»¹⁷. Нужно констатировать, что практически все не имевшие ученой степени сотрудники из года в год «отмахивались» от научной работы фразой «готовлюсь к сдаче кандидатских экзаменов». Но основной причиной подобной инертности, несомненно, было отсутствие у преподавателей видения перспективы, что было связано с решением о ликвидации исторического факультета в 1955 г. Вновь подготовка специалистов высшей квалификации в области всеобщей истории началась в Витебске только в 1990-х гг.

Определенный интерес вызывает ситуация с кадрами высшей квалификации в учительских институтах (УИ) БССР. В послевоенный период в этих учебных заведениях существовали кафедры истории, остро нуждавшиеся в кадрах. Относительно неплохо в этом плане обстояли дела в Пинском институте. Кафедра истории Пинского УИ по многим позициям являлась

лучшей среди аналогичных кафедр. Ее преподаватели достаточно активно трудились над диссертациями, хотя периодически их работа подвергалась критике. Так, в отчете института за 1949 г. отмечалось, что «ст. преподаватель Петрова, ст. преподаватель Бондаренко и ст. преподаватель Казаков взятые на себя планы по сбору материала по темам, а также сдачу кандидатского минимума не выполнили»¹⁸. Но в начале 1950-х гг. два сотрудника кафедры полностью закончили диссертационные исследования и вскоре защитили их — Г. Я. Риер и Б. М. Фих. Но более таких результативных научных исследований вплоть до закрытия кафедры в 1954 г. не происходило. На кафедре истории Барановичского УИ за всё время существования планы НИР из года в год не выполнялись, хотя к сдаче кандидатских экзаменов постоянно «готовились» практически все преподаватели. Но даже в этом случае ни одна из тем диссертаций не имела отношения к всеобщей истории. Закрытие института и кафедры в 1955 г. положило конец всем диссертационным исследованиям. Преподаватели кафедры истории Оршанского УИ также не имели возможности серьезно заниматься диссертационной работой. Но, в отличие от Барановичей, они исследовали вопросы всеобщей истории — Древнего мира и Средних веков. Однако, как отмечалось в отчете кафедры за 1949/50 учеб. г.: «Выполнение НИР идет медленно и особенно по написанию диссертаций...»¹⁹ В 1951 г. кафедра была ликвидирована. Кафедра истории Мозырского УИ практически не уделяла внимания научной работе, а ее преподаватели не работали над диссертациями. Об этом отмечал в своем отчете за 1949/50 учеб. г. зав. кафедрой: «...специальных тем диссертаций члены кафедры не имеют. Работа ограничивается подготовкой к сдаче кандидатского минимума»²⁰. В 1953 г. эта кафедра была ликвидирована. На кафедре истории Молодеченского УИ на подготовку кадров высшей квалификации обращали недостаточное внимание. Проблемы всеобщей истории не исследовал никто. Хотя отдельные преподаватели, например Л. Т. Кулешова и З. Х. Савельзон, готовились к сдаче кандидатского минимума. Как в других учительских институтах, исторические исследования прекратились в связи с ликвидацией кафедры в 1953 г. В открытом в 1945 г. в Бресте учительском институте аналогично катастрофически не хватало специалистов

с учеными степенями. В 1950 г. при преобразовании института в педагогический исторический факультет был упразднен и кафедра истории с 1951 г. была расформирована. Вновь всеобщую историю в Бресте стали преподавать и исследовать лишь с 1989 г.

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении всего рассматриваемого периода в Белорусской ССР велась достаточно активная деятельность по формированию вузовской интеллигенции в области всеобщей истории. Но субъективные и объективные причины не позволили должным образом решить эту задачу. Полноценно историки различных вузов БССР проблемами новой и новейшей истории (за исключением БГУ) в рамках подготовки диссертаций начали заниматься лишь в последнее 20-летие советского периода.

Примечания

- ¹ Протоколы № 1—21 заседаний кафедры всеобщей истории и документы к ним [30.08.1985 — 10.06.1986 гг.] // Национальный архив Республики Беларусь (далее — НА РБ). Ф. 746. Оп. 5. Д. 2079. Л. 45.
- ² Докторские и кандидатские диссертации по историческим наукам в Белоруссии, 1944—1987 гг. : библиогр. указ. Минск, 1988.
- ³ *Корзенко Г. В.* Аспирантура Беларуси: вехи истории : к 70-летию основания // Адукацыя і выхаванне. 1997. № 5. С. 117.
- ⁴ *Качан Г. А.* Вышэйшая педагагічная адукацыя на Беларусі у першае пасляваеннае дзясяцігоддзе (гістарычны аспект) // Удасканалене прафесійна-педагагічнай дзейнасці і сучаснай сістэме адукацыі. Мінск, 1994. С. 148.
- ⁵ См.: *Кошелев В. С.* Кафедра истории Нового и Новейшего времени БГУ. Минск, 2010. С. 237.
- ⁶ Ханутин Залман Моисеевич // Архив Белорусского государственного университета. Ф. 205. Оп. 10. Д. 33. Л. 41.
- ⁷ Диссертации, защищенные в Ленинградском ордена Ленина государственном университете имени А. А. Жданова, 1934—1954 гг.: библиогр. указ. Ленинград, 1955. С. 175.
- ⁸ *Пономарев Б. Н.* Задачи исторической науки и подготовка кадров : Всесоюзное совещание историков, 18—19 декабря 1962 г. // Новая и новейшая история. 1963. № 2. С. 15.
- ⁹ Отчет БГУ о работе за 1964/65 уч. г. // НА РБ. Ф. 205. Оп. 8. Д. 308. Л. 20.

- ¹⁰ Отчеты научных сотрудников, аспирантов БГУ о зарубежных командировках за 1976 г. // Там же. Д. 1676. Л. 19.
- ¹¹ Лукьянова О. В. Сборник основных нормативных актов и документов по высшей школе : в 2 ч. Минск, 1989. Ч. 1. С. 26.
- ¹² Докторские и кандидатские диссертации...
- ¹³ Тихвинский С. Л. О задачах исторической науки по реализации решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС // Вопросы истории. 1984. № 1. С. 19.
- ¹⁴ Планы работ, протоколы заседаний и отчеты о работе кафедры истории за 1956/57 учебный год // Государственный архив Гродненской области. Ф. 991. Оп. 1. Д. 362. Л. 144.
- ¹⁵ Протоколы № 1—19 заседаний кафедры всеобщей истории и документы к ним [07.09.1978 — 03.07.1979 гг.] // НА РБ. Ф. 746. Оп. 5. Д. 1611. Л. 69.
- ¹⁶ Планы работы и протоколы заседаний Ученого совета [20.09.1951 — 18.06.1952 гг.] // Государственный архив Могилевской области. Ф. 927. Оп. 1. Д. 157а. Л. 38.
- ¹⁷ Учебные планы и отчеты педагогического института по кафедрам за 1952—1955 гг. // Государственный архив Витебской области. Ф. 204. Оп. 10. Д. 35. Л. 38.
- ¹⁸ Годовой отчет о работе института за 1947/48 учебный год // Зональный государственный архив в г. Пинске. Ф. 260. Оп. 1. Д. 26. Л. 2—3.
- ¹⁹ Отчеты о научно-исследовательской работе преподавателей института за 1949—1951 гг. // Зональный государственный архив в г. Орше. Ф. 646. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.
- ²⁰ Протоколы работы кафедры истории [1949/50 уч. г.] // Зональный государственный архив в г. Мозыре. Ф. 695. Оп. 1. Д. 75. Л. 14.

А. А. Корнилов, А. В. Кинстлер

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
И ДУХОВЕНСТВО
ЛАГЕРЯ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ МЕНХЕГОФ**

Проблема изучения лагерей перемещенных лиц и деятельности в них интеллигенции продолжает интересовать российских ученых. В последние годы вышло несколько работ, в которых на основе оригинальных источников изучается эта сложная проблема истории Отечества¹.

Послевоенная Западная Германия и Австрия после Второй мировой войны собрали сотни тысяч подданных Российской империи и граждан СССР, которые приняли решение остаться в странах Запада и проживали в созданных под управлением ЮНРРА (Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций или United Nations Relief and Rehabilitation Administration — UNRRA) лагерях. Жители лагерей назывались перемещенными лицами (коротко — ДиПи, от английского сокращения DP — Displaced Persons), поскольку большинство из них были перемещены из разных стран на территорию Третьего рейха. Лагери различались по количеству насельников, по разнообразию общественно-политической деятельности (монархисты, НТС, власовцы, национал-сепаратисты и др.), принадлежности к религиозным сообществам (Русская Зарубежная Церковь — РПЦЗ, украинские автокефалисты, армяне, буддисты, баптисты, старообрядцы и др.). Нахождение лагеря в конкретной зоне оккупации и в конкретной германской области также влияло на его жизнь. Каждый лагерь

© Корнилов А. А., Кинстлер А. В., 2016

Корнилов Александр Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и локальной истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. kotva64@mail.ru

Кинстлер Анатолий Владимирович — сотрудник архива Германской епархии РПЦЗ (Ганновер). anatolij.kinstler@gmail.com

имел специфику: Шляйсгайм в Баварии, Фишбек у Гамбурга, Штутгарт в Баден-Вюртемберге, Ганау в Гессене. Интеллигенция в лагерях служила ведущей силой образования, подготовки кадров, укрепления национальной и религиозной идентичности, и роль интеллектуалов трудно переоценить.

Историю лагеря Менхегоф написал один из его основателей — Константин Васильевич Болдырев. Российский журнал «Вопросы истории» в 1998 г. опубликовал его воспоминания и актуализировал вопрос исследования лагерей ДиПи послевоенной Германии².

Лагерь Менхегоф был основан и занят летом 1945 г. группой служащих русской фирмы «Эрбауер» и членами их семей. Фирма «Эрбауер» возникла в оккупированном немцами Минске как строительное предприятие. На самом деле фирма служила прикрытием деятельности антисоветской и антинацистской организации «Народно-трудовой союз российских солидаристов» (НТС). Ход военных событий заставил сотрудников «Эрбауер» эвакуироваться на запад, и к концу войны они оказались в районе города Кассель (земля Гессен). Не желая возвращаться в СССР, русская трудовая группа во главе с К. В. Болдыревым добилась разрешения американского командования устроить в пустующих бараках Менхегофа свой лагерь. Лагерь открылся 23 июня 1945 г., и в декабре 1945 г. его население составляло 2546 человек, включая жителей филиальных лагерей Фюрстенвальд, Ротвистен и Циренберг³. Не останавливаясь подробно на деталях бытовой и общественно-политической жизни, которые освещены К. В. Болдыревым, обратимся к деятельности интеллигенции Менхегофа.

Гимназия имени М. В. Ломоносова в Вильгельмстале

Основание гимназий в лагерях ДиПи было явлением повсеместным. Перемещенные лица стремились сохранить культурно-религиозную идентичность. Идентичность, носителями которой, в первую очередь, являются ученые, педагоги и духовенство, традиционно выступает одним из критериев живучести диаспоральных групп, стремящихся обрести устойчивый статус эмигрантов. Церковный приход и образование были двумя главными столпами сохранения русской идентичности.

Вблизи от лагеря Менхегоф была основана Русская гимназия имени М. В. Ломоносова. Поскольку гимназия располагалась недалеко от замка гессенских князей Вильгельмсталь (Wilhelmsthal), свидетели лагерной жизни нередко называли ее Гимназия в Вильгельмстале. Преподавательский коллектив гимназии составили педагоги, жившие в Менхегофе и трудившиеся бескорыстно. Некоторые из них имели ученые степени и звания⁴. Список преподавательского состава и перечень дисциплин, изучавшихся в Менхегофе, представляет большой интерес⁵.

Директор гимназии — Сергей Евгеньевич Безрадецкий. Это был участник Белого движения, эмигрировавший после Гражданской войны в Чехословакию⁶. Инспекторы: член НТС Юрий Осипович Дункель, Андрей Иванович Цыбрук. По словам основателя начальной школы в Менхегофе, выдающегося деятеля молодежных организаций Русского Зарубежья и активиста НТС Р. В. Полчанинова, А. И. Цыбрук был опытным преподавателем, который бегло говорил по-латыни. В период немецкой оккупации Бреста А. И. Цыбрук заведовал там начальной школой; он стал директором Менхегофской гимназии после кончины С. Е. Безрадецкого⁷.

Прежде чем перейти к преподавательской корпорации, следует указать на требования к учебному процессу, которые были установлены в русских гимназиях лагерей ДиПи педагогическим съездом 1946 г. в Фюссене. Установленные требования отражали целый ряд проблем в гимназиях.

Во-первых, ученический состав был очень разным: в лагерях ДиПи соединились две эмигрантские волны. На уроке Закона Божьего мальчик из сербского Белграда (первая эмиграция) без труда произносил наизусть молитвы и Символ веры, а мальчик из Харькова (вторая волна эмиграции) даже, может быть, креститься не умел. Во-вторых, катастрофически не хватало учебных пособий и учебников. Не существовало типографий, где можно было бы большими тиражами издавать русские тексты. Так, Р. В. Полчанинов утверждал, что из-за нехватки наглядных материалов его супруга вручную выводила картинки в напечатанных пособиях.

В-третьих, по окончании мировой войны создаваемые школы размещались в солдатских казармах, бараках и других не годных для учебы помещениях. В-четвертых, в лагерях проживала

интеллигенция, имевшая как дореволюционное и эмигрантское, так и советское образование. Однако быть хорошим специалистом еще не значило быть умелым преподавателем.

Съезд 1946 г. в Фюссене принял решения⁸ по организации учебного процесса:

1) реализовать учебные программы, подобные программам реальных гимназий императорской России. Это означало, что в учебный план входила такая дисциплина, как Закон Божий. Изучали иностранные языки: латынь — как основу европейских языков, немецкий — как язык страны проживания ДиПи, английский — как язык оккупационной державы;

2) воспитывать учеников в православном духе. Это означало чтение молитв перед и после занятий. Служились молебны в начале и конце учебного года. Учащиеся должны были посещать богослужения в лагерном храме, говеть и причащаться Святых Христовых Таин. Данное требование относилось только к православным учащимся. Нередким явлением было соседство русских с украинцами, армянами, латышами, буддистами в одном и том же лагере. Например, в Регенсбурге в одном здании располагались русская и украинская гимназии;

3) вести занятия, используя новую орфографию. Педагоги признали, что в России утвердилась новая орфография, а старая ушла в историю;

4) ускорить процесс обеспечения гимназий и школ учебниками и пособиями. Постепенно учебные материалы стали печатать не только на ротаторе, но и в типографиях. Появились ученические книжки и аттестаты.

Учившиеся в Ломоносовской гимназии после эмиграции из Германии в другие страны оставили добрую память о преподавателях. По словам выпускников гимназии, замечательным преподавателем был Н. И. Осипов (1889—1963, настоящая фамилия — Поляков), которого в лагере прозвали «дедом-всеведом» — так у него всё отлично получалось при ведении занятий. «Кто из нас без волнения может вспомнить о нашем преподавателе всеобщей истории Николае Ивановиче Осипове — профессоре бывшей столицы Императорской России?.. Безукоризненное знание преподаваемого предмета, а также умение захватывающе его преподнести учащимся дают ему возможность при чтении очередной

лекции очаровать весь класс, который, затаив дыхание, стремится воспринять каждую мысль, каждое слово талантливо и захватывающе прочитанной лекции»⁹.

Квалификация Н. И. Осипова была замечена американским военным командованием, и преподаватель Менхегофской гимназии был приглашен вести занятия в военной школе Обераммергау в Баварии. В 1954 г. он вышел из рядов НТС из-за идеологических расхождений с руководством Союза. В соавторстве с Р. Н. Редлихом опубликовал «Очерки большевизмоведения» (Франкфурт-на-Майне, 1956). Он скончался в 1963 г. в Обераммергау¹⁰.

Заметной фигурой в преподавательской корпорации был Роман Николаевич Редлих (1911—2005 гг.), читавший русский язык и литературу. Р. Н. Редлих был не только активным участником НТС, но также признанным ученым-философом. Выпускник Берлинского университета, Редлих считался учеником русских философов Семена Франка и Бориса Вышеславцева, он общался с Иваном Ильиным. Годы войны привели его к активной работе по созданию ячеек НТС на оккупированных территориях СССР, так что гестапо разыскивало Редлиха «за антинемецкую деятельность», и он скрывался под именем «капитан Воробьев». Выпускники Менхегофской гимназии вспоминали: «Роман Николаевич пояснял нам не только литературные заслуги “Слова о полку Игореве” и других исторических произведений, но и неоспоримое историческое и патриотическое значение данных памятников древнерусской письменности».

На лекциях доцента А. Н. Артемова «Ломоносовцы» знакомились с историей философии, с основами логики, этики и эстетики. Преподаватель философии «не только своими незаурядными способностями и всесторонним, исчерпывающим знанием преподаваемого предмета, но также и исключительным, редким талантом, умением привлечь внимание слушателей трудно постижимого предмета, очаровал чуть ли не весь класс»¹¹. А. Н. Артемов (настоящая фамилия — Зайцев, 1909—2002) происходил из Рязанской губернии, был выпускником биофака МГУ и до Второй мировой войны работал в АН СССР. На советско-германском фронте попал в плен, где произошла значительная переоценка его политических взглядов. В НТС он вступил

в 1943 г., принял участие в создании Комитета освобождения народов России, которое обычно связывают с именем генерала А. А. Власова. После Менхегофа А. Н. Артемов работал в НТС, возглавлял Союз с 1972 по 1984 г., а в 1965—1967 гг. являлся главным редактором журнала «Посев», который НТС начал выпускать в Менхегофе.

Химию преподавал Владимир Дмитриевич Поремский (1909—1997). Это был один из основателей, идеологов и лидеров НТС. Образование он получил в эмиграции, где оказался вместе с родителями, представителями «первой волны» исхода из России. Профессию инженера-химика он освоил во Франции, в университете Лилля. В. Д. Поремский был известен в научном сообществе трудами по молекулярным структурам и спектральному анализу. Также известна его «молекулярная теория» революции в условиях тоталитарного общества. В последние годы жизни Поремский защищал идею «нового мышления», которое позволит изменить бытие россиян, и стоял у истоков Московского международного синергетического форума¹².

Мы нашли биографию Ирины Владимировны Халафовой, которая преподавала в гимназии математику. И. В. Халафова, родившаяся в семье полковника Белой армии В. П. Комарова, окончила математический и архитектурный факультеты Белградского университета и внесла большой вклад в развитие скаутской Организации российских юных разведчиков в Германии и в Австралии, куда она переехала с семьей после периода ДиПи¹³.

Ученический состав гимназии был пестрым: бывшие военнопленные, оstarбайтеры, жертвы гестапо, обыкновенные беженцы от войны или от советского режима. Несмотря на возрастные различия, учащиеся стремились получить среднее образование: полученные аттестаты признавались местными властями. За свое существование гимназия имела два выпуска. Первый выпуск состоялся в 1946 г. (старшина класса — Ю. К. Амосов), второй — в 1947 г. (старшина класса «А» — В. И. Быкадоров, старшина класса «Б» — О. С. Безрадецкая). Благодаря приобретенным знаниям «ломоносовцы», оказавшись в других странах, достигли больших успехов в науке и культуре.

В качестве примера назовем специальности нескольких выпускников Ломоносовской гимназии. Выпускник 1947 г. Владимир

Быкадоров работал инженером-машиностроителем во Франции, Канаде и США. Выпускник 1947 г. Георгий Шидловский стал видным специалистом в области биологии клеток, работал в США в корпорации «Мартин Мариетта», был председателем правления Попечительства о нуждах РПЦЗ. Выпускник 1946 г. Кирилл Фотиев окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, учился у А. В. Карташева, епископа Кассиана (Безобразова), архимандрита Киприана (Керна), искусствоведа В. В. Вейдле. В 1961 г. рукоположен в сан священника (целибат), служил в Американской митрополии, в Архиепископии русских приходов Константинопольского Патриархата в Западной Европе. Василий Сухобок, выпускник 1947 г., около 40 лет подвизался в Свято-Троицком мужском монастыре в Джорданвилле, служил в сане иеродиакона, иеромонаха, игумена, архимандрита, преподавал в Джорданвилльской семинарии. Николай Доннер, выпуск 1946 г., учился в Марбургском университете, работал ботаником в Государственном Гербарии штата Южная Австралия¹⁴. География эмиграции выпускников гимназии оказалась глобальной: это страны Европы, Австралия, США и Канада.

Духовенство лагеря Менхегоф

Закон Божий в гимназии преподавал протоиерей Митрофан Зноско, и с его именем мы переходим к рассмотрению деятельности духовной интеллигенции лагеря Менхегоф. Гимназисты так оценивали его педагогику: «Отец Митрофан относился к нам строго, но одновременно и справедливо. Нет сомнения, что большинство учеников благодарно отцу Митрофану, который, помимо преподавания Закона Божьего, также ознакомил нас с духовными установками и других мировых религиозных течений, тем самым значительно развил в нас понимание, объективность и терпимость по отношению к иначеверующим»¹⁵.

Биография о. Митрофана, священника высокой духовной жизни, хорошо известна. Он учился на богословских факультетах Варшавского и Белградского университетов, имел степень магистра богословия. В годы войны служил в Бресте, а в 1944 г. эвакуировался с фирмой «Эрбауер» в Германию. Однако служение о. Митрофана в Менхегофе историкам практически неизвестно. Целый ряд фактов о лагерном служении сам о. Митрофан

(с 1990 г. — в монашеском постриге, с 1992 г. — епископ Бостонский РПЦЗ) сообщил в своих воспоминаниях, опубликованных в Москве в 1995 г.

Воспоминания сообщают, что клир лагерного комплекса (Менхегоф и филиалы) состоял из шести священнослужителей: 1) протоиерей Михаил Помазанский, вскоре назначенный в лагерную церковь лагеря Шляйсгайм, 2) о. Георгий Лукашук, 3) о. Иоанн Брюякин, 4) о. Иосиф Гринкевич, переведенный позднее, в связи с закрытием в 1949 г. Менхегофского лагеря, в Малый Шляйсгайм, 5) о. Александр Марцинюк и 6) протоиерей Митрофан Зноско¹⁶.

Владыка Митрофан вспоминал, что в Менхегофе под храм Благовещения Пресвятой Богородицы был выделен большой барак, где разместилась и семья настоятеля. Были устроены храмы в Фюрстенвальде (настоятель о. Георгий Лукашук), в Маттенберге, куда на службы выезжали о. Михаил Помазанский и о. Александр Марцинюк. О. Иосиф Гринкевич окормлял православных жителей лагеря Ротвестен. Отношения духовенства были братскими. Владыка Митрофан вспоминал, что «холодком веяло только от о. Александра Марцинюка. Чтобы пресечь возможность появления между собратями недоразумений и розни, я каждый месяц, иногда и чаще, собирал их у себя на чашку чая, в братской беседе мы устраняли вклинившиеся в наши взаимоотношения недоумения и обиды. Расходились в мире, в союзе братской любви»¹⁷.

Прихожане Менхегофа, провожая протоиерея Митрофана Зноска на новое служение в Марокко, посвятили ему стихотворные строки. Прихожанин, русский поэт Александр Неймирок написал:

Здесь ненависть лукавая бродила
И слабый дух людской вослед за ней.
Но да исправится молитва как кадило,
Да осенит Господь движенье дней,
Да будет правый путь в Его деснице.
Клейми порок и злобу обличи.
Храни в душе земные наши лица
И смертных сих — к бессмертию ключи¹⁸.

Протоиерей Михаил Помазанский (1888—1988) происходил из священнической семьи Волынской губернии. Он закончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1936—1944 гг. служил в храме св. Марии Магдалины г. Варшавы, относившемся к Польской Православной Церкви. После Менхегофа о. Михаил служил в Шляйсгайме, в 1949 г. с семьей переехал в США, где служил и редактировал церковные издания в Свято-Троицком (Джорданвилльском) мужском монастыре, штат Нью-Йорк. О. Михаил преподавал греческий и церковно-славянский языки, догматическое богословие, писал статьи, трактаты, брошюры, книги. В России вышел его учебник «Православное догматическое богословие»¹⁹.

О. Иосиф Гринкевич (1897—1972) происходил из Виленской губернии, окончил Виленскую духовную семинарию. Так же как и отцы Михаил Помазанский и Митрофан Зноско, он служил в Польской Православной Церкви и перенес лишения и полуголодное существование священника-беженца в период войны и эвакуации в Германию. В Архиве Германской епархии РПЦЗ сохранился документ, отражающий время войны. Это письмо о. Иосифа из Менхегофа правящему архиерею, митрополиту Берлинскому и Германскому Серафиму (Ляде), в котором он сообщал: «Привезенный мною с родины антиминс уничтожен во время бомбардировки города Касселя 22.IX.1944. Посему покорнейше прошу Ваше Высокопреосвященство выдать для меня антиминс, чтобы на будущее время я имел возможность совершать Божественную литургию для вверенной мне паствы и славы Божией»²⁰.

Протоиерей Георгий Лукашук (1907—1997) родился в Брест-Литовске, окончил богословский факультет Варшавского университета. Рукоположен в сан священника в 1930 г. и служил в Полесской и Брестской епархиях Польской, затем Белорусской Православной Церкви. В сан протоиерея был возведен в 1943 г. архиепископом Брестским Иоанном²¹. Иными словами, о. Георгий происходил из тех же областей, что и другие его сослужители у престола церковного. О. Георгий проявил незаурядные способности пастыря, сумев в сложных материальных условиях создать два церковных прихода. Прodelав беженский путь из Белоруссии в Германию, он был вначале назначен в Фюрстенвальд, где окормлял большую паству. В рапорте митрополиту

Серафиму от 9 июня 1947 г. он, в частности, сообщал о расформировании лагеря американскими военными властями и приводил следующие данные о количестве прихожан: «Часть жителей переводят в Менхегоф (6 чел.), часть — в Маттенберг (5 чел.), часть — в Латвийский лагерь (25 чел.), а основная масса — в лагерь Корбах (KreisWaldbeck) (290 чел.). Я еду с основной массой в Корбах, так как там нет православной церкви и священника (есть католический костел)»²².

В рапорте от 22 июня 1947 г. о. Георгий сообщал правящему архиерею, что поселился с паствой в лагере Корбах, где проживает 1200 человек. Православных насчитывалось примерно 300 человек, остальные — католики, униаты и украинцы-автокефалисты. О. Георгию удалось получить небольшое помещение под храм, куда он перевез церковную утварь из Фюрстенвальда. Автокефалисты вели настойчивую агитацию среди православных РПЦЗ, но, как сообщал о. Георгий, «пока безуспешно. Думаю, что и в будущем мы удержимся, несмотря на то, что многие из моих прихожан (украинцы) колеблются»²³. После отъезда о. Митрофана Зноско в Марокко о. Георгий был назначен 15 августа 1948 г. настоятелем церкви в Менхегофе²⁴.

Именно о. Георгию пришлось заниматься делами ликвидации прихода в Менхегофе в связи с расформированием лагеря. 9 апреля 1949 г. настоятель прихода, который ожидал уже выезда в США, сообщал митрополиту Серафиму, что в связи с упразднением лагеря его жители распределяются по другим лагерям ДиПи. Основная часть (600 чел.) уезжает в Шляйсгайм, 250 человек следуют в Альтенштадт (польский лагерь), прочие же — в украинский лагерь южнее Менхегофа. Около 200 человек переезжают в Кассель, еще 60 человек уже отправились на постоянное место жительства в Канаду и столько же — в Бразилию. Поскольку о. Иосиф Гринкевич и о. Иоанн Бруякин переезжают в Шляйсгайм, о. Георгий передал им всё церковное имущество Менхегофа, «которое застал здесь при о. Митрофане»²⁵. Переехав в США, о. Георгий служил на приходе Североамериканской Митрополии (ныне — Американская Православная Церковь) в Джексоне, штат Нью-Джерси²⁶. Это почитаемое русскими эмигрантами место, где была основана Фарма-РООВА и расположено кладбище, — место упокоения выдающихся русских эмигрантов.

Протоиерей Александр Марцинюк рукоположен в сан иерея в 1916 г. управляющим Холмской епархией епископом Серафимом (Остроумовым) и пережил гонения атеистической власти. Будучи благочинным Елисаветградского округа Херсонской епархии, он был сослан на 5 лет в северные области СССР²⁷. Служение о. Александра в Менхегофе складывалось непросто. Различные интриги, мнимые «политические» конфликты одной группы прихожан с другой растрчивали впустую энергию мирян и духовенства. В августе 1948 г. о. Александр был обвинен группой прихожан в попустительстве «нецерковным элементам», однако конфликт урегулировали. Более того, по ходатайству митрополита Серафима Архиерейский Синод РПЦЗ наградила в апреле 1949 г. о. Александра палицею «за ревностную службу Святой Церкви»²⁸. Процесс расформирования лагеря Менхегоф изменил место служения о. Александра. В июне 1949 г. с группой православных сербов он прибыл из Касселя в югославский лагерь города Ландсхут²⁹.

Архивные документы свидетельствуют об авторитете, которым пользовался о. Александр у части прихожан Менхегофа. В июне 1949 г. митрополит Серафим получил прошение группы православных, бывших жителей Менхегофа, оказавшихся в лагере Альтенштадт. Православные Альтенштадта просили назначить к ним достойного священника «для утверждения колеблющихся в вере». В письме, написанном чернилами, сообщалось, что православных насчитывается около 500 человек, но некоторые из-за отсутствия пастыря стали уклоняться в веру баптистскую: «Нужен здесь священник без пороков и иных, позорящих сан пастыря, слабостей; умение держать себя среди иноверцев, красивое богослужение, хорошая проповедь и умение отстоять себя и веру православную — условие обязательное». Авторы письма просили владыку Серафима назначить в Альтенштадт о. Александра: «...очень желали бы иметь своим настоятелем о. Александра Марцинюка, если таковой уже не занят в ином лагере. О. Георгия Лукашука хорошо знаем, а поэтому просим не назначать к нам»³⁰.

Протоиерей Иоанн Бруякин, клирик Менхегофа, был в период ДиПи маститым священнослужителем. О. Иоанн родился в 1879 г., обучался в Минской духовной семинарии (выпуск 1902 г.). В сан священника был хиротонисан в 1903 г. в Минске

епископом Минским и Туровским Михаилом (Темнорусовым). В период атеистических гонений 1920—30-х гг. о. Иоанн пострадал за веру. Его арестовали в сентябре 1935 г. в Бобруйске и осудили на пять лет заключения за антисоветскую агитацию. Имя о. Иоанна внесено в Синодик за веру и Церковь Христову пострадавших в Минской епархии (1918—1951)³¹. Заключение о. Иоанну удалось пережить. В годы войны он служил в Белорусской Автономной Православной Церкви, под омофором митрополита Пантелеимона (Рожновского)³². Являлся духовником Минского духовенства, а также слушателей пастырских курсов и ставленников в священный сан. Обстоятельства его эвакуации в Германию пока не ясны, но известно, что его семья — жена Любовь Ивановна 62 лет, сын Виктор 32 года, сын Константин 30 лет, дочь Валентина 40 лет, дочь Вера 28 лет остались в СССР (возраст членов семьи сообщен о. Иоанном в анкете 26.02.1947 г.).

На территории Германии, помимо Менхегофа, о. Иоанн служил в Свято-Сергиевской церкви г. Бад-Киссингена сверхштата и, предположительно, некоторое время в церкви лагеря Шляйсгайм, куда он вместе с о. Иосифом Гринкевичем выехал из Менхегофа весной 1949 г. После отъезда из Германии о. Иоанн служил в Североамериканской Митрополии и скончался в 1957 г. Об этом сообщает исследователь духовенства в странах Европы Антуан Нивьер, называя фамилию на французский манер «Брюякин»³³.

В завершение исследования об интеллигенции лагеря Менхегоф следует сказать о журналистской работе. В Менхегофе вышла первая русская газета послевоенной Германии, печатный орган НТС, еженедельник «Посев». В июле 1946 г. в Менхегофе стал выходить литературный журнал «Грани» под редакцией Е. Романова, Б. Серафимова (Прянишникова) и С. Максимова (Пашина)³⁴. Затем журнал выходил во Франкфурте-на-Майне. Среди его авторов были такие писатели и поэты, как А. Ахматова, Л. Бородин, И. Бунин, З. Гиппиус, Б. Зайцев, Н. Лосский, А. Куприн, В. Солоухин и др.

Интеллигенция лагеря Менхегоф внесла свой вклад в развитие русского образования и культуры, обеспечила культурное самовыражение жителей Менхегофа и его филиалов. Интеллектуалы

лагеря сформировались как культурно-образовательный слой в мире ДиПи в результате событий Второй мировой войны. Представители первой (послереволюционной) и второй (послевоенной) волн составили очень интересное сообщество педагогов, ученых, специалистов различных профессий и православного духовенства. Менхегоф, уступая, может быть, в количественном отношении баварскому лагерю Шляйсгайм, стал крупным культурным центром послевоенной эмиграции. Причиной тесной спайки интеллигенции Менхегофа явилась идеология и политическая практика НТС, которую разделяло большинство высокообразованных жителей лагеря.

Лагерь Менхегоф, как и прочие лагеря ДиПи, послужил своеобразным мостом времени, подготовкой перемещенных лиц к эмиграции в страны постоянного проживания. Благодаря деятельности интеллигенции произошла инкубация русской национальной идентичности, которая позволила жителям Менхегофа — старшему поколению, молодежи и детям — не только пережить адаптацию к новому, инокультурному образу жизни в стране эмиграции, но и участвовать в динамичном развитии принимающего сообщества, будь то арабский Марокко или Соединенные Штаты Америки.

Примечания

- ¹ *Попов А. В.* Российское православное зарубежье: история и источники. М., 2005 ; *Корнилов А. А.* Российская интеллигенция и мир перемещенных лиц стран Европы // Интеллигенция и мир. 2011. № 1. С. 19—36 ; *Базанов П. Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917—1988 гг.). СПб., 2008 ; *Синкевич В.* Вторая волна русской эмиграции // Новый журнал. Нью-Йорк, 2012. № 267. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2012/267> (дата обращения: 12.01.2016) ; *Полчанинов Р. В.* Основание лагеря ди-пи в Менхегофе // Русские Латвии. URL: <http://www.russkije.lv/ru/journalism/read/polchaninov-dp-camp/> (дата обращения: 12.01.2016).
- ² *Болдырев К. В.* Менхегоф — лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 110—141.
- ³ Там же. С. 110—121.

- ⁴ Гимназия имени М. В. Ломоносова в Вильгельмстале, 1945—1947 // Гимназия им. М. В. Ломоносова (при лагере «Менхегоф»), 1945—1947 гг. Санта-Роза (СА) ; Азов, 2000. С. 8.
- ⁵ Список преподавательского состава гимназии имени М. В. Ломоносова в Вильгельмстале, 1945—1947 гг. (Восьмой класс) // Гимназия им. М. В. Ломоносова. С. 9.
- ⁶ Погибшие. Военные архивы и списки погибших солдат. Участники Белого движения в России // Погибшие : военные архивы и списки погибших солдат. URL: <http://xn--90adhkb6ag0f.xn--plai/arhiv/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-bg-be.html> (дата обращения: 08.01.2016).
- ⁷ *Полчанинов Р. В.* Менхегофский культпросвет // За свободную Россию : сообщения местной организации НТС на востоке США. Нью-Йорк, 2006. № 79. С. 2.
- ⁸ *Аристова А.* Русские школы в послевоенной Германии. Санта-Роза, Б. г. Рукопись. Печать принтера. С. 5.
- ⁹ Наши преподаватели // Гимназия им. М. В. Ломоносова. С. 10.
- ¹⁰ «Свершилось. Пришли немцы» : идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. URL: <http://www.rulit.me/books/svershilos-prishli-nemcy-read-415171-6.html> (дата обращения: 08.01.2016).
- ¹¹ Наши преподаватели. С. 10.
- ¹² Владимир Дмитриевич Поремский (1909—1997) // Московский международный синергетический форум. URL: <http://www.synergetic.ru/people/vladimir-dmitrievich-poremskiy-1909-1997.html> (дата обращения 09.01.2016).
- ¹³ Ирина Владимировна Халафова // Вестник руководителя : орган связи разведческих руководителей ОРЮР. 1987. № 344. Февраль. С. 2—3.
- ¹⁴ Русские в Северной Америке : биограф. слов. / под ред. *К. М. Александрова, А. В. Терещука.* Хэмден ; Сан-Франциско ; СПб., 2005. С. 84—85, 536, 572 ; Религиозные деятели Русского зарубежья. URL: http://zarubezhje.narod.ru/av/v_064.htm (дата обращения: 11.01.2016) ; См.: Николай Николаевич Доннер, начальник австралийского отдела // Вестник руководителя. 1987. № 352. Ноябрь. С. 1—2.
- ¹⁵ Наши преподаватели. С. 10.
- ¹⁶ *Епископ Митрофан (Зноско).* Хроника одной жизни. М., 1995. С. 147.
- ¹⁷ Там же. С. 148.
- ¹⁸ Там же. С. 161.
- ¹⁹ К 90-летию протопресвитера М. Помазанского // Православная Русь. 1978. № 23. С. 5—6 ; *Корнилов А. А.* «Переправимся на ту сторону...» :

- деятельность православного духовенства в лагере перемещенных лиц Шляйсгайм (1945—1951 гг.): монография. Н. Новгород; Мюнхен, 2011. С. 87—88.
- ²⁰ Личное дело протоиерея Иосифа Гринкевича // Архив Германской епархии РПЦЗ (далее — АГЕ). Ф. 2. Оп. 1. Коробка 3. Д. 3/16.
- ²¹ Личное дело протоиерея Георгия Лукашука. Л. 16: Анкета от 28.V.1946 // АГЕ. Ф. 2. Оп. 1. Коробка 6. Д. 6/11.
- ²² Там же. Л. 11—11 об.
- ²³ Там же. Л. 9—9 об.
- ²⁴ Там же. Л. 3.
- ²⁵ Там же. Л. 2.
- ²⁶ *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920—1995: биограф. справ. М.; Париж, 2007. С. 300.
- ²⁷ Личное дело протоиерея Александра Марцинюка // АГЕ. Ф. 2. Оп. 1. Коробка 7. Д. 7/4 Л. 12, 13.
- ²⁸ Там же. Л. 8.
- ²⁹ Там же. Л. 6.
- ³⁰ Там же. Л. 5—5 об.
- ³¹ Синодик за веру и Церковь Христову пострадавших в Минской епархии (1918—1951 годы) / сост. священ. Феодор Кривонос, клирик Минского Свято-Духова кафедрального собора. Киевец: Свято-Троицкая церковь, 1996. С. 86.
- ³² Личное дело протоиерея Иоанна Брюякина // АГЕ. Ф. 2. Оп. 1. Коробка 2. Д. 2/17.
- ³³ *Нивьер А.* Указ. соч. С. 106—107.
- ³⁴ *Болдырев К. В.* Менхегоф — лагерь перемещенных лиц (Западная Германия). С. 126—127.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 60.543.132.1

О. В. Золотарев

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В начале XXI столетия российское общество вступило в полосу турбулентности, оно переживает ряд мощных потрясений, которые носят как социальный, так и экономический и политический характер. Серьезность происходящих перемен, пожалуй, пока еще не только не осмыслена, но и полностью не осознана даже интеллектуальной элитой страны¹. Но одно уже ясно — важнейшим итогом недавних событий стал, вне всякого сомнения, раскол российского социума. Большая часть общества (в том числе интеллигенция) поддержала стратегическую линию власти на воссоздание полного суверенитета российской государственности, оправдывающую мобилизационную модель управления. Однако другая часть российской интеллигенции указывает на опасность мобилизационной модели с точки зрения нормального развития общества. Эта линия, которая ассоциируется с либеральным направлением, в настоящее время находится в своеобразном положении «социальных изгоев». Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что в сегодняшней российской публицистике настойчиво высказывается мнение, что одним из главных итогов 2014—2015 годов в нашей стране стала полная делегитимация либеральной идеи в общественном мнении. Либерализм в России потерял свой моральный ресурс, легитимность

© Золотарев О. В., 2016

Золотарев Олег Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам Института истории и права, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина. oleg-zolotarev@mail.ru

и чистоплотность, ибо, по мнению ряда ведущих российских политологов, происходит историческая сцепка либерализма и фашизма. Эти процессы не могли не отразиться на положении либеральной российской интеллигенции, ведь теперь в отношении интеллигенции вопрос стоит ребром: или «интеллигенция» или «либеральная»².

Действительно, мы видим, что либеральные представители российской интеллектуальной элиты критикуются со всех сторон. В России их называют «национал-предателями», «либерал-предателями». В Европе — «алармистами», необоснованно преувеличивающими опасность эволюции путинского режима³.

Сами либералы чувствуют, что в России они сталкиваются со всё большим неприятием своих воззрений. Русское общество видит, как на Западе растет массовая ненависть к нашей стране. Ненависть, которая сопровождается абсолютным нежеланием не только учитывать российские интересы, но и прислушиваться к каким бы то ни было аргументам в нашу защиту, беззастенчивым применением двойных стандартов. И на этом фоне — полную поддержку данных действий нашими либералами. Естественно, наблюдая такую картину, русские приходят к логичному выводу об абсолютной неприемлемости для них западничества⁴.

Но самое удивительное и неприятное для либеральной ответственности состоит в том, что и власть вдруг отвернулась от них. «Лучшие люди» — в одночасье стали «лишними людьми». Они оказались в ситуации весьма непривычной и дискомфортной. До сих пор либералы полагали, что они, несмотря на некоторые шероховатости, с властью «одной крови». А сейчас у них появилось ощущение, что власть их попросту «кинула»⁵. Особенно показателен тот факт, что впервые за последние тридцать лет точка зрения либеральной интеллигенции не только не преобладает в средствах массовой информации, не просто замалчивается, но и подвергается остракизму в официальном информационном пространстве.

Однако и здесь всё далеко не так уж просто. Во-первых, «такая смена настроений происходит у нас не первый, не второй и даже не третий раз. В отечественной публицистике этот процесс был назван, с легкой руки В. Цымбурского, “циклами похищения Европы”»⁶.

Во-вторых, в экономическом блоке правительства продолжают править бал либералы, хотя именно события последнего

года окончательно показали, что либеральный экономический курс России не подходит. Более того, либеральная модель экономики, которая создавалась на протяжении последних двадцати пяти лет в Российской Федерации, оказалась не просто нежизнеспособной в наших условиях, но и несла, и продолжает нести в себе угрозу существованию нашей государственности. Ведь нельзя на основе олигархической экономики сырьевой ориентации быть независимыми. Продолжение движения в этом направлении напоминает путь к пропасти. России нужна экономическая самодостаточность на основе новой экономической цивилизации.

Зацикленность части российской элиты на либеральном экономическом курсе, более того, упорное продолжение этого курса, ведущее к падению жизненного уровня народа, заставляет всё чаще звучать голоса о планируемом свержении «путинского режима» с переходом власти в руки ставленников Запада и олигархически-криминального капитала. Либералам Путин ненавистен за то, что он сумел отодвинуть наследников номенклатуры от власти. Они же жаждут вернуться к власти. Многих в России пугает то, что не видно реального противодействия этим действиям, и это заставляет говорить, «что измена на пороге»⁷.

Таким образом, 2014—2015 годы вернули в политический обиход России, казалось, уже забытый, но весьма востребованный сейчас термин — «пятая колонна». Представителей этой новоявленной «пятой колонны» объединяет одно — нелюбовь к родному Отечеству и любовь к Западу. Хотя либеральным «властителям дум» теперь стало понятно, что население страны их не поддерживает. Это ясно продемонстрировал провал так называемых «маршей за мир», организованных либеральной общественностью. Реальность путинского правления фактически похоронила ожидания либеральной интеллигенции. Нынешний режим не только уничтожил демократические начала (в чем его упрекают либералы), но и получил значительную народную поддержку. И это несмотря на экономические трудности и чувствительное снижение уровня жизни в стране, которые не привели (по крайней мере, пока), как надеялась либеральная интеллигенция, к широким социальным протестам. Тем не менее, либералы по-прежнему не желают осознать, что не могут, не должны и не способны диктовать свою волю абсолютному большинству граждан России⁸.

Вместе с тем, говоря о «либерал-предательстве» западнического толка, исследователи пытаются понять смысл и истоки этого явления. Что это — «иудин грех» или же «блуждание в потемках», или поиски обоснования «встраивания в систему в поисках лучшего для себя». При этом многие политологи полагают, что нынешние российские «либералы» никогда и не были либералами в западном смысле этого термина. Ибо они не разделяют и не принимают основные ценности либерализма: Свободу, Разум, Собственность как достояние каждого человека. Именно каждого, а не только себя.

Наши либералы были и остаются квазилиберальными социал-дарвинистами. Право на жизнь у них имеет только сильнейший, все остальные — балласт, не более. Не приемлют они и идеи Свободы, ибо всегда пытаются навязать обществу свои требования. Не признают они и принцип Разума: любая точка зрения, которая отлична от их взглядов, тут же называется неразумной. Отсюда вытекает и отрицание ими принципа народного суверенитета. Ведь как только оказывается, что в своих предпочтениях большинство отвергает их мнение, так они объявляют это большинство «неразумным» и «больным». Вспомним хотя бы ставшую классической фразу: «Россия, одумайся, ты одурела». Не признают они и принципа Собственности. Все рыночные реформы 1990-х годов строились ими на лишении права собственности большинства для наделения ею назначенного ими же меньшинства. При этом народная собственность была объявлена «ничейной». Приводя эти доводы, приходится согласиться, что термин «либерал-предатели» — некорректен вдвойне. Ибо никакие они не либералы. И никакие они не предатели, ведь они ничего не предавали, ибо считают высшей ценностью право сильного⁹.

Однако речь идет не просто о либералах, а о либеральной интеллигенции. Либеральная интеллигенция и новая буржуазия — это всё-таки не совсем одно и то же, хотя во многом они похожи. Но если говорить о либеральной интеллигенции в сегодняшней России, то главная ее черта заключается в уверенности, что в России «никаких других интеллигентов, кроме них самих, не существует». Ибо по ее искреннему убеждению, только носители либеральных ценностей являются интеллигентами. В этой связи можно выделить несколько «родовых черт» либеральной

интеллигенции, отличающих ее от просто интеллигенции. Прежде всего, представители либеральной интеллигенции — категорические антисоветчики. «Между тем, советское — это как раз апофеоз народного участия в истории»¹⁰.

Далее, либеральная интеллигенция никогда никакой революции не хотела и сейчас не хочет, но она желает оседлать любые стихийные процессы, чтобы не случилось истинно национальной революции. Именно поэтому либеральная интеллигенция постоянно твердит об эволюции. Однако под этим словом она понимает победу исключительно либеральных (и никаких иных) ценностей. Движение в любом другом направлении они называют «тупиковой веткой истории». Паническое неприятие революции проистекает из боязни народа. Либералы чрезвычайно боятся народа и сделают всё, что в их силах, чтобы народ в свои руки власть не взял никогда. Они не устанут твердить, что они лучшее, что есть в стране, а «народ и Россия — быдло и дерьмо, не ценящие нас, “травящие” нас (тут часто следует просьба и к нелюбимой власти — “оградить от травли”), убивающие нас! Что за народ?! Что за страна?! Почему народ России не любит российских либералов? Суммарный ответ прост и ясен: потому что российские либералы сами его не любят и даже не собираются делать вид, что любят». Когда же «наши либералы рассказывают, как они любят народ», очевидно, «что под “народом” они имеют в виду по большей части свое отражение в зеркале». Вспомним, либеральная интеллигенция часто повторяет, что любит народ за лучшие качества, но она не обязана любить народ в его худших проявлениях. Поэтому фактически либеральная интеллигенция любит под видом народа самое себя как носительницу лучших качеств народа¹¹.

При этом российские либералы не устанут удивляться, почему народ не желает услышать их. Даже сегодня, когда непростая экономическая ситуация привела к падению уровня жизни. Они полагают, что народ просто «туп, не способен к критическому мышлению... На самом же деле причина, по которой народ отворачивается от столичных либералов, проста: народ видит в них чужаков», абсолютно не способных его понять¹².

И еще, либеральная интеллигенция ценит свою свободу больше Родины. Это главный, хотя чаще всего не произносимый

вслух ее жизненный постулат. Именно в нем видится главное отличие российской либеральной интеллигенции, например, от украинской или прибалтийской. Ведь «те за любую строчку в своей истории глотку перегрызут — кроме всех строчек, связанных с Россией». Таковы родовые пятна русской либеральной интеллигенции. В конечном итоге именно они заставляют ее вновь, в который уже раз, выбирать из двух зол меньшее. Как в девяносто шестом, когда спившийся президент казался меньшим злом, чем возрождение коммунизма. Так и теперь, когда «кровавый режим» — большее зло, чем кровь, льющаяся на востоке Украины. Такой подход практически не дает шансов на возрождение либеральной интеллигенции. Поистине наивен был даже А. Чубайс, когда призывал либералов остановиться. Они не хотят и не будут останавливаться, ведь им нужна не Россия, им нужны потрясения, хотя революции они всё же не желают¹³.

Многие политологи в этой связи вновь вспоминают Ф. М. Достоевского, не без оснований утверждая, что типаж современного либерального интеллигента — это, вне всякого сомнения, Смердяков. Его идеал выражен в простых словах: чтобы умная нация (немцы, французы или сейчас — американцы) покорила глупую (в данном случае — русских) в силу своего культурного превосходства. Но стоит задуматься — в чем это культурное превосходство? В западной системе потребностей, в бытовом комфорте, проще говоря — ста сортах сыра или колбасы в магазинах. Но в России это всегда было возможно за счет эксплуатации верхов низами (как на Западе — за счет ограбления колоний). Как только власть пытается хоть как-то ограничить капитал, то тут же она (наравне с народом) становится объектом аутофобии. Это явление, по справедливому замечанию А. Фурсова, лишь по форме носит культурно-цивилизационный характер, по сути — это классовое явление. Аутофобия — это идейно поведенческий комплекс тех групп, которые стремятся к таким формам эксплуатации населения, которые сформированы западным капиталом, но запрещены для русской системы работ. И всё, что стоит на пути такой эксплуатации, будь то государство, традиционные русские ценности и т. д., вызывает у либералов ненависть и должно быть уничтожено как «отсталое». Так, советская власть мешала номенклатуре превратиться в собственников и была уничтожена. Сегодня

либералы ведут дело к ликвидации страны как последнего барьера на пути полного контроля над российскими ресурсами. Отсюда и их ненависть к путинскому режиму. Вокруг отечественных аутофобов сформировался класс obsługi, либеральной интеллигенции, которая сознательно или, может быть, бессознательно, трудилась на слом системы под видом демократической оппозиции¹⁴.

Такая ситуация во многом обусловлена обстоятельствами, в которых формировалась сегодняшняя либеральная интеллигенция. Она зародилась после окончания Второй мировой войны, в условиях начавшейся войны холодной, когда новая советская интеллигенция, появившаяся в 1920-е годы в результате выдвиженчества, склонная к западному влиянию (вследствие своего интернационализма), становится главной жертвой кампании борьбы против космополитизма. Это приводит к расколу в ее рядах. Часть поддержала антизападные настроения властей, другая не восприняла обращение к русским национальным ценностям и встала в глухую оппозицию к режиму.

При Хрущеве власть делает новый зигзаг, происходит определенное возвращение к интернационализму (возможно, данный поворот был вызван самой личностью нового лидера, сформировавшейся в 1920-х годах). Эти настроения были близки взглядам той части новой интеллигенции, которая не разделяла великодержавность сталинского режима. В итоге появляется поколение «шестидесятников», которые, хотя и продолжали считать себя коммунистами, но всё больше воспринимали западные ценности.

При Брежневем разочарование несостоявшейся либерализацией породило скептические настроения среди интеллектуальных кругов, что создало условия для такого нового явления, как диссидентство. В итоге значительная часть интеллектуалов, причем самая социально активная, состоящая из «шестидесятников» и их последователей, представляла прозападническое течение. Она постепенно встала на путь полного принятия западной точки зрения на мировой процесс, отрицая советский опыт.

Во многом подобный дрейф в сознании российской интеллигенции объясняется и противоречиями, возникшими в советском обществе в конце 50-х — 60-е годы. Прежде всего, конфликтом между возросшей ролью интеллигенции в общественном производстве, ведь наука становилась производительной

силой, и падением социального статуса интеллигенции (что выразалось в заметно снизившемся уровне материального обеспечения интеллигенции по сравнению с рабочим классом).

Эти условия породили «либерально-демократическую интеллигенцию», интеллигенцию времен перестройки, которая вела свое начало от хрущевских «шестидесятников». Именно она в немалой степени способствовала падению советского строя. При Горбачеве взгляды прозападной советской интеллигенции стали фактически официальными, что привело к господству в демократическом движении (читай: либеральной интеллигенции) идей «общечеловеческих ценностей», «возвращения в мировую цивилизацию», полного отрицания патриотизма и великодержавности¹⁵.

В постперестроечное время рыночных реформ начинается процесс «разинтеллигивания». Индивидуализм уничтожает корпоративную солидарность. К тому же многие интеллигентные профессии не востребованы рынком. В конечном итоге, в современной России, как и на Западе, место интеллигента начинает замещать интеллектуал. Интеллектуалы не связаны между собой, в отличие от интеллигенции, корпоративными узами. Сама интеллигенция распадается на идейные течения и группы. При этом наиболее значительная и, главное, консолидированная из них — либеральная. Именно она и пытается только себя объявить истинной интеллигенцией. А так как в формировании российских либералов ведущую роль, как мы видели, играли представители бывшей коммунистической элиты, то они по-прежнему чрезвычайно близки к власти и пытаются ее копировать. Отсюда и тотальность, последовательная нетерпимость к инакомыслию. Свои права и свою особенность либералы готовы защищать даже тогда, когда на них никто и не нападает. Отсюда и нежелание признавать свои ошибки: «Что, в общем-то понятно и логично, ибо как же могут ошибаться “правильные люди” в “неправильной” стране и при “неправильном” народе»¹⁶.

И еще. От социал-дарвинизма российской либеральной интеллигенции недалеко и до открытого фашизма. Конечно, расизм, как социальный, так и биологический, российскому интеллигенту не свойственен. Однако так называемый креативный класс, который во многом тождествен либеральной интеллигенции, объявляя себя «элитой», пытается всё более отгородиться от «быдла»,

«протоплазмы». «Мы, — заявляют представители либеральной интеллигенции, — по инерции числим их оппонентами, а они — окружающая среда». Они утверждают, что их проблема в том, что «нелюдей мы тоже числим людьми — и оцениваем их в человеческой номинации». Столь четкое деление на своих и чужих — также важная черта либеральной интеллигенции. Главная причина появления подобных взглядов кроется, по мнению некоторых публицистов, в том, что либеральной интеллигенции требуется уважать себя за что-то. А современная жизнь дает им маловато оснований для уважения. «Большого, настоящего дела-то нет, одна возня... Вот и возрастает запрос на “философию”, которая учит: ты — лучший, ты — аристократ, а те — “дрянь собачья, протоплазма”. И не требуется никаких свершений, никакого дела — просто достаточно принадлежать к высшей расе. Так легче преодолеть бессмыслие каждодневной жизни или плачевность ее итога». Это очень тревожный симптом современной либеральной интеллигенции, ибо запрос на расизм — всегда показатель болезни, неблагополучия общества, в котором эти идеи востребованы¹⁷.

Конечно, во многом значительная часть общества отказывает либеральной интеллигенции в поддержке еще и потому, что ей нечего предложить людям. У нее нет проекта будущего. Она ничего не может дать как в плане духовно-нравственных, так и социально-экономических и политических ориентиров и ценностей. Поэтому народ не испытывает ни малейшего доверия к либеральной интеллигенции и не отзывается на ее призывы. Вот и сердятся либералы, называя народ рабом. Ведь неверие народа в новую интеллигенцию во многом и привело к тихому краху болатное протестное движение.

Впрочем, надо заметить, что привлекательного проекта будущего нет и у власти. Воссоздание империи — тупик. Проект СССР-2? Конечно, Советский Союз сделал многое, на что Российская империя была не способна, но СССР — это прошлое... Обществу нужна понятная принципиально новая модель исторического развития, а таковой пока не просматривается.

Неудачи либеральной интеллигенции привели к серьезным переменам в ее взглядах. Прежде всего, идеал эволюционного развития или, по крайней мере, «бархатной революции» в последние месяцы меняется на образ украинского майдана. В итоге

либеральный интеллигент, боясь сам себе признаться в этом, становится сторонником большевистских методов смены власти и управления страной. И мы «вместо рафинированного либерала во фраке, который, не принимая ваши взгляды, готов был отдать жизнь за право их выражения, который не желал наступать вам на ногу, который ни при каких обстоятельствах не заехал бы вам в морду, вынуждены иметь дело с куда более опасным типом в кожанке и с португеей, от которого уже и не знаешь, чего ожидать»¹⁸.

А всё потому, что сегодня выбор у либеральной интеллигенции, в условиях современной международной ситуации, весьма невелик. В некотором смысле она повторяет непростую судьбу первой волны русской эмиграции, которая дожила до нацистской оккупации Европы. Ей пришлось выбирать между русским коммунизмом и немецким фашизмом. «Выбор в пользу совместной борьбы с терроризмом ставит крест на надеждах целого поколения русских интеллигентов увидеть Россию более свободной страной... Освобождение России в таком случае, скорее всего, перекалдывается на плечи следующих поколений, или, по крайней мере, очень надолго откладывается»¹⁹. Таким образом, либералы фактически признают свое поражение...

Это обстоятельство, учитывая и несовместимость ее взглядов с национальными интересами России, фактически ставит либеральную интеллигенцию в положение «навсегда вчерашних». А жаль, если либерализма в России больше не будет, без либерализма политическому спектру России будет явно чего-то не хватать. Однако не надо думать, что для либеральной интеллигенции всё потеряно. Ведь по мере понимания обществом масштабов издержек мобилизационной модели развития, в условиях сохраняемой властью олигархически-сырьевой экономики, когда все тяготы перелажаются на плечи населения, отношение социума к режиму (а вполне возможно и к оппозиции, возглавляемой либеральной интеллигенцией) может и измениться...

Примечания

¹ О процессах, происходящих в среде современной российской интеллигенции см.: *Сибиряков И. В.* Российская интеллигенция в условиях мобилизации социума : первый опыт XXI века // Интеллигенция/интеллектуалы в кризисные и переломные периоды общественного развития. Иваново, 2015. С. 31—33 ; *Золотарев О. В.* Можно ли говорить

- о конце либеральной интеллигенции в России? // Там же. С. 11—13 ;
Золотарев О. В. Украинский кризис и русская интеллигенция // Ин-
теллигенция и мир. 2015. № 3. С. 9—22 ; и др.
- ² См.: «Интеллигент не может быть либералом» // Литературная газета.
2014. № 50. С. 3.
- ³ *Гальперович Д.* Российская интеллигенция — против войны с Украи-
ной. URL: [http://www.golos-ameriki.ru/content/dg-rossijskaya-intelligenciya-
protiv-voiny-s-krainoj/2436392.html](http://www.golos-ameriki.ru/content/dg-rossijskaya-intelligenciya-protiv-voiny-s-krainoj/2436392.html) (дата обращения: 31.03.2015).
- ⁴ *Милитарев В.* Прощание с «пятой колонной». URL:
<http://svpressa.ru/society/article/102030/> (дата обращения: 25.03.2015).
- ⁵ *Одиновский О.* Российский либерал: мы его потеряли? URL:
<http://svpressa.ru/blogs/article/100657/> (дата обращения: 30.03.2015).
- ⁶ *Милитарев В.* Указ. соч.
- ⁷ *Шамир И.* Беда России не дураки и не дороги, но элиты. URL:
<http://svpressa.ru/society/article/108989/> (дата обращения: 31.03.2015).
- ⁸ *Евдокимов А.* Вспоминая 2014-й. URL: [http://svpressa.ru/politic/article/
108876/](http://svpressa.ru/politic/article/108876/) (дата обращения: 30.03.2015).
- ⁹ См.: Светочи мрака // Завтра. 2015. № 26. С. 1, 3.
- ¹⁰ *Прилепин З.* Сортировка и отбраковка интеллигенции. URL:
<http://svpressa.ru/society/article/62624/> (дата обращения: 29.03.2015).
- ¹¹ Там же ; *Третьяков В.* Крики над гробом. URL: [http://svpressa.ru/
politic/article/114596/](http://svpressa.ru/politic/article/114596/) (дата обращения: 06.01.2016).
- ¹² *Свириденкова О.* Почему российский народ не пойдет за либералами.
URL: <http://svpressa.ru/blogs/article/138080/> (дата обращения: 14.12.2015).
- ¹³ *Прилепин З.* Указ. соч. ; *Шохина В.* Сравнительная биология. URL:
<http://svpressa.ru/blogs/article/114737/> (дата обращения: 30.03.2015) ;
Гуцко Д. Над схваткой или в окопе. URL: [http://svpressa.ru/society/
article/96530/?rss=1](http://svpressa.ru/society/article/96530/?rss=1) (дата обращения: 30.03.2015).
- ¹⁴ См.: Светочи мрака.
- ¹⁵ Подробнее см.: *Золотарев О. В.* Интеллигенция: советские годы // Ин-
теллигенция и мир. 2012. № 4. С. 44—56.
- ¹⁶ *Третьяков В.* Крики над гробом ; *Резниченко С.* Либералы как квази-
субэтнос. URL: <http://svpressa.ru/blogs/article/121509/> (дата обращения:
06.01.2016).
- ¹⁷ *Воеводина Т.* Элита или протоплазма // Литературная газета. 2015.
№ 31. С. 2.
- ¹⁸ *Бабицкий А.* «Либеральная» революция: противление злу насилием. URL:
<http://svpressa.ru/society/article/139093/> (дата обращения: 25.12.2015).
- ¹⁹ *Коньков Н.* G20 : триумф Путина // Завтра. 2015. № 46. С. 2.

И. В. Сибиряков

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ:
ФЕНОМЕН «ФАНТОМНОЙ БОЛИ»
В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА**

Попытки профессиональных историков исследовать любые явления и процессы, произошедшие менее пятидесяти лет назад, уже давно вызывают специфическую внутрикорпоративную иронию специалистов по средневековой или новой истории, социальным или политическим наукам. У части представителей научного сообщества сложилось устойчивое убеждение в том, что события недавнего прошлого, тесно связанные с днем сегодняшним, должны изучать политологи или социологи, обладающие своеобразной монополией на научное понимание текущих процессов. С точки зрения сторонников такого подхода, словосочетание «современная российская интеллигенция» воспринимается как сугубо социологическое или политологическое понятие. На наш взгляд, этот термин может и должен быть использован профессиональными историками в рамках проведения исследований, посвященных новейшей истории России и особенно трагическим событиям начала XXI в.

Масштаб, скорость, глубина изменений, произошедших в стране и в мире за последние два года, позволяют предположить, что российская цивилизация вступила в один из самых глубоких и тяжелых в своей новейшей истории кризисов. Если экономические и политические последствия этого кризиса сегодня уже могут быть спрогнозированы достаточно точно, то социальные и нравственные последствия произошедших и происходящих перемен не берутся предсказать даже ведущие в этих областях специалисты и эксперты. Радикальная смена внешнеполитических

© Сибиряков И. В., 2016

Сибиряков Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Южно-Уральского государственного университета (Челябинск). sibirjkovig@mail.ru

приоритетов развития Российского государства, новые стратегические экономические партнеры России, почти официальный отказ от европейской модели культурного развития страны создают необходимые объективные условия для формирования новой особой цивилизационной конструкции.

Цивилизационный кризис, разразившийся в России в начале XXI в., носит крайне болезненный характер, но заметно ускоряет ход почти всех социальных, экономических, духовных процессов в жизни общества, переводит эти процессы на качественно новую траекторию развития. Несколько важных этапов такой трансформации уже стали фактом новейшей истории и, следовательно, могут быть исследованы с помощью именно исторических методов познания.

Неожиданно для многих этот кризис вновь поставил на повестку дня уже почти риторический вопрос о судьбах отечественной интеллигенции¹. Очередную «гибель» российской интеллигенции сегодня связывают не только с результатами экономической и социальной модернизации или радикальным изменением политического режима, сколько с формированием качественно новой информационной среды, а также с кардинальной сменой вектора цивилизационного развития страны. Споры о том, есть ли место российской интеллигенции в новой евразийской политической и экономической реальности, стремительно «набирают обороты»². Показательно, что в этих спорах в основном участвуют представители самой интеллигенции и очень небольшая часть политической элиты страны.

События, произошедшие в 2014—2015 гг. в Крыму и на Украине, придали этим спорам особенно напряженный и эмоционально тяжелый характер³.

Раскол в рядах российской интеллигенции по своей глубине и последствиям вполне сопоставим с тем расколом, который произошел в России в начале XX в. в ходе первых российских революций, или с тем расколом, который произошел в конце XX в. в ходе «перестройки» и распада СССР. Одним из наиболее важных последствий тех расколов стало постепенное исчезновение целых социальных подгрупп, из которых состояла «старая» отечественная интеллигенция, и возникновение «новой» интеллигенции.

Показательно, что гибель интеллигенции XIX в. в ходе революций и гражданской войны многими современниками воспринималась спокойно. Главной причиной этого спокойствия стало достаточно быстрое (с точки зрения временного интервала) «замещение» классической дореволюционной интеллигенции «новой» советской интеллигенцией, которая успешно выполнила часть традиционных для интеллигенции социальных функций.

При этом очень важно обратить внимание на то, что ряды этой «новой» интеллигенции, по весьма справедливому утверждению профессора О. В. Золотарева, «быстро росли за счет части интеллектуалов, сформировавшихся еще до революции, для которых новый режим виделся привлекательнее старого», а также за счет «выдвиженцев из молодежи, из рабочих и крестьян»⁴.

Однако для ускорения процесса «замещения» в условиях предвоенного времени политическая элита страны была вынуждена пойти на жесткие репрессивные меры против той части «старой» интеллигенции, которая пыталась сохранить собственную социальную, политическую, нравственную идентичность, а в дальнейшем и против той части «новой» интеллигенции, которая пыталась ускорить процессы реализации объявленных социальных проектов. Не случайно в первые послевоенные годы в СССР основной репрессивный удар пришелся уже по представителям «новой» советской интеллигенции, что привело к очередному расколу в ее рядах. «Одна ее часть поддержала антизападные настроения властей, другая не восприняла обращение к русским национальным ценностям и встала в глухую оппозицию к режиму»⁵. И вновь одна часть интеллигенции оказалась «замещена» другой.

Исследование феномена такого «замещения» в XX в. крайне осложнялось целым комплексом политических, социальных, методологических проблем, часть из которых была успешно решена только в конце XX в.

Крах советской модели интеллигенции стал огромной трагедией как для ее достойных представителей, так и для многих исследователей этого удивительного социально-нравственного явления. Но именно завершение эпохи советской интеллигенции позволило более активно включиться в процесс изучения данного феномена профессиональным историком. Вместе с культурологами, социологами, политологами, философами им удалось

проследить очередное «замещение» теперь уже «старой» советской интеллигенции «новой» российской интеллигенцией, которую многие исследователи, на наш взгляд, абсолютно справедливо определили первоначально как «постсоветскую интеллигенцию»⁶. Процесс этого замещения растянулся более чем на двадцать лет и полностью, безусловно, не завершён до сих пор.

Однако в начале XXI в. (особенно после событий 2011—2012 гг. и 2014—2015 гг.) некоторые исследователи стали очень осторожно говорить о том, что в жизни российского социума появились первые, слабые, но всё же отчетливые сигналы о формировании новой социально-нравственной группы, которая по ряду своих характеристик может быть сопоставлена с дореволюционной и советской интеллигенцией XX в., но представляет собой уже качественно новое явление⁷.

Первоначально часть исследователей считала, что ключевыми характеристиками этой группы по-прежнему являются: «интеллектуальный характер труда», «высокий уровень образования», «критическое отношение к действующей власти». С другой стороны, часть ученых обратила внимание на то, что эта группа, чьи социальные границы до конца еще так и не оформлены, отличается не только традиционными групповыми «внешними» характеристиками, но и некоторыми сущностными внутригрупповыми параметрами. Попытки связать эти параметры с новыми информационными технологиями, получившими широкое распространение в мире в начале XXI в., оказались не очень удачными⁸.

Один из самых талантливых российских социологов, занимавшийся изучением современного российского социума — Б. Дубин, по этому поводу однажды очень точно заметил, что люди, принимавшие участие в событиях на Болотной площади, так или иначе, были отмечены воздействием средств массовой коммуникации, влиянием интернета. Но «дело не в новой технологии, а дело в иных типах отношений, иных типах солидарности, иных типах связей между людьми»⁹. Выявление этих новых типов отношений и новых типов связей остается очень сложной исследовательской задачей, решение которой возможно лишь путем осторожной интеграции социологических, исторических, культурологических методов познания. Но вместе с тем Б. Дубин подчеркнул, что он не стал бы называть этих людей «интеллигентами».

Ситуацию очень существенно осложняет тот факт, что многие представители новой социально-нравственной группы также отказываются использовать в качестве некоего социального, политического или морального «маркера» термин «интеллигенция». Исследование, проведенное еще в 1995—2000 гг. В. А. Луковым среди студентов гуманитарных вузов, убедительно показало, что у студентов «самоидентификации с интеллигенцией практически не обнаруживается»¹⁰.

Природа такого «отказа», безусловно, нуждается в самостоятельном отдельном исследовании, предваряя которое мы можем предположить, что термин «интеллигенция» в сознании нового поколения образованных и социально активных молодых людей серьезно дискредитирован.

Возможно, это очередная реинкарнация знаменитого морально-политического противостояния поколений «отцов» и «детей», впервые ярко проявившегося в России еще в XIX в.

Молодые люди с высоким уровнем образования и активной жизненной позицией не хотят отождествлять себя с так называемой «советской интеллигенцией», многих представителей которой они «обвиняют» в сотрудничестве с властью и предательстве интересов народа.

Возможно, это реакция на трагические события эпохи «перестройки» и распада СССР, которые в общественном сознании первого постсоветского поколения молодежи оказались жестко связанными с деятельностью интеллигенции.

Возможно, это реакция на позицию правящей политической элиты страны, большинство представителей которой, в силу разных причин, категорически отказывается использовать в своем официальном дискурсе понятие «интеллигенция». Показательно, что в первых восьми посланиях Президента Российской Федерации В. В. Путина к Федеральному Собранию сюжет, прямо посвященный российской интеллигенции, встретился всего один раз¹¹.

С другой стороны, совершенно очевидно, что попытки «заменить» термин «интеллигенция» понятиями «креативный класс», «интеллектуальная элита», «рассерженные горожане» пока не имеют особого успеха в современном российском обществе¹².

Показательно, что советская интеллигенция как социальное значимое явление умерла, а потребность в существовании такой

группы, воспоминания о ее существовании, образы советской интеллигенции, пусть и очень неоднозначные и противоречивые, в исторической памяти россиян еще существуют.

Важно подчеркнуть, что эти воспоминания у разных групп населения порой очень существенно различаются. Как справедливо заметил И. И. Завозьяев, «“образы интеллигенции”, отражая различные точки зрения, заведомо не становились тождественными, приобретали динамический характер, особенно в сложные переломные исторические периоды»¹³.

Для основной массы сегодняшнего населения страны характерны представления об «интеллигенции», которые по очень верному замечанию Б. Дубина, являются «советскими представлениями» о советской интеллигенции. Они построены на основе образов советских учителей, библиотекарей, людей культуры, созданных с помощью литературы, театрального искусства, кинематографа в основном во второй половине XX в., при активном участии государства и ВКП (б). «Советской интеллигенции как образу большевистскими строителями приписывалось могущество, власть над умами людей и способность воспринимать силу социализма»¹⁴.

Многие из образов советской интеллигенции в дальнейшем были в значительной мере идеализированы и персонализированы в соответствии с традициями восприятия прошлого в качестве некоего «золотого века». В них отсутствовало понимание главных различий между советской интеллигенцией и дореволюционной интеллигенцией (в первую очередь, в отношении к действующей в стране власти). Политическая составляющая в образе советской интеллигенции в общественном сознании была минимизирована и подавлена культурологическими и воспитательными составляющими.

Представители советской интеллигенции в сознании многих россиян даже в начале XXI в. остаются, прежде всего, носителями таких черт, как бытовая воспитанность, повседневная скромность, образованность. Эти качества, по нашему мнению, составляют «матрицу восприятия» общественным сознанием постсоветской интеллигенции и особенно интеллигенции начала XXI в.

Несоответствие между реальными представителями современной российской интеллигенции и «матрицей восприятия»

порождает негативные оценки современной интеллигенции на уровне обыденного сознания, доходящие порой до признания того факта, что «настоящей» интеллигенции сегодня в России уже нет или, возможно, существуют ее отдельные немногочисленные персоны, которые не являются значимой социально-политической силой.

В некоторых случаях ностальгия о «настоящей» интеллигенции уходит даже дальше советского периода, позволяя ее носителям «увидеть» «настоящую» российскую интеллигенцию лишь в хронологических границах XIX и частично начала XX в. Показательно, что степень идеализации этих образов в данном случае стремительно вырастает, порождая еще более мощную ностальгию об утраченной «истинной» интеллигенции.

Важно подчеркнуть, что такого рода ностальгические «картинки» чаще всего создают те представители постсоветской интеллигенции, кто еще в эпоху «перестройки» и особенно в начале 90-х гг. XX в. попытался взять интеллектуально-нравственный реванш у руководителей официальных творческих организаций и объединений интеллигенции и смог наиболее «удачно» интегрироваться в советскую административную систему.

Первые попытки создания мифов о дореволюционной интеллигенции были предприняты еще во второй половине XX в. По мере ослабления революционных настроений в СССР и нарастания социальной стабильности в советском обществе, наиболее талантливые представители интеллигенции ощутили необходимость исторической дезинтеграции своей социальной группы из жесткой иерархической конструкции советского социума. Идеализация хотя бы отдельных фрагментов исторического прошлого российской интеллигенции XIX в. стала наиболее эффективным способом такой дезинтеграции.

В какой-то мере это движение было поддержано и со стороны наиболее образованной части советской политической элиты, которая осознавала необходимость укрепления идеи преемственности власти в общественном сознании советских граждан. Важную роль в этом процессе была призвана сыграть и советская интеллигенция, которая, как и советская власть, не могла появиться из ниоткуда. Идеологи действующего политического режима были вынуждены признать существование в дореволюционной России

нескольких групп интеллигенции и позитивно оценить деятельность той группы, которая поддержала революционные изменения в стране. Представители этой группы получили «политическую» поддержку действующей власти, что всегда в России имеет огромное значение для формирования базовых сюжетов исторической памяти как социума в целом, так и отдельных социальных групп.

Но по мере нарастания оппозиционных настроений в рядах советской интеллигенции, некоторые ее представители встали на путь идеализации совершенно другой части дореволюционной российской интеллигенции, противопоставив эти образы не столько общественному сознанию, сколько образам, рожденным под влиянием действующего политического режима.

Все эти «образы» и «воспоминания» о старой отечественной интеллигенции похожи на синдром «фантомных болей», описанный еще в 1552 г. Амбруазом Паре. Одно из последних исследований, проведенных в этом направлении в конце XX в., позволило установить, что «у 72 % ампутантов фантомные боли возникали уже в первые 8 дней после операции, через 6 месяцев они отмечались у 65 %, двумя годами позже — у 60 %»¹⁵.

Сегодня советской интеллигенции как особой социально-нравственной группы в России уже практически нет, а воспоминания о ней «терзают» и представителей политической элиты страны, и представителей современной российской интеллигенции. Как долго продлятся эти «фантомные боли» воспоминаний, сказать очень сложно. Опыт XX в. показывает, что интерес социума к истории и проблемам интеллигенции носит циклический характер. Он стремительно возрастает в условиях системного «кризиса» общества, когда обыватель и политическая элита страны ищут в рядах интеллигенции то пророков, то «козлов отпущения». Этот интерес ослабевает по мере социально-экономической и политической стабилизации, когда интеллигенция превращается в одного из многих участников исторического процесса, с весьма ограниченным набором социальных функций и возможностей.

И в том и в другом случае интерес интеллигенции к своему прошлому является обязательным условием ее «выживания» как самостоятельной социально-нравственной группы, особенно в условиях цивилизационного кризиса. Определение собственного

места и адекватная оценка своей роли в истории страны являются не только важнейшими факторами самосохранения интеллигенции, но и во многом определяют перспективы ее дальнейшего существования и развития.

Среди других факторов, способных ускорить или затормозить процесс формирования современной российской интеллигенции в качестве самостоятельной социально-нравственной группы, на наш взгляд, особого внимания заслуживают: скорость социально-экономической модернизации страны, позиция органов власти и средств массовой информации, роль интеллигенции в развитии науки и культуры, и системы образования в частности, а также способность к консолидации различных групп интеллигенции, ее готовность к быстрому замещению одних подгрупп интеллигенции другими в условиях системного кризиса.

Примечания

- ¹ *Золотарев О. В.* Слухи о кончине интеллигенции сильно преувеличены // Интеллигенция современного мира в ее многообразии : материалы XXIV междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2013. С. 24—26 ; *Трофимов Е. А.* Интеллигенция в политическом пространстве современной России : кратологический очерк // Интеллигенция и мир. 2014. № 4. С. 120—129 ; *Щипков А.* Интеллигенция : свидетельство о смерти // Литературная газета. 2012. № 48. 28 ноября — 4 декабря. С. 3 ; и др.
- ² *Маслехин В. Л.* Евразийская идея российских интеллигентов // Интеллигенция современного мира в ее многообразии. С. 61—62 ; *Осинский И. И.* Некоторые проблемы евразийства и интеллигенции // Проблемы евразийства и интеллигенция : материалы X междунар. науч. конф. («Байкальская встреча»). Улан-Удэ, 2014. Т. 1. С. 8—14 ; *Козлова О. Н.* Евразийство как вызов развитию партнерства интеллигенции в XXI в. // Там же. С. 25—33 ; и др.
- ³ *Антонова Л. Л.* Интеллигенция и современность // Проблемы евразийства и интеллигенция. Т. 2. С. 74—75 ; *Сибиряков И. В.* Евгений Гришковец как «зеркало» современной российской художественной интеллигенции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 49—52 ; *Сибиряков И. В.* Российская интеллигенция и события в Крыму весной 2014 г. : коллективные письма и обращения // Там же. № 2. С. 48—51 ; и др.

- ⁴ *Золотарев О. В.* Интеллигенция: советские годы // Интеллигенция и мир. 2012. № 4. С. 47.
- ⁵ Там же. С. 50.
- ⁶ *Золотарев О. В.* Новая интеллигенция? // Интеллигенция и мир. 2013. № 2. С. 60 ; и др.
- ⁷ *Золотарев О. В.* Постсоветская интеллигенция: после ночи приходит рассвет? // Ответственность интеллигенции в контексте времени : материалы XXIII междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2012. С. 6—8 ; *Сибиряков И. В.* Современная российская интеллигенция: преждевременный разговор // Интеллигенция и мир. 2013. № 2. С. 71—80 ; и др.
- ⁸ *Белов А. А.* Место и роль интеллигенции в формировании и развитии информационного общества // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции. Иваново, 2008. С. 278—346 ; и др.
- ⁹ Социологи о коллективном портрете современной российской интеллигенции. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24517924.html> (дата обращения: 24.03.2015).
- ¹⁰ *Луков В. А.* Миссия интеллигенции в современном российском обществе. URL: http://www.zpu-journal.ru/gum/society/articles/Lukov_Val/ (дата обращения: 24.03.2015).
- ¹¹ *Сибиряков И. В.* Ретроспективный анализ посланий Президента В. В. Путина к Федеральному Собранию Российской Федерации 2000—2007 гг. : в лабиринтах «вызовов» и «угроз» // Социум и власть. 2014. № 1. С. 119.
- ¹² *Купцова И. В.* К вопросу о соотношении понятий «интеллигенция» и «креативный класс» // Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика : материалы XXV междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2014. С. 30—31 ; *Литвинова О. А.* Интеллигенция и креативный класс в современной России: некоторые аспекты анализа ценностных ориентиров // Там же. С. 67—71 ; *Соколова Ф. Х.* «Креативный класс» в российской научной и общественной мысли // Интеллигенция современного мира в ее многообразии. С. 35—37 ; и др.
- ¹³ *Завозяев И. И.* Черты психографии современной интеллигенции и проблемы социальных технологий // Интеллигенция и мир. 2013. № 2. С. 84.
- ¹⁴ *Кубасов А. В.* Образ «советской интеллигенции» как симулякр большевистской системы // Ответственность интеллигенции в контексте времени : материалы XXIII междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2012. С. 59.
- ¹⁵ *Павленко Н. С.* Фантомные боли. URL: <http://painstudy.ru/matls/review/fantom.htm> (дата обращения: 24.03.2015).

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3 (4Ита)51-283.2

Д. В. Кирюхин

УЧАСТИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: СЕМЬЯ ДЖИЛЬИ

В период раннего Нового времени королевский двор занимает не только исключительную роль как основной инструмент репрезентации власти правящей династии¹, но также является интеллектуальным и культурным центром, который объединяет и привлекает в свой круг большое число авторов, воплощавших в жизнь идеи своего правителя. Таким образом, жизнь двора стимулирует не только развитие литературы, науки и искусства, но и способствует укреплению международных, межнациональных, межкультурных связей, привлекая в страну представителей иностранной интеллигенции, которые вынуждены были покинуть родину в силу ряда причин. После завершения гражданской войны Алой и Белой роз (1455—1485) король Генрих VII активно формирует первоначальный круг придворных авторов: писателей, поэтов и художников.

Особое место среди них занимает слепой придворный поэт Бернар Андре Тулузский (1450—1522), неопубликованный труд которого «История жизни и достижений короля Генриха VII» содержит частые и довольно подробные упоминания о других

© Кирюхин Д. В., 2016

Кирюхин Дмитрий Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. bagerlock@gmail.com

его коллегам. В числе одного из авторов двора первых Тюдоров Андре называет Джованни Джильи (Гигли) (1434—1498), который в «Истории жизни...» охарактеризован как «человек с огромным опытом в делах как людских, так и божественных»².

Джованни являлся далеко не первым и не последним представителем своей семьи, принявшим участие в миграционных процессах раннего Нового времени. Первым, кто из семьи Джильи пересек Альпы, был Пьеро Джильи. Так же как многие из его соотечественников он отправился на север, чтобы продавать шелка во фламандском городе Брюгге, центре международной торговли с первой половины XV в. Согласно воспоминаниям его потомка Мартино Джильи, Пьеро уехал, чтобы избежать пленения от рук Паоло Гуиниджи, правителя города Лукка с 1400 по 1430 г.³ Следует подчеркнуть, что семья Джильи была среди самых верных сторонников партии Гуиниджи и некоторые из членов семьи состояли в браке с родственниками этого правителя⁴.

К тому времени как Пьеро Джильи умер, в 1432 г., его второй сын Карло уже смог сделать себе имя в торговле шелком в Брюгге. Между 1430 и 1443 гг. он поставляет более 2000 локтей шелковой ткани, парчи и атласа ко двору Филиппа Доброго, герцога Бургундии. Все ткани, которые использовались во время праздничных мероприятий в честь бракосочетания Филиппа и Изабеллы Португальской в 1430 г., были заказаны у Джильи и у его коллеги Паоло Мелиани, что позволило им заработать внушительную сумму более чем в 30 тысяч фунтов⁵. Карло также состоял членом престижного Содружества сухого дерева, в котором богатые купцы соседствовали с бургундскими дворянами, городской знатью и высшим духовенством. Однако удача не долго способствовала ему, согласно Мартино Джильи, торговец шелком впал в немилость своего патрона после 1445 г.⁶

Что стало причиной для семьи Джильи заняться торговлей с Англией является дискуссионным в зарубежной историографии⁷. Карло получил охранную грамоту от Короны в 1451 г. и разрешение остаться в королевстве вместе с письмами о получении права гражданства для себя, жены Камиллы Кагноли и своей семьи в 1460 г.⁸ Они давали право приобретать земли и другое имущество, обращаться в английские суды, платить налоги как английским гражданам. Представляя собой идеальный пример

цепной миграции XV в., Карло и его семья могли рассчитывать на помощь своих родственников, которые перебрались в Лондон раньше. Его старший брат Филиппо поселился вместе с местным торговцем рыбой Робертом Стратфордом в округе св. Варфоломея Младшего до 1435 г., известно также, что его младший брат Николао в 1451 г. платил налог как иностранный торговец в Биллингсгейте⁹.

Только после того как Карло перебрался в английскую столицу, стало известно о его литературных интересах. В 1458 г. он обучал поэзии и французскому языку и продавал книги Уильяму Вустеру, хронисту, антикварию и секретарю командующего и помещика сэра Джона Фастольфа¹⁰. В начале 1460-х гг. он написал несколько писем на латыни, комментируя военные и политические события Войн Роз, для коллег купцов из г. Лукка и папе Пио II, которые свидетельствуют о высоком образовании и как минимум базовом знании классических авторов¹¹. Должно быть его коммерческие амбиции направили его назад в Брюгге, где он умер и был похоронен рядом со своим отцом. В Брюгге же в 1434 г. у Карло родился сын Джованни.

Сын торговца, Джованни в 1449 г. был направлен в Болонью, а затем в начале 1450-х гг. обучался в Оксфордском университете, получил научные степени в Ферраре и в Лукке. Опираясь на связи отца, он начал свою карьеру в среде духовенства и стал представителем папы Сикста IV в 1470—1476 гг. Вскоре Джованни возвращается в английское королевство, где провел часть своего детства; первое может быть с точностью установлено письмами о получении английского гражданства. Письма оказались у него в декабре 1477 г., они были необходимы для получения английских бенефициев¹².

Как справедливо отмечает Б. Ламберт, во время пребывания в Лондоне Джованни последовал гуманистическим интересам своего отца, которые тот взрастил в нем¹³: итальянец стал учителем детей короля Эдуарда IV, помогал распространять индульгенцию Уильяма Кэктона, он упоминается как автор самой первой английской эпиталамы, стихотворения для невесты, готовящейся к замужеству¹⁴. При Эдуарде IV Джованни Джилби — каноник собора в Уэллсе в 1478 г.¹⁵, в 1483 г. — архидиакон Лондона. Во время правления Ричарда III сведения о внимании короля

к нему отсутствуют. Генрих VII вновь обращается к Джильи и делает его одним из своих придворных поэтов. С 1490 г. он назначен английским послом в Римской курии.

Из поэтического наследия Джованни можно назвать эпигramму «Egidius Anglicus contra prefatum Gallum»¹⁶. В ее названии использована латинизированная фамилия Джильи «Egidius», а его долгая жизнь в Англии и образование вполне могли служить причиной для эпитета «Anglicus»¹⁷, хотя это, скорее всего, служит указанием на принадлежность автора к английскому королевскому двору. Мишенью придворного поэта в данной эпиграмме (а также его коллег, аналогичным образом не оставшихся в стороне) становится французский дипломат, философ и гуманист Робер Гаген (Гагуин) (1433—1501), министр ордена тринитариев в Париже, профессор канонического права в Сорбонне. В рассматриваемый период камнем преткновения интересов Англии и Франции становится Бретань. 28 июля 1488 г. французская армия одержала победу в бою с бретонской, и перед Генрихом, стремившимся разрешить конфликт дипломатическим способом, стояла непростая задача: вмешаться в военный конфликт между Францией и Бретанью и помочь герцогу Франциску или позволить французам завладеть всем Атлантическим побережьем¹⁸. Дочери Франциска по условиям акта о капитуляции оказывались под опекой Франции. В декабре 1491 г. герцогиня Анна выходит замуж за Карла VIII, а после его смерти за Людовика XII. Почти в то же время король Карл VIII начинает проявлять явную заинтересованность судьбой Перкина Уорбека, претендента на трон Англии. Осенью 1492 г. войско Англии идет на Францию, пытаясь таким образом заставить французов заплатить за ненападение английских войск, что удалось по мирному договору, подписанному в ноябре 1492 г. после осады английскими войсками Кале¹⁹. Французское посольство, посланное к английскому двору в сентябре 1489 г., было возглавлено Франсуа де Люксембургом и включало также названного Р. Гагена, который, по мнению английского исследователя Д. Карлсона, являлся центральной фигурой этого посольства²⁰. Согласно Ф. Бэкону, Гаген произносит речь, обращенную к английскому королю, в которой сообщает, что французский король, которого он называет «величайшим и могущественнейшим

из королев, правивших во Франции со времен Карла Великого», ищет мира, не считая ущербом не только предложить, но и просить мира с королем Англии: «Для какой цели он послал нас, своих представителей, наставленных и наделенных всеми необходимыми полномочиями для того, чтобы вести переговоры и принимать решения, предоставив, кроме того, нам право и в некоторых других делах открывать его тайные намерения. И да послужит драгоценным залогом любви между великими королями то, что они будут обсуждать друг с другом истинное состояние их дел и обойдут молчанием щекотливые вопросы чести, которыми не должны определяться наши чувства. Уверяю ваши светлости, что невозможно и вообразить ту подлинную и сердечную любовь, которую наш господин король питает к вашему государю, если не быть к нему в той близости, в какой пребываем мы»²¹. Французское посольство вскоре вернулось в Париж, однако в конце октября или начале ноября двое послов, включая Гагена, отправились в Англию. Несмотря на то что во время второго посольства французские дипломаты остались при английском дворе на более длительное время, компромисс так и не был найден. Вернувшись в Париж, Гаген посвятил этому событию гневную эпиграмму, которая получила не менее яркий отклик среди придворных поэтов двора Тюдоров. Хотя Б. Андре и пишет, что эпиграмма была направлена против английского короля, сам Гаген озаглавил свой текст «Gaguinus Orator Gallus Contra Anglos»²² (т. е. против англичан). В этой эпиграмме Гаген обвиняет англичан в разрушении надежды французов на мир в прошлом, настоящем и будущем, и что хуже всего, в трате его личного времени, его «multos sine fruge labor» и «vigiles curas»²³; называет Генриха VII воинственным и неблагодарным и призывает его готовиться к войне, пусть и не таких больших масштабов. Если П. Вергилий в книге XXVI «Истории Англии» не сообщает никаких дополнительных сведений об этом инциденте, кроме фактов прибытия посольства²⁴, то Б. Андре подробно разбирает этот случай в «Истории жизни и достижений Генриха VII» в главе «Другое посольство из Франции»²⁵. Согласно Андре, основным требованием, по решению королевского совета, является выплата денежного «долга», которое отрицается французским королем²⁶. После этого «названный Гаген воспылал гневом и опрометчиво бросил следующие слова

нашему королю: Мы здесь только для того, чтобы испытывать англичан такими частыми встречами...»²⁷. Затем последовал ответ придворных авторов, о чем Андре подробно рассказывает. Первым среди «защитников английского короля» Б. Андре называет Джованни Джильи, который «написал против названного посла сочинение и составил ответ от имени короля»²⁸. Андре также сообщает, что помимо письменного сочинения, Джильи ответил на обидную реплику Гагена: «На прекрасном и щедром пиру, насыщенном всеми видами яств, которыми король угощал их, в своем стихотворении (которое не приходит сейчас мне на память) Гагуин назвал короля пастухом. На что Гигли мудро ответил: “Если вы зовете меня пастухом, это делает вас овцами” и даже более резко»²⁹.

В 1497 г. Джованни Джильи получает должность епископа Ворчестера, но умирает в Риме меньше чем через год в возрасте шестидесяти четырех лет. Однако итальянское присутствие семьи Джильи в Англии не заканчивается.

Хаусхолд, расположенный на Солеман Стрит Вард, включал не только поваров, дворецких и слуг, но также двух сыновей дяди Джованни Николао. Себастьяно был отнесен к категории купцов, проживающих в Англии больше трех месяцев, его коммерческая деятельность, вероятно, была причиной того, что он получил в 1485 г. письма для получения гражданства³⁰. Он вернулся в Италию, чтобы уладить дела Джованни, но затем возвратился в Англию в 1491 г. В 1494 г. он поселился в г. Лукка, где умер пять лет спустя.

Сильвестро, упоминаемый как слуга в Субсидиальном роле иностранцев, родился в г. Лукка в 1463 г. и продолжил карьеру подобно своему предшественнику. Получив степень права, он сопровождал Джованни во время его путешествия в Италию, когда тот собирал бенефиции и налоги³¹. В 1498 г. он стал преемником своего двоюродного брата на должности епископа Вустера. Сильвестро становится папским легатом, именно он доставляет разрешение на свадьбу принца Генриха (будущего короля Генриха VIII) и испанской принцессы Екатерины Арагонской в Англию в 1505 г. Как агент Томаса Уолси он соперничал с кардиналом Кристофером Бенбриджем и, если верить слухам, даже отравил его, а также помогал Эразму получить папские разрешения,

что послужило причиной посвящений ему в некоторых трудах гуманиста³².

Продолжая традицию взаимопомощи родственникам, Джильи, возможно, принял участие в назначении Феликса Масарози, его племянника по линии сестры, в качестве ректора Тредингтона в епархии Вустера³³. Масарози, вероятно имевший такое имя по названию деревни Масароза в пригороде г. Лукка, получил письма гражданства в 1516 г.³⁴ Пять лет спустя он умер и был похоронен в церкви английского хосписа в Риме. Его смерть ознаменовала окончание полной на события истории семьи Джильи на английской земле.

Итак, в рассматриваемый период Англия привлекает итальянцев как место для применения их разнообразных талантов, обещающая в том числе и финансовое благополучие. Как видно на примере семьи Джильи, сфера деятельности итальянской интеллигенции разнообразна: от традиционной для итальянских купцов торговли до занятия должностей придворных авторов и духовных лиц. На наш взгляд, наиболее ярким представителем итальянской интеллигенции названного семейства является Джованни, который смог продолжить дело своего отца, приумножив его таланты, и построить великолепную карьеру в Английском королевстве.

Примечания

- ¹ См. подробнее: Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / под ред. *Н. А. Хачатурян*. М. ; СПб., 2001. Вып. 1.
- ² *André B. De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia* // The University of California, Irvine. Par. 59. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/intro.html> (дата обращения: 09.02.2012).
- ³ *Lambert B. The Gigli: a family on the move* // England's Immigrants 1330—1550 — Resident Aliens in the late Middle Ages. URL: <https://www.englishimmigrants.com/page/individual-studies/the-gigli-a-family-on-the-move> (дата обращения: 18.02.2016).
- ⁴ *Meek Ch. Lucca, 1369—1400: Politics and Society in an Early Renaissance City-State*. Oxford, 1978.
- ⁵ *Lambert B. Se fist riche par draps de soye. The Intertwinement of Italian Financial Interests and Luxury Trade at the Burgundian Court (1384—1481)* // Lambert B. & Wilson K. A. *Luxury Textiles in Italy and the Low*

- Countries during the Late Medieval and Early Modern Period. United Kingdom : Ashgate, 2016.
- ⁶ *Lambert B.* The Gigli: a Family on the move.
- ⁷ *Clough C. H.* Three Gigli of Lucca in England during the Fifteenth and Early Sixteenth Centuries: Diversification in a Family of Mercery Merchants // *The Ricardian: Journal of the Richard III Society.* 2003. № 13. P. 121—147.
- ⁸ Letters of denization and acts of naturalization for aliens in England, 1509—1603 / Ed. by Page *W. Lymington*: Printed for the Huguenot Society of London by C. T. King, 1893.
- ⁹ The Alien Communities of London in the Fifteenth Century : the Subsidy Rolls of 1440 and 1483—4 / Ed. by *J. L. Bolton.* Stamford, 1998.
- ¹⁰ *Bianchi R.* Il mercante Carlo Gigli, Pio II e le Guerre delle Rose // *Rosella Bianchi, Intorno a Pio II: un Mercante e Tre Poeti.* Messina, 1988. P. 69—122.
- ¹¹ *Hughes J.* Stephen Scrope and the Circle of Sir John Fastolf: moral and intellectual outlooks // Christopher Harper-Bill and Ruth Iarvey (Eds.). *Medieval Knighthood IV: Papers from the Fifth Strawberry Hill Conference 1990.* Woodbrige, 1992. P. 109—146.
- ¹² Letters of denization and acts...
- ¹³ *Lambert B.* The Gigli : a Family on the move.
- ¹⁴ *Tournoy G., Thoen G.* Giovanni Gigli and the Renaissance of the Classical Epithalamium in England // Dirk Sacré and Gilbert Tournoy (Eds.) *Myrica: Essays on Neo-Latin Literature in Memory of Jozef IJsewijn.* Leuven, 2000. P. 133—193.
- ¹⁵ Oxford Biography Index entry. URL: <http://www.oxforddnb.com/index/10/101010670/> (дата обращения: 09.02.2013).
- ¹⁶ *Кирюхин Д. В.* Стратегия репрезентации королевской власти в культурной и интеллектуальной жизни английского двора в 1485—1533 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2014.
- ¹⁷ *Carlson D.* Politicizing Tudor Court Literature: Gaguin's Embassy and Henry VII's Humanists' Response // *Studies in Philology.* 1988. Summer. Vol. 85, № 3. P. 279—304.
- ¹⁸ *Wernham R. B.* Before the Armada: the Growth of English Foreign Policy 1485—1588. London, 1966. P. 34.
- ¹⁹ *Makie J. D.* The Earlier Tudors. Oxford, 1952. P. 86—105.
- ²⁰ *Carlson D.* Politicizing Tudor Court Literature. P. 279—304.
- ²¹ *Ibid.* P. 279—304 ; *Бэкон Ф.* История правления короля Генриха VII. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Bacon/frameset12.htm> (дата обращения: 11.01.2013).

- ²² См.: *Thuasne L.* Roberti Gaguini Epistole Et Orationes. Paris, 1903. I: 77—87.
- ²³ *Simone F.* Robert Gaguin ed il suo cenacolo umanistico // *Aevum*. 1939. № 13. P. 410—476.
- ²⁴ *Vergil P.* Anglica Historia. Latin text and English translation / Ed. and Trans. by *Sutton D. J.* Library of Humanistic Texts at the Philological Museum of University of Birmingham's Shakespeare Institute, 2005. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/26lat.html> (дата обращения: 9.02.2012).
- ²⁵ *André B.* Op. cit.
- ²⁶ «Когда эти вопросы были обсуждены, король передал этот вопрос королевскому совету. Затем они проголосовали за то, что если французы не заплатят их долг, приготовления к войне будут в скорости начаты. Я опускаю другие решения, которые были приняты, что ускользнули из моей памяти. Таким образом, французы, вернувшись к своему королю с подобным ответом, были отправлены снова назад к нам, но не с теми условиями, которые бы понравились нашему королю» // *Ibid.*
- ²⁷ *Ibid.*
- ²⁸ *Ibid.*
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ *Bradley H.* Italian merchants in London, c. 1350-c. 1450 // Unpublished PhD thesis, University of London, 1992. P. 17—20, 30, 43—44, 54—55.
- ³¹ *Fryde E. B., Greenway D. E., Porter S., Roy I.* Handbook of British Chronology (Third Revised Edition). Cambridge, 1996.
- ³² *Contemporaries of Erasmus : a Biographical Register of the Renaissance and Reformation. Vol. 2 / Ed. by P. G. Bietenholz, Th. B. Deutscher.* Toronto ; London, 1985. P. 97—99.
- ³³ *Lambert B.* The Gigli: A Family on the move.
- ³⁴ Letters of denization and acts...

А. М. Абидулин, Р. М. Валеев

**ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ
И ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУР:
ВКЛАД ОСМАНА ХАМДИ БЕЯ
В СОХРАНЕНИЕ ОСМАНСКОГО
И МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Реформы эпохи Танзимата в Османской империи (1839—1876) привнесли в культуру традиционного османского общества европейские культурные образцы, которые смогли повлиять на формирование нового облика имперской власти. Ярким примером тому является создание Имперского музея в Стамбуле, прообразом которого стали крупнейшие музеи европейских столиц. История османской культуры, прочно связанная с прошлым государства Османов, во второй половине XIX столетия стала важным инструментарием имперской практики. Взаимопроникновение европейской и восточной имперских культур и формирование новой турецкой интеллигенции были напрямую связаны с изучением прошлого и обобществлением культурного наследия Османской империи. Ответом на культурные запросы формирующейся интеллигенции и усилением контактов с Европой обусловлено и создание Имперского музея.

Визуализация власти через восприятие ее образованной публикой играла важную роль в становлении нового облика

© Абидулин А. М., Валеев Р. М., 2016

Абидулин Алим Маратович — кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского. abidulinam@gmail.com

Валеев Рамиль Миргасимович — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения и исламоведения Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета. valeev200655@mail.ru

государства. Одним из наиболее ярких представителей новой формации османской интеллигенции, впитавшей в себя современные отечественные и передовые европейские культурные веяния, был Осман Хамди бей (1842—1910), с именем которого связана трансформация представлений о восприятии восточной культуры на Западе и общемирового культурного наследия в Османской империи. Как человек, принадлежащий восточной культуре, он, тем не менее, смог переформатировать восприятие культурного наследия древних цивилизаций и, самое главное, привить его понимание в османском обществе.

Осман Хамди родился в 1842 г. в Стамбуле. Его отцом был Ибрагим Эдхем паша (1818—1893). Грек с острова Родос по происхождению, он стал одним из первых османских государственных деятелей, получивших европейское образование. В парижском пансионе Барбе, где молодые люди готовились к поступлению в Высшие школы, он был другом и однокашником Луи Пастера. Эдхем паша благодаря полученному образованию и честности шаг за шагом сделал сначала военную, а затем и государственную карьеру. Он возглавлял разные министерства, был послом Османской империи в Берлине и Вене. Наконец, венцом его карьеры стала должность великого визиря при султানে Абдул Хамиде II, которую Эдхем паша исполнял во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.¹

Эдхем Паша предоставил возможность изучить европейские языки и получить высшее образование своим сыновьям, и его старания не были напрасными: все они стали высокообразованными людьми, занимавшими в разные годы высокие государственные посты. Старший сын Осман Хамди был направлен во Францию обучаться праву. Во время двенадцатилетнего пребывания в Париже Осман Хамди совмещал лекции по праву в Парижском университете с занятиями живописью в Парижской школе изящных искусств Les Beaux-Arts de Paris. Кроме того, Осман Хамди имел возможность обучаться живописи у таких известных французских художников и скульпторов XIX в., как Жан-Леон Жером (1824—1904) и Гюстав Кларен Рудольф Буланже (1824—1888). Оба творца были захвачены модным тогда в Европе направлением ориентализма². У них Осман Хамди научился изящной манере рисования, став, таким образом, одним

из первых турецких живописцев, получивших безупречное художественное образование. На протяжении всей своей жизни Осман Хамди занимался живописью, и его работы на выставках удостоивались высоких наград. По воспоминаниям современников, он был достаточно плодотворным художником и в течение нескольких часов мог написать портрет³. Брат Османа Хамди вспоминал: «До последних дней жизни каждый день он [Осман Хамди] писал на холсте. Обычно это были сцены из жизни страны, портреты, сельские пейзажи»⁴.

В 1867 г. Осман Хамди участвовал в качестве комиссара, возглавлявшего официальную делегацию Османской империи на Всемирной выставке в Париже, где предположительно были представлены три его работы: «Цыганский привал», «Зейбек в засаде» и «Гибель Зейбека». К сожалению, в настоящее время эти полотна, принесшие Осману Хамди известность, считаются утраченными. В Париже Хамди женился на французенке, но его жизнь круто изменилась в связи с назначением на государственную службу. В 1869 г. Осман Хамди вместе с ведущим реформатором эпохи Танзимата Мидхат пашой был направлен в Багдад⁵. Переезд в Багдад из Парижа, переживавшего культурный подъем при Наполеоне III, для молодого интеллигента и живописца был нелегким испытанием⁶. Наверное, вынести его во многом помогла как дружба с Мидхат пашой, так и ответственность перед отцом, назначенным министром юстиции. Должность чиновника давала Хамди право присоединить к своему имени титул должностного лица «бей».

По прибытии Османа Хамди бея в Багдад Мидхат паша предложил ему возглавить дирекцию иностранных дел, так как он владел несколькими языками. Осман Хамди бей принял должность и занимался контактами с иностранцами, населявшими вилайет, и перепиской⁷. С одной стороны, выполняя административные обязанности, Осман Хамди находил время писать картины, с другой стороны, вместе с Мидхат пашой он знакомился и общался с прогрессивными политическими и общественными деятелями, такими как главы санджаков Хамди Симави бей и Косе Раиф паша, писателем Ахмедом Мидхат эфенди. В Багдаде Осман Хамди бей встречался и с людьми Востока — сосланными сюда индийскими махараджами, бедуинами из аравийских

пустынь. По воспоминаниям друга Османа Хамди бей, немецкого писателя и дипломата Рудольфа Линдау, именно о встречах в Багдаде и чудесах, произошедших там, любил красочно рассказывать Осман Хамди бей. Позже, собрав эти рассказы, Рудольф Линдау издал книгу под названием «Рассказы одного эфенди»⁸. Они показывают, насколько дух такого творческого человека, как Осман Хамди бей, был пропитан впечатлениями от восходов и закатов в пустыне, звездного багдадского неба.

В 1871 г. Осман Хамди бей возвратился в Стамбул, где начал работать помощником директора иностранного протокола. Во многом и здесь ему помогло знание иностранных языков и европейской культуры⁹. В 1873 г. Османская империя участвует во Всемирной выставке в Вене, и президентом османской имперской комиссии по подготовке к участию в выставке был назначен отец Османа, министр общественных работ Эдхем паша, а сам Хамди бей был направлен султаном Абдул Азизом на выставку в качестве главного комиссара. Османский павильон, выстроенный в виде стамбульского фонтана Ахмеда III, знакомого европейцам по гравюрам Огюста де Шуазель-Гуфье «Фонтан у Имперских врат» и Уильяма Генри Бартлетта «Фонтан султана Ахмеда III», а также по акварели графа Амадео Прециози, вызвал неподдельный интерес у посетителей выставки. К этой выставке Хамди бей подготовил альбом по истории османской архитектуры, созданный коллективом османских архитекторов под редакцией его отца, Эдхема паши¹⁰, и великолепный альбом «Народные костюмы Турции» с фотографиями национальных костюмов народов, населявших Османскую империю, вместе с организатором османского выставочного павильона французом Виктором Мари Делоне¹¹.

По возвращении в Стамбул в 1874—1876 гг. Осман Хамди бей работал секретарем под начальством министра иностранных дел Высокой Порты Ахмеда Ариф паши. В 1876 г. с началом правления султана Абдул Хамида II он был назначен в директорат иностранной прессы Министерства иностранных дел. Осман Хамди бей активно участвовал в развернувшейся в связи с принятием первой османской конституции в прессе кампании, показав себя и опытным политиком, и умелым журналистом¹². В годы русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Осман Хамди бей

некоторое время находился на военной службе как вольноопределяющийся, возможно как переводчик, но уже с 1877 г. он начал работать главой одного из отделов городской администрации стамбульского района Бейоглу. Вновь ему помогло знание иностранных языков, ведь Бейоглу традиционно населяли многочисленные европейцы.

Примерно в 1878 году, после отставки отца с поста великого визирия, Осман Хамди бей оставляет государственную службу, не принимает участия в общественной жизни и целиком отдается живописи, хотя венцом его карьеры должна была стать должность губернатора или посла¹³. Но судьба распорядилась иначе.

В это время в Стамбуле существовал всего один музей. Еще со времени взятия Константинополя османы стали использовать церковь Святой Ирины, расположенную во дворце Топкапы, в качестве арсенала, а затем для хранения различного оружия, взятого в военных походах, и христианских реликвий, находившихся в Константинополе. Конечно, эта коллекция не была открыта для посещений, лишь некоторым иностранцам удавалось получить специальное разрешение и ознакомиться с ней. К примеру, французский путешественник Жан де Тевено, автор «Путешествия на Восток», в своем произведении описывает древности Константинополя, в том числе и коллекцию, находившуюся в арсенале¹⁴. В 1726 г. арсенал был преобразован в «Оружейную палату». В 1826 г. во время янычарского восстания она сильно пострадала, и большая часть экспонатов была повреждена или уничтожена. Лишь в 1846 г. по распоряжению султана Абдул Меджида I (1839—1861) и при активном содействии маршала артиллерии Ахмеда Фетхи паши «Оружейная палата» была преобразована в «Коллекцию древностей». Ахмед Фетхи паша, будучи послом в Вене и Париже, был хорошо знаком с европейскими музеями и в особенности с «Королевской оружейной палатой» в Лондоне, поэтому устройство первого османского музея повторяло принципы формирования экспозиций музеев европейских столиц¹⁵.

Первоначально основная коллекция музея состояла из двух частей: коллекций оружия и старинной одежды¹⁶. Значительную часть экспозиции представляли археологические артефакты, которые и ранее собирались как в самом арсенале, так и во дворце

Топкапы. В вилайеты было послано распоряжение направлять археологические находки в музей с необходимым описанием места их обнаружения. Музей не был открыт для широкой публики, в основном его посещали гости султана, послы иностранных государств. Первым европейским ученым, посетившим этот музей, стал французский археолог Альберт Дюмон, который отмечал, что в галереях Святой Ирины статуи, плиты с надписями, барельефы экспонируются нерегулярным образом. Многие археологические артефакты, находящиеся в экспозиции, закрыты другими археологическими находками и вещами, не имеющими к ним отношения, что затрудняет их изучение, некоторые находки по причине отсутствия должного к ним внимания и даже влажности еще больше разрушаются. Самое печальное, что артефакты не имеют должного описания места их находки. Таблички с описанием находок, которые легко могут поменять свое место, часто сообщают лишь о том, что предмет найден за пределами Константинополя. По мнению Дюмона, для классификации предметов, находящихся в музее Высокой Порты, было необходимо принять на работу европейского археолога¹⁷.

29 января 1869 г. распоряжением министра просвещения Мехмед Савфет паши «Коллекция древностей» была переименована в «Имперский музей», а его первым директором назначили преподавателя Галатасарайского лицея англичанина Эдварда Гольда¹⁸. Это назначение говорило о том, что собрание древностей должно представлять империю и быть похожим на музеи европейских столиц. Коллекция музея начала активно пополняться, а изображения находок и их описание публиковаться в османских газетах.

В 1871 г. великим визирем стал Махмуд Недим паша, который по протекции австрийского посла в Константинополе Антона фон Прокеш-Остена назначил на пост директора Имперского музея коллекционера и художника Теренцио, поставившего своей задачей инвентаризацию музейных экспонатов, но особо не преуспевшего на этом поприще. Известна переписка Теренцио с Генрихом Шлиманом, очевидно добивавшемся получения разрешения на раскопки в Гиссарлыке¹⁹.

В 1872 г. Теренцио на посту директора музея сменил доктор Филипп Антон Дэтир (1803—1881). Всесторонне образованный, но в силу своего возраста (68 лет) имевший слабое

здоровье, Антон Дэтир был первым, кто развил в должности директора активную деятельность. Именно он подготовил описание Стамбула и Босфора на немецком и французском языках к Всемирной выставке 1873 г. в Вене²⁰. Важным этапом в развитии охраны археологических памятников и артефактов стало и принятие законов об охране исторического наследия 1869, 1874 и 1884 гг.²¹

В 1875 г. по распоряжению министра просвещения Абдуллатифа Субхи паши в ответ на прошение Антона Дэтира значительно расширившаяся коллекция Имперского музея переехала в здание Изразцового павильона²². Кроме того, Антон Дэтир подготовил к утверждению проект школы для подготовки специалистов по музееведению, но этот проект, несмотря на одобрение султана, не был осуществлен. Антон Дэтир исполнял обязанности директора Имперского музея до 3 марта 1881 г. На освобожденное им место директора министерство просвещения рассматривало кандидатуру выпускника Мюнхенского университета доктора Людвиг-Максимилиана Мильхофера, но в последний момент было принято другое решение. Возможно, на государственном уровне понимали, что подошло время и дирекцию музея должен возглавить подготовленный османский ученый, и поэтому выбор Высокой Порты остановился на Османе Хамди бее. Вероятно, в это же время его ближайший друг и секретарь министерства иностранных дел Мюнир паша представил Османа Хамди бей султану Абдул Хамиду II, и 4 сентября 1881 г. с зарплатой в 5000 курушей Осман Хамди бей возглавил Имперский музей, став его первым директором, который не был иностранцем²³.

Осман Хамди бей начал свою деятельность с классификации коллекции древностей, находившихся в музее. Для проведения этой работы он пригласил из Франции археолога Саломона Рейнаха²⁴. Первый каталог музея, располагавшегося в Изразцовом павильоне под названием «Catalogue du Musée Imperial d'antiquites Constantinople», подготовленный Саломоном Рейнахом, вышел в свет в 1882 г.²⁵ Он также первым сделал Имперский музей общедоступным.

Развивая идеи своего предшественника Антона Дэтира, Осман Хамди бей понимал, что османское общество не готово

к восприятию наследия древних культур и цивилизаций, а в стране нет достаточного количества специалистов и исследователей, способных заниматься археологическими изысканиями, обработкой находок, оформлением музейных экспозиций. Поэтому практически сразу же он начал хлопотать об открытии «Школы изящных искусств», став ее первым директором. 3 марта 1883 г. школа была официально открыта, а занятия в ней начались в 1884 г. В первый год работы в школе обучалось 20 учеников²⁶. В качестве преподавателей Осман Хамди бей пригласил известных деятелей искусства: знаменитого французского архитектора, автора множества крупных построек в Стамбуле Александра Валлори, итальянского архитектора Филиппе Белло, итальянского художника Сальваторе Валери, художника Варния Зазрецкого²⁷. В основу организации этой школы лег устав Парижской академии изящных искусств, где в свое время учился Осман Хамди бей.

Положение об охране исторических памятников, подготовленное Антоном Дэтиром в 1874 г., не отвечало современному состоянию дел, и Осман Хамди бей разработал в 1884 г. другое положение, которое открыло новый период в музейном деле Османской империи. Все находившиеся на ее территории памятники древних цивилизаций определялись как собственность государства, было запрещено вывозить памятники культуры за границу, их полагалось направлять в Имперский музей. Это вызвало большую критику Османа Хамди бея в Европе²⁸. Но вместе с этим, несмотря на запреты о вывозе культурных ценностей, по ранее подписанному соглашению с османской стороной находки с раскопок в Пергаме 1880—1881 и 1883—1886 гг. переходили в собственность Германии и отправлялись в Берлин, как произошло со знаменитым Пергамским алтарем.

Когда Осман Хамди бей был назначен на должность директора музея, в нем числилось 650 предметов. Коллекция музея стала быстро увеличиваться, во многом благодаря поддержке Эдхема паши. Будучи министром внутренних дел, в 1882 г. он разослал в вилайеты циркуляры, согласно которым предполагалось собирать древности и направлять их в музей, а также нашел источники финансирования раскопок в Пергаме и Кидоние. Осман Хамди бей быстро осваивал новые для него области научного

знания — археологию и музееведение. В формировании Османа Хамди бея как ученого-археолога немаловажную роль сыграл Саломон Рейнах, под научным руководством которого он провел свои первые раскопки, пополнившие коллекцию древностей Имперского музея. Много лет спустя он напишет Рейнаху: «Когда вы находились в Стамбуле, возможно даже не догадываясь, первым начали меня обучать археологии»²⁹.

Для того чтобы обогатить коллекцию Имперского музея, Осман Хамди бей в 1883—1895 гг. провел серию археологических раскопок в различных местах империи. Их успех позволил Осману Хамди бею как археологу стать в один ряд с учеными из Европы и Америки. Вместе с немецким инженером, архитектором и археологом Карлом Хуманом он участвовал в раскопках в Пергаме, научившись у него ведению раскопок, а археологу и директору коллекции скульптуры Королевских музеев Берлина Александру Конзе он часто выражал благодарность за моральную поддержку в исследовательской деятельности.

К этому периоду становления Османа Хамди бея как археолога, то есть к 1881—1887 гг., относится его участие в раскопках гробницы Антиоха I Коммагенского на горе Немрут вместе с Отто Пухштейном и Карлом Хуманом, эолидских некрополей городов Кима и Мирина. Он также принимал участие в раскопках в Лагине вместе с французскими археологами Жозефом Хамонардом и Жаком Картье, в Траллах и Алабанде. Отчеты об этих раскопках были опубликованы в различных научных журналах, а позднее в труде Саломона Рейнаха³⁰. Но самый большой успех на поприще археологии ждал Османа Хамди бея в 1887 г. на раскопках древнего Сидона в Ливане, ставших началом его работы в качестве самостоятельного исследователя. В сидонском некрополе ученый обнаружил саркофаги, принесшие Имперскому музею мировую известность. Ранее в 1860 г. Наполеон III направил известного французского историка религии и семитолога Жозефа Эрнеста Ренана во главе экспедиции, снаряженной для археологического исследования древней Финикии. Особых успехов экспедиция не имела, но по результатам этих изысканий Ренан опубликовал труд «Археологическая миссия в Финикии», который вдохновил в 1887 г. Осман Хамди бея на археологические изыскания и в этом регионе. Вместе с другом и сотрудником

Имперского музея Димостеном Балтаджи он смог правильно провести раскопки в подземном некрополе и через прорытый туннель извлечь саркофаги, которые были доставлены к Средиземному морю и перевезены пароходом в Стамбул. После обнаружения саркофага сидонского царя Табнита III Хамди бей направил копию надписи на финикийском языке Эрнесту Ренану, который телеграммой подтвердил историческую ценность данной находки³¹, сразу принесшей Осману Хамди бее известность в научных кругах. Итоги археологических раскопок в Сидоне были подведены в совместном труде Османа Хамди бее и французского археолога Теодора Рейнаха³².

Однако значительно расширившаяся коллекция музея потребовала строительства нового здания. Для этого Осман Хамди бей пригласил архитектора Александра Валлори, подготовившего сначала проект одноэтажного здания, но с высочайшего разрешения султана оно было выстроено двухэтажным. 13 июня 1891 г. торжественно открылась первая часть здания Имперского музея. Внешняя его сторона повторяла мотивы «Саркофага плачущих жен». Здание было оформлено не в восточном, а в европейском архитектурном стиле классицизма для того, чтобы оно не доминировало над Изразцовым павильоном дворца Топкапы, построенного в 1472 г. Сразу после открытия музея в нем были созданы библиотека, фотографическая лаборатория и реставрационная мастерская. Задуманный Османом Хамди беем музей, в первую очередь, планировался как исследовательский центр, поэтому особое внимание уделялось библиотеке, где были собраны научные труды и журналы на европейских языках³³. В 1903 и 1907 гг. к основному зданию музея добавились соответственно правое и левое крыло. Весь музейный комплекс был выстроен по проекту Александра Валлори, а строительство осуществлялось под контролем архитектора Белло и сына Османа Хамди бее, молодого османского архитектора Эдхем бее. Таким образом, благодаря стараниям Османа Хамди бее музей увеличил свою площадь до 9000 кв. м. Под руководством Османа Хамди бее и его помощника Халила бее оформлением залов музея и экспозиций занимались его сын, архитектор Эдхем бей, скульпторы Осган и Ихсан, сотрудники музея Макриди и Азиз бей³⁴.

Экспозиции обновленного музея и бесценные находки, представленные в них, были по достоинству оценены учеными из европейских стран. В качестве высшей награды за успешную научную и общественную деятельность три немецких университета в Бонне, Гейдельберге и Лейпциге, Оксфордский университет и Королевская Академия художеств присвоили Осману Хамди бейу звание *doctor honoris causa*. Многие европейские оппоненты первых лет его директорства как в самой Османской империи, так и в европейских странах отметили огромную роль Османа Хамди бейа как исследователя, успешного администратора и преподавателя. Будучи воспитанником эпохи Танзимата, реформ и отказа от всего традиционного и консервативного, Осман Хамди бей на протяжении всей своей жизни был противником деспотизма и свободолобивой личностью, так же как его отец и старший товарищ Мидхат паша.

Таким образом, благодаря честности, огромному терпению и силе воли, отличавших Османа Хамди бейа от других чиновников, ему удалось трансформировать восприятие мировых культурных ценностей в традиционном османском обществе на уровне как государственной власти, так и населения. Он внес неоценимый вклад в развитие и формирование нового османского общества, вобравшего в себя через восточное восприятие цивилизационной картины мира европейские ценности. Научные достижения Османа Хамди бейа стали отправной точкой в изучении археологии и развитии музееведения на Востоке.

Примечания

- ¹ *Mansel A.* Osman Hamdi Bey // *Belleten*. 1960. С. XXIV. Sayı 94. P. 291.
- ² *Ibid.* P. 292.
- ³ *Ibid.*
- ⁴ *Halil Edhem.* Elvahı Nakşıye Koleksiyonu. İstanbul, 1924. P. 23.
- ⁵ *Shaw Wendy M. K.* Osmanlı müzeciliği: müzeler, arkeoloji ve tarihin görselleştirilmesi. İstanbul, 2004. P. 124.
- ⁶ *Mansel A.* Op. cit. P. 292.
- ⁷ *Cezar M.* Sanatta Batı'ya açılış ve Osman Hamdi. İstanbul, 1995. P. 212.
- ⁸ *Lindau R.* Erzählungen eines Effendi. Berlin, 1896.
- ⁹ *Shaw Wendy M. K.* Op. cit. P. 124.

- ¹⁰ *Ethem Paşa*. Usûl-i Mi'mârî-i Osmani // L'architecture Ottoman. Constantinople, 1873.
- ¹¹ Hamdy bey et Viktor Marie de Launay : Les costumes populaires de la Turquie en 1873. Constantinople, 1873.
- ¹² *Mansel A.* Op. cit. P. 293.
- ¹³ *Ibid.* P. 294.
- ¹⁴ *Thevenot Jean de.* The Travels of Monsieur de Thevenot into the Le-vant. London, 1687.
- ¹⁵ *Shaw Wendy M. K.* Op. cit. P. 55.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 81.
- ¹⁷ *Dumont A.* Le Musee Sainte-Irene a Constantinople // Revue Archeologique. 1868. Vol. 18. P. 237—238.
- ¹⁸ *Eyice S.* Arkeoloji Müzesi ve Kuruluşu // Tanzimat'tan Cumhuriyete Türkiye Ansiklopedisi. İstanbul, 1985. P. 1598.
- ¹⁹ *Kuruloğlu F.* Osmanlı devleti'nde müzecilik // Tarih Okulu. 2010. Sayı 6. P. 50.
- ²⁰ *Dethier A. P.* Le Bosphore et Constantinople: description topographique et historique. Vienne, 1873.
- ²¹ *Çal H.* Osmanlı Devleti'nde Asar-ı Atika Nizamnameleri // Vakıflar Dergisi. 1997. XXVI. P. 393.
- ²² *Eyice S.* Op. cit. P. 1601.
- ²³ *Gerçek F.* Türk müzeciliği. Ankara, 1999. P. 108.
- ²⁴ *Hisar A.* Türk müzeciliği: yazılar. İstanbul, 2010. P. 113.
- ²⁵ *Reinach S.* Catalogue du Musee Imperial d'antiquites. Constantinople, 1882.
- ²⁶ *Ergin O.* İstanbul mektepleri ve ilim, terbiye, ve san'at müesseseleri dolayısıyla Türkiye maarif tarihi. İstanbul, 1977. P. 1124.
- ²⁷ *Ogan A.* Türk müzeciliğinin 100üncü yıldönümü : a historical survey of the Museum of Antiquities at Istanbul. İstanbul, 1947. P. 13.
- ²⁸ *Gerçek F.* Op. cit. P. 115.
- ²⁹ *Mansel A.* Op. cit. P. 295.
- ³⁰ *Reinach S.* Chroniques d'Orient : deuxième série, documents sur les fouilles et découvertes dans l'Orient hellénique de 1891 à 1895. Paris, 1896.
- ³¹ *Mansel A.* Op. cit. P. 296.
- ³² *Hamdi Bey O., Reinach T.* Une Necropole Royale a Sidon : fouilles de Hamdy Bey. Paris, 1892.
- ³³ *Kuruloğlu F.* Op. cit. P. 55.
- ³⁴ *Ibid.* P. 56.

Д. А. Смирнов

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛЕМИКИ ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА В КРИТИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В системе представлений об обществе у немецкого мыслителя Вальтера Беньямина (1892—1940) одно из важнейших мест занимает концепция интеллигенции¹. Интеллигент у Беньямина — это критик, не согласный с существующим положением дел и детально обосновывающий свою позицию. Для интеллигента, имеющего свою точку зрения, отличную от мнения большинства, важно донести ее до общества, сделать частью общественного мнения, даже если она противоречит ему, но будет являться в этом случае тем, на что общество должно реагировать. Такое вовлечение в общественное сознание подразумевает не просто формальный учет отличающегося мнения, но активную коммуникацию, презентацию и обоснованность своего мнения. Из многообразия форм коммуникации Беньямин выбирает полемику; не монолог и не диалог, поскольку важно понимать, насколько вовлечены и увлечены его идеями; не дискуссию, поскольку она часто не предполагает однозначной победы над собеседниками; не дебаты, поскольку необходимо однозначно опровергнуть позицию противника. Именно полемика как форма коммуникации становится у Беньямина частью критического понимания интеллигенции, необходимой составляющей ее постоянной общественной деятельности.

© Смирнов Д. А., 2016

Смирнов Дмитрий Александрович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник НИИ интеллигентоведения, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. d-smirnov@mail.ru

Подготовлено в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI века: виртуальность и реальность».

Представление о полемике формировалось у Беньямина постепенно, и можно отметить, что лишь с ростом внимания к интеллектуалу, с появлением собственно проблемы интеллигенции как задачи научного поиска у мыслителя логично кристаллизуется и вопрос о форме коммуникации, которую выбирает интеллектуал для распространения своих идей.

В «тринадцати тезисах», характеризующих технику критика и представленных в «Улице с односторонним движением», изданной в 1928 г., Беньямин отвел полемике достойное место. Здесь полемика — это часть активной деятельности критика, где он четко выражает свою позицию, ибо «кто не может принять чью-либо сторону, тот должен молчать»². Неизбежность определенных жертв он дополняет мнением, что «“объективность” всегда нужно приносить в жертву партийному духу, если того стоит дело, ради которого сражаются»³. Тем самым внимание Беньямина к вопросам полемики в литературе и искусстве не снижало их значимости и для других социальных сфер.

Впрочем, для самого Беньямина политизация, политическая ангажированность означала не партийную программу или слепую готовность принять какую-либо из них, а критическое, практически ориентированное политическое сознание, способность понимать социальные отношения и угадывать нюансы возможных перемен в них. Об этом он скажет позже в одном из своих радиовыступлений⁴.

Безусловное принятие конкретной идеологии как определяющего фактора всей творческой и научной деятельности Беньямин считал неприемлемым. Тем самым она становилась причиной неискреннего отношения к программным идеям и установкам принятой партии, какими бы близкими они ни были интеллигенции. Идеология ограничивала бы его возможности для критики, и прежде всего для самокритики. Интеллектуал должен был выступать политически ангажированным субъектом с формальной точки зрения, но не содержательной. Вопрос отношения к содержанию оставался открытым, и определение отношения к нему протекало в форме полемики. «Принятие» одной из сторон полемики означало именно включенность в процесс, ангажированность самой полемикой.

Как отмечается в новейшей историографии, «его одинаково сдержанный, но частично резкий тон речи занимает уведомительное литературно-политическое положение: между заострявшими внимание описаниями предметов и интеллектуальной саморефлексией, с одной стороны, богатой содержанием полемикой размежевания, с другой стороны, такая критика создает в жесте, стиле и форме альтернативу призыву и манифесту»⁵.

Спустя несколько лет после «Улицы с односторонним движением», в 1930 г., размышляя о задачах задуманного журнала «Krisis und Kritik» («Кризис и критика»), Бенъямин предлагал по сути практические формы реализации такого инструмента полемики. В подготовленном меморандуме к журналу мыслитель писал: «Он имеет политический характер. Это должно означать, что его критическая деятельность заключается в укреплении ясного понимания общей критической ситуации в сегодняшнем обществе. Журнал стоит на почве классово-борьбы. Но при этом всё же он не имеет какого-то партийно-политического характера. В особенности он не представляет собой пролетарский листок, какой-либо орган пролетариата. Напротив, до сих пор пусто место органа, в котором буржуазная интеллигенция дает отчет своим требованиям и воззрениям, в котором при сегодняшних обстоятельствах единственно только и возможна решительная и плодотворная активность в противоположность обычной — произвольной и бесплодной»⁶.

Такие задачи, определяемые для нового журнала, близки характеристике критики, представленной в «Улице с односторонним движением». Критика, по мысли Бенъямина, основана на морали, а потому должна высказываться в полемике открыто и определенно. Она проявляет себя не в стремлении завладеть умами масс, но в борьбе с другими мнениями, поскольку «высшая инстанция для критика — его коллеги», а массы и потомки только «или забывают, или прославляют»⁷. Для них достаточно мнения критика: «Публика всегда должна знать, что она неправa, но всегда чувствовать, что критик — ее представитель»⁸.

Важным положением концепции Бенъямина стало и то, что полемика интеллектуалов, по утверждению мыслителя, постоянно проходит в деструктивном ключе. Poleмика означает для Бенъямина «уничтожение книги с помощью нескольких фраз

из нее»: «Чем меньше изучаешь ее, тем лучше. Только тот, кто способен уничтожить, может критиковать»⁹. Создавая живописную картину полемики, Беньямин предложил метафору полемиста в образе каннибала: «Настоящая полемика принимается за книгу с такой же нежностью, как каннибал — за младенца»¹⁰.

Как критик относится к книге, точно так же интеллектуал со своим «деструктивным характером», предложенным Беньямином в одном из очерков серии «Мыслительные образы», опубликованном осенью 1931 г., приступает к разбору любого мнения. Именно вступая в полемику с коллегами «как высшей инстанцией», интеллектуал нацеливается на ниспровержение застоявшихся традиций и их разрушение: «Деструктивный характер не видит ничего продолжительного. Но именно поэтому он везде видит пути. Где другие наталкиваются на стены и горы, и там он видит путь. Однако потому, что он везде видит путь, он везде должен и очищать путь. Не всегда с грубой силой, иногда благородно. Потому, что он везде видит пути, он себя самого ставит всегда на перекресток. Ни один момент не может знать, что принесет следующий. Он превращает существующее в развалины не ради развалин, но ради пути, который проходит через них»¹¹.

На пути к формированию «мыслительного образа» деструктивного характера Беньямин на опыте раскрыл и представил в одном из своих эссе весной 1931 г. яркий образ полемиста в интеллектуальном пространстве европейского города начала XX в. Им стал для него Карл Краус, известный австрийский журналист и публицист, а по резонансу своих статей и редактируемых изданий даже общественный деятель. Полемист Краус был близок фланеру Беньямину, поскольку своими работами оставлял широкий простор для размышлений, разрушал возникающие границы и стремился проникнуть в глубины человеческого мышления, личностного или общественного сознания. При этом формы мастерства у Крауса были столь же оригинальны, как у Беньямина, и часто приводили его оппонентов в замешательство своей полемической мощью.

Исследователи также обращают внимание на близость у Беньямина размышлений о Краусе и о «деструктивном характере». По мнению Сюзан Зонтаг, в обеих работах обнаруживает себя «последний интеллектуал перед последним судилищем»

в облике «сатурновского героя современной культуры со своими руинами, своими вызывающими видениями, грезами наяву, беспросветным унынием и опущенным взглядом», который «пытается донести мысль, что будет отстаивать множество “позиций” и до конца защищать жизнь духа всеми праведными и бесчеловечными средствами, какие у него есть»¹².

Беньямин неоднократно в своих работах обращался к интеллектуальному опыту своего современника. Уже на страницах «Улицы с односторонним движением» Краус предстает в образе воина в отрывке «Памятник воинам». Это показательно в отношении темы полемики уже потому, что собственно слово «полемика» пришло в современные европейские языки из древнегреческого, где означало сугубо военное противостояние, вражду, борьбу за утверждение одной из сторон. Полемист у Беньямина настроен именно на это: беспощадно утверждать свой взгляд, но не убеждать или соглашаться. Краус в образе воина идет только к этому: «В древних доспехах, яростно оскалившись, словно китайский идол, с обнаженными мечами в обеих руках, он отплясывает боевой танец перед гробницей немецкого языка»¹³. Беньямин ярко представил и тактику Крауса в образе воина: «Кто ему попадется, тот уже осужден: само имя его в этих устах звучит как приговор. Когда он раскрывает рот, из него пышет бесцветное пламя остроумия. Никому из тех, кто ходит тропами жизни, не стоит с ним сталкиваться. На архаическом поле брани, гигантском ристалище чести и кровавого труда, он беснуется перед покинутым надгробием. После смерти ему последнему будут возданы неизмеримые почести»¹⁴.

Интересно, что в 1928 г., когда Беньямин представил этот образ Крауса на страницах «Улицы с односторонним движением», он был не одинок в том, что увидел его как мастера полемики. Поскольку Альфред Керр, известный немецкий публицист и критик того времени, опубликовал в том же году свое стихотворение «Полемист» и фактически адресовал его Карлу Краусу, дополнив комментарием, что его герой выглядит «прямотаки краусообразно»¹⁵.

Орудиями Крауса в полемике были цитаты, с помощью их он ниспровергал чужие мнения, разрушал позиции противников. Именно они помогали сказать больше, чем любая попытка

реконструкции другого мнения в борьбе с чужим. В этом Беньямин видел близость и своим подходам к борьбе. Деструкция, предложенная им, как раз достигается точностью и уместностью цитаты. Знакомящиеся с ней способны увидеть тогда максимум скрытых сторон ее автора. Позже точно так же Беньямин будет рассматривать идеалом для текста книгу из цитат. Таким своеобразным прототипом для него становился издаваемый Краусом «со свободной периодичностью» журнал «Факел», в котором с помощью точного воспроизведения публицист стремился показать различные стороны жизни Вены и сохранить это в цитатах. Анализируя этот метод Крауса, Ольга Федянина обращает внимание на такой аспект: «Чем ближе разглядываешь слово, тем более отстраненно оно глядит в ответ». Это означает, по ее мнению, стремление Крауса «долго, подробно, неутомимо разглядывать все детали конструкции фразы» так, что «в конце концов оказывалось достаточно просто повторить ее, уже без всякого комментария»¹⁶. Именно цитаты, фразы становились у Крауса, как отмечал Беньямин, «товарными знаками, наделяющими мысль способностью перевертываться, подобно тому, как завитки, ставшие орнаментом, придают ему ценность в глазах дилетанта. Но именно поэтому освобождение языка и стало тождественно освобождению фразы — ее превращению из отображения чего-то в орудие производства»¹⁷.

Цитирование как форма полемики, по мнению Ханны Арендт, создавало для Беньямина также «новые пути к прошлому»: «По Беньямину, — примером ему тут служил Краус, — эта новая роль цитат порождена глубочайшим разочарованием. Но разочарованием не в прошлом, которое-де “не проливает больше свет на будущее” и обрекает человеческий разум на “блуждания во тьме”, как это было у Токвиля, а разочарованием в настоящем и тягой к его разрушению. Поэтому сила цитат для Беньямина — “в их способности не сохранить, а, наоборот, отряхнуть прах, вырвать из контекста, разрушить”... Разрушительная мощь цитаты — “последняя надежда сохранить от прошлого времени хотя бы что-то, сохранить единственным способом: вырвав силой”»¹⁸.

Как подчеркивал Беньямин, для полемиста «процитировать означает назвать всё своими именами»: «Поэтому достижения

Крауса на своей вершине исчерпываются тем, что он делает газету пригодной для цитирования. Он переносит ее в свое пространство и тотчас фразеология должна понять: даже зарывшись в глубокий ил на дне журнала, она не спрячется от ударов голоса, он слетит туда, вниз, на крыльях слова, чтобы вытащить фразу из ночной тьмы, в которой она затаилась»¹⁹. По мнению Сюзан Зонтаг, «эссе о Краусе — самая пылкая и противоречивая речь Беньямина в защиту духовной реальности», в которой «моральная обязанность современного писателя — быть не творцом, а ниспровергателем, ниспровергателем давно выхолощенных сущностей, убаюкивающих представлений о человеческом, дилетантских поделок и пустых фраз»²⁰. Впрочем, исследование творчества Крауса предоставило широкие возможности для обоснования Беньямином собственной концепции полемики.

Вооружившись цитированием, Краус воссоздает картину Вены по журнальным и газетным заголовкам. Именно их он аналитически деструктурирует, показывая всю брэнность и ничтожность мира журналистики, его лицемерие и продажность. Причем делает это по собственной, сформулированной еще в 1908 г., в самом начале своей карьеры, методе «вывернутого наизнанку образа жизни»: «Я сплю днем. А просыпаясь, раскладываю перед собою весь бумажный позор человечества, дабы узнать, что я пропустил, и чувствую себя счастливым. Глупость подымается рано, поэтому события имеют обыкновение происходить в первой половине дня... Мир стал уродливее с тех пор, как он ежедневно смотрится в зеркало, поэтому ограничимся отражением и воздержимся от разглядывания оригинала. Потерять веру в действительность, которая выглядит так, как ее описывают газеты, — это возвышает человека. Тот, кто проспал половину дня, выиграл половину жизни. Все более или менее крупные глупости происходят до полудня: человек должен просыпаться лишь тогда, когда рабочие часы учреждений подходят к концу... Зато ночью во всех сферах общественной деятельности царит покой. Ничто не шелохнется. Ничего нового... Глупость спит — и тут я приступаю к работе. Издали доносится звук, напоминающий шум печатных станков: глупость храпит. А я втираюсь к ней в доверие и из убийственного намерения извлекаю еще и удовольствие. Когда на восточном горизонте культуры появляется первый утренний

выпуск, я иду спать... Такие вот преимущества вывернутого наизнанку образа жизни»²¹.

В отношении такого постоянного желания ниспровергать в полемике обладателей незаслуженных наград, особенно добытых благодаря игре на чувствах и эмоциях масс, чем особенно грешили журналисты, Беньямин отмечал в созвучии с тезисами о «технике критика»: «Уже сами слова “общественное мнение” внушают Краусу отвращение. Мнение — вещь сугубо личная. Общественности интересны только суждения. Она судит и осуждает, в противном случае это не общественность. Но ведь смысл общественного мнения, создаваемого прессой, как раз в том и состоит, чтобы лишить общественность способности судить и, напротив, навязать ей позицию безответственной, неинформированной массы»²². Тем самым, как считает Александр Хонольд, Беньямин «воплотил в Краусе иллюстративный пример, который временно, но непревзойденно осуществил требуемую политизацию городской интеллигенции, да и почти ее переход в воинствующую»²³. При этом, по мнению Хонольда, «то, что Беньямин перенес свои исследования политизации интеллектуала прямо на произведения и персону Карла Крауса, оказывается ввиду его собственного развития ни в коем случае не произвольным; Краус богато представлял исходные пункты отмеченного Беньямином “реального гуманизма”»²⁴.

Они четко просматриваются в описанных Беньямином положениях изучаемого примера полемики: «Триада “молчание — знание — присутствие духа” составляет фигуру Крауса-полемиста. Его молчание — это плотина, за которой простерлась зеркальная гладь над глубинами его знания. Присутствие духа не подлежит обсуждению — он никогда не соглашается следовать принципам, которые предлагает кто-то другой. Напротив, важнее всего для него разобраться на составные элементы ситуацию, открыть истинный вопрос, заключенный в ней, и предложить его, вместо ответа, противнику»²⁵. Именно это воспринял для себя и сам Беньямин, по мнению Хонольда, «расположившись в качестве критика полностью на линии, начатой Краусом и в стилизованном одиночестве доведенной до конца борьбы»²⁶.

Беньямин обращал внимание на то, как Краус предлагал с помощью цитирования «препарировать» в открытой полемике

общественных деятелей и политиков, ни в коем случае не позволяя разделять частное и общественное: «С какой бы решимостью ни выносил Краус свою жизнь на публичное обозрение, если то было необходимо для борьбы, — он с самого начала столь же безоглядно выступал против того, чтобы разграничивать критику личного характера и критику по существу дела. Причина в том, что подобное разграничение дискредитирует полемику и в условиях нашей литературной и политической реальности представляет собой главный инструмент коррупции. Краус уделяет гораздо больше внимания самим личностям, тому, кто они, его противники, и не слишком интересуется тем, что они делают, что говорят и что пишут, и уж меньше всего — их книгами. Такой подход — важнейшее условие его авторитетности как полемиста, который умеет выявить духовный мир того или иного автора, и чем мир этот ничтожнее, тем увереннее, тем более полагаясь на поистине предопределенную, всепримиряющую гармонию, он раскрывает этот мир, опираясь на единственный фрагмент какой-нибудь фразы, на единственное слово и даже интонацию»²⁷.

В своем фрагменте «Фальшивая критика», написанном примерно в одно время с эссе о Краусе, Беньямин особо отмечал, также обращаясь к его творчеству, что «условие его полемического мастерства» в том, что он «меньше направлен на персон», поскольку «ему то, что они есть, важнее того, что они делают, а то, что они говорят, важнее того, что они пишут». И если, продолжает Беньямин, «полемист использует свою персону, то Краус идет дальше»: «Он приносит в жертву свою персону». Поэтому для Беньямина Краус предстает в «образе единственного хранителя полемической силы и полемической техники в данное время»²⁸.

Ставшие афоризмами мысли Крауса о связи частного и публичного, подобные тому, что «плохо подавленная сексуальность привела в расстройство не один домашний бюджет, а хорошо подавленная — мировой порядок» или же «воздержание не проходит бесследно: у одних появляются прыщи, у других — законы об охране нравственности», ярко подтверждают идеи Беньямина о методологических исходных Крауса в полемике.

Благодаря цитированию важным элементом полемического приема Крауса, как собственно и частью утверждения интеллигенции в полемике, должна быть, по мнению Беньямина, установка «никогда не высказывать определенного мнения»: «Ибо мнение — это обманчивая субъективность, которую можно отделить от личности, ввести в процесс товарооборота. Краус никогда не проводил аргументов, если не был привержен им всюю своей личностью. И потому он воплощает загадку авторитета никогда не разочаровывать... Авторитетная личность абсолютно неуязвима для всего, чего другие остерегаются: собственного произвола, несправедливости, непоследовательности... Авторитет вечно испытывает трепет перед самим собой и никогда перед другими»²⁹. Это еще раз подтверждало именно формальное, но не содержательное принятие одной из сторон полемики.

В своих размышлениях о Краусе Беньямин идет дальше и полагает, что тот не только разрушает, но через деструкцию противника преодолевает свои собственные слабые места, что позволяет характеризовать его полемические приемы как саморазоблачение: «Его полемическое мастерство с давних пор представляет собой теснейшее переплетение техники разоблачений, использующей самые передовые методы, и искусства самовыражения, оперирующего средствами архаическими. Но и в этой области демон заявляет о себе и заявляет двусмысленно: самовыражение и разоблачение благодаря двусмысленности совмещаются и становятся саморазоблачением»³⁰.

Особое место в представлениях Вальтера Беньямина об интеллигенции заняла концепция полемики. Именно полемика как инструмент коммуникации и утверждения мнения позволяла интеллигенту, интеллектуалу выражать свое критическое отношение к различным явлениям общественной жизни и отстаивать свое мнение. Poleмика демонстрировала для коллег интеллектуала его конкретную политическую ангажированность, отражающую глубокую вовлеченность в политический процесс и формальное принятие определенной партийной стороны. Poleмика протекала в деструктивном русле, однозначно разрушая противоположные мнения и открывая пространство для собственной точки зрения. Poleмист у Беньямина, словно воин, настроен именно на это: беспощадно утверждать свой взгляд,

но не убеждать или соглашаться. Яркий образ интеллектуала-полемиста, соответствовавший положениям концепции полемики, нашел у Беньямина отражение в его работах, посвященных известному австрийскому журналисту и публицисту Карлу Краусу. Исследование творчества Крауса в целом комплексе посвященных ему работ создало для Беньямина широкое пространство для обоснования собственной концепции полемики.

Примечания

- ¹ Подробнее представления Беньямина об обществе и интеллигенции см.: *Смирнов Д. А.* Критика как метод жить и думать : Вальтер Беньямин в европейском интеллектуальном пространстве 1920—1930-х гг. Иваново, 2011 ; *Смирнов Д. А.* Сомнение как социальная позиция и научный принцип современного интеллектуала // Интеллигенция и мир. 2011. № 4.
- ² *Беньямин В.* Улица с односторонним движением. М., 2012. С. 49.
- ³ Там же.
- ⁴ *Benjamin W.* Gespräch mit Ernst Schoen // Benjamin W. Gesammelte Schriften : in 7 Bänden. Frankfurt am Main, 1972—1989. Bd. 4. S. 549.
- ⁵ *Kambas Ch.* Positionierung des Linksintellektuellen im Exil // Benjamin-Handbuch : Leben-Werk-Wirkung / Hrsg. von B. Lindner. Stuttgart, 2006. S. 421.
- ⁶ *Benjamin W.* Memorandum zu der Zeitschrift «Krisis und Kritik» // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. 6. S. 619.
- ⁷ *Беньямин В.* Указ. соч. С. 49.
- ⁸ Там же. С. 50.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Benjamin W.* Der destruktive Charakter // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. 4. S. 398.
- ¹² *Зонтаг С.* Под знаком Сатурна // Зонтаг С. Мысль как страсть : избр. эссе 1960—70-х годов. М., 1997. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%97/zontag-sjyuzen/izbrannie-esse-1960-70-h-godov/3> (дата обращения: 20.02.2016).
- ¹³ *Беньямин В.* Указ. соч. С. 69.
- ¹⁴ Там же. С. 70.
- ¹⁵ *Kerr A.* Der Polemist // Noch mehr. 2008. Oktober. S. 42.

- ¹⁶ *Федянина О.* Журнал одного журналиста. URL: <http://archives.colta.ru/docs/21834> (дата обращения: 20.02.2016).
- ¹⁷ *Беньямин В.* Карл Краус // Беньямин В. Маски времени. СПб., 2004. С. 317.
- ¹⁸ *Арендт Х.* Вальтер Беньямин // Иностранная литература. 1997. № 12. С. 179.
- ¹⁹ *Беньямин В.* Карл Краус. С. 352.
- ²⁰ *Зонтаг С.* Мысль как страсть.
- ²¹ *Краус К.* Похвала вывернутому наизнанку образу жизни / пер. О. Федяниной. URL: <http://archives.colta.ru/docs/21840> (дата обращения: 20.02.2016).
- ²² *Беньямин В.* Карл Краус. С. 313—314.
- ²³ *Hopold A.* Karl Kraus // Benjamin-Handbuch : Leben-Werk-Wirkung. S. 523.
- ²⁴ *Ibid.* S. 525.
- ²⁵ *Беньямин В.* Карл Краус. С. 319.
- ²⁶ *Hopold A.* Op. cit. S. 526.
- ²⁷ *Беньямин В.* Карл Краус. С. 325.
- ²⁸ *Benjamin W.* Falsche Kritik // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. 6. S. 175.
- ²⁹ *Беньямин В.* Карл Краус. С. 326.
- ³⁰ Там же. С. 329.

ББК 63.3(2)634-283.2

С. С. Наумов

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СИБИРСКОГО ГОРОДА
И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
В 1985—1991 ГОДАХ
(На примере деятельности
Советского фонда культуры)**

Во второй половине 1980-х гг. политика перестройки и гласности серьезно повлияла на изучение историко-культурного наследия крупных городских центров. Получив в условиях советской демократизации новый стимул для развития, историко-краеведческое сообщество значительно расширило поле деятельности, в результате чего возникла необходимость дальнейшей консолидации групп научной и творческой интеллигенции. Во многом опорой этого движения стали общественные культурно-просветительные организации.

Этот период совпал с возрастанием интереса ученых к проблемам корпоративных сообществ, объединений, непосредственно направляющих процессы сохранения и трансляции социальной памяти. В рамках «мемориального поворота» возникли качественно новые формы и способы актуализации проблематики памяти. Исследователь исторической памяти О. Б. Леонтьева

© Наумов С. С., 2016

Наумов Сергей Сергеевич — аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. naumov_s_s@mail.ru

так описывает данный этап развития исторической науки: «Изучение исторической памяти в современном научном сообществе стало полем сотрудничества представителей многих гуманитарных дисциплин, над ним успешно работают не только историки, но и социологи, политологи, психологи, культурологи, антропологи; этот список можно продолжить»¹.

Если же рассматривать в таком ракурсе деятельность гуманитарной интеллигенции в целом, то список расширится значительно, поскольку используемый нами термин «интеллигенция» допускает возможность выйти за рамки анализа сугубо инициатив научного сообщества.

Большую роль в деле сплочения разрозненных сил интеллигенции и создания крупного общественного объединения по вопросам сохранения историко-культурного наследия и трансляции исторической памяти сыграли отделения Советского фонда культуры (далее СФК), созданного в 1986 г. по инициативе академика Д. С. Лихачева.

Основой источниковой базы при изучении деятельности СФК в Омске и Новосибирске стала делопроизводственная документация региональных отделений: документы, хранящиеся в фондах Исторического архива Омской области и Государственного архива Новосибирской области. Задействованы такие материалы делопроизводства, как: протоколы, планы работы, отчеты, доклады, записки, справки. Сведения, выявленные при работе с данными материалами, позволяют определить характер и специфику деятельности общественных культурно-просветительных организаций в Омске и Новосибирске в годы перестройки.

В Омске отделение СФК было организовано в декабре 1987 г., а в начале 1988 г. при нем был создан совет «Краеведение», первое заседание которого состоялось 11 февраля 1988 г. в здании Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. На нем присутствовали видные представители омской вузовской науки, работники культурных учреждений и общественные деятели: председатель Омского отделения фонда профессор Н. А. Томилов, руководитель совета профессор В. И. Матюшенко, археолог, преподаватель ОмГУ А. И. Петров, преподаватели ОГПИ им. А. М. Горького Б. А. Конилов, Г. И. Кутузова, Э. Г. Шик, заведующий архивным отделом

Омского облисполкома В. И. Антощенко, секретарь президиума областного Совета общества охраны природы В. А. Демидович, руководитель областного Совета по туризму Г. Ф. Челябинов, музейные работники: директор ОГИК музея Ю. А. Макаров, заместитель директора музея Т. М. Назарцева, ученый секретарь Г. И. Сороколетова и др. Заседание было посвящено обсуждению основных направлений работы и поручений членам совета. Н. А. Томилов предложил принять основные принципы будущей работы совета «Краеведение»: историческое направление, литературное, естественнонаучное краеведение, музееведение и туризм. В. И. Матющенко в своем докладе обозначил задачи, определив в качестве главной — объединение сил краеведов области через создание краеведческих групп. «Он также отметил, что совету необходимо взять на себя обобщение опыта работы по краеведению, способствовать распространению краеведческих знаний. Одной из форм работы совета должны были стать краеведческие конференции»². А. И. Петров выразил мысль о том, что одним из ведущих направлений деятельности совета должна стать пропаганда краеведческих знаний в СМИ. Эту идею поддержали Г. И. Кутузова и Ф. И. Новиков, заметившие, что в своей деятельности совету необходимо проводить работу среди студенческой молодежи и школьников, инициировать издание новых краеведческих трудов. Н. С. Фалькович обратил внимание членов совета на необходимость охраны и изучения церковных зданий в городе, а также высказал предложения организовать в бывшем здании ЗСОИРГО (Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества) по адресу ул. Музейная, 3 экспозиционный зал, создать музей спорта в Омском институте физической культуры, музей туризма в будущем здании Дворца молодежи, музей под открытым небом в поселке Чернолучье. В. А. Демидович и В. И. Антощенко в своих выступлениях также обратили внимание на то, что совет должен играть ключевую роль в привлечении внимания к охране и восстановлению движимых и недвижимых памятников историко-культурного наследия. В ходе заседания все выступавшие отметили необходимость активизации работы совета и готовность к сотрудничеству, направленному на сохранение и возрождение историко-культурного наследия.

В дальнейшем сфера деятельности совета «Краеведение» расширилась. На базе Омского историко-краеведческого музея начал работать лекторий. Лекции было решено проводить раз в месяц. Цикл лекций открыл В. И. Матющенко, выступив с темой «Древняя история Омского Прииртышья». Были прочитаны лекции: «Наш край в период средневековья» (канд. ист. наук Б. А. Конигов), «Омск. Колчак. Демократическая контрреволюция» (канд. ист. наук А. В. Минжуренко), лекции о возникновении сел — П. Т. Сигутов, по литературному краеведению — Э. Г. Шик, об областных туристических маршрутах — Н. С. Фалькович. Публичные лекции 1989—1990 гг. привлекли внимание преподавателей школ, студентов вузов, омичей, интересующихся историей края. В мае 1990 г. было объявлено о том, что лекторий уходит на каникулы, но позднее чтение лекций не возобновилось. Важно отметить, что привлечение энтузиастов в дело распространения исторических знаний стало главной идеей в среде гуманитарной интеллигенции Омска.

Основная роль совета «Краеведение» в перестроечный период деятельности Омского отделения Фонда культуры состояла в том, что вопросами краеведения занялись представители академической и вузовской науки, а также произошла консолидация краеведческих сил региона.

Новые, продуктивные формы работы задействовали и другие советы Омского отделения СФК. В течение 1989 г. ими были инициированы такие научно-культурные мероприятия, как: научно-практическая конференция по истории краеведения «Памятники истории и культуры г. Омска и Омской области» (проведена на базе Пединститута «Советом краеведения» совместно с управлением культуры г. Омска), краеведческие чтения по плану совета краеведения, экспедиция (совместно с Областным музеем изобразительных искусств) в Усть-Ишимский район «по поиску предметов материальной культуры прошлого и передаче экспедиционных материалов на хранение музею изобразительных искусств»³. Омское отделение также оказало содействие в организации «экспедиции юных краеведов» в Тюкалинский район Омской области. Совместно с рядом других организаций правление отделения СФК приняло участие в подготовке и проведении Всесоюзного слета «юных карбышевцев».

Совет «Культурное наследие и современность» в течение 1989 г. осуществлял работу по изучению исторической топонимики г. Омска.

В 1990 г. при активном участии Омского отделения СФК была проведена (совместно с обкомом КПСС, Омским государственным университетом, Педагогическим институтом им. А. М. Горького) научно-практическая конференция «Национальные и социально-культурные процессы в СССР», подведены итоги конкурса на лучшую публикацию по проблемам культуры (совместно с правлением Омской организации Союза журналистов). Также был проведен фестиваль, посвященный 150-летию со дня рождения П. И. Чайковского (совместно с управлением культуры и музыкальным обществом), при участии артистов Музыкального театра и Дома актера им. Н. Д. Чонишвили прошел благотворительный вечер в честь юбилея со дня рождения композитора. Вместе с артистами областной филармонии был проведен вечер, посвященный 50-летию Омской филармонии. Отделение фонда культуры приняло участие в организации татарского и казахского праздников (Тевризский район)⁴.

В период с 1988 по 1991 г. в Омское отделение фонда культуры поступило 55 произведений живописи и графики, 2 иконы, старопечатная книга и Свод законов Российской империи, которые хранились в помещении фонда или в соответствии с волей дарителя передавались детскому дому, музею ИЗО, музею археологии и этнографии ОмГУ, Омско-Тарской епархии. Каждое дарение принималось с непосредственным участием членов комиссии фонда по приему дарений, общественности и СМИ. Все поступающие в фонд культуры дарения заносились в «Единую книгу учета дарений»⁵.

К началу 1991 г. члены областного совета фонда были заняты подготовкой конференции, посвященной 275-летию Омска, которая состоялась 19—20 июня. В это время значительные усилия представителей омской интеллигенции были направлены на проведение научно-практических конференций. Связано это было с тем, что в условиях наступившего кризиса государственные учреждения прекратили финансирование краеведческих конференций. Эту нишу заняли советы Омского отделения

СФК. Организация конференций силами общественности способствовала усилению интереса омичей к местной истории, привлечению внимания к проблемам сохранения и изучения материальных памятников истории и культуры. Значительная часть этих мероприятий продолжала осуществляться и в дальнейшем: конференции, посвященные 150-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева (1992 г.) и 400-летию г. Тара (1994 г.), а также изучению исторических и архитектурных памятников (1993, 1995 гг.).

Среди значительных инициатив интеллигенции г. Омска можно выделить сбор средств «на увековечивание памяти омичей — защитников родины, погибших в 1942 году на Калининской земле»⁶. Обращение президиума правления фонда, совета «Память» и совета ветеранов 75-й Гвардейской бригады по увековечиванию памяти сибиряков, павших в боях за Родину под г. Белый, было реализовано совместно с другими сибирскими отделениями Фонда культуры — Новосибирским, Томским, Кемеровским, Красноярским, Алтайским. Также Омское отделение в вопросе сбора средств на сооружение памятника установило контакт (рассчитывая на помощь) с членами Совета ветеранов войны и Омским отделением Фонда Мира. Стоит добавить, что «мемориальный комплекс всем сибирякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны, сооруженный и торжественно открытый 14 августа 1996 года под городом Белый в Тверской области, — одна из наиболее ярких страниц в возрождении исторической памяти, духовности и высокой нравственности»⁷.

В архивных документах Омского филиала Фонда культуры нам удалось найти сведения, говорящие о том, что с конца 1980-х гг. была развернута деятельность по пропаганде творческого наследия многих недооцененных по заслугам земляков. В 1989 г. президиум правления Омского областного отделения СФК способствовал сохранению и популяризации творческого наследия омского художника Н. Я. Третьякова, приобретя у вдовы живописца, преподавателя ОГПИ им. А. М. Горького И. В. Захаровой две картины — «Мой дворик» и «Вспоминания о прошлом» («Старый Алтай»). Омским отделением Советского фонда культуры были также предприняты инициативы по увековечиванию памяти выдающихся омичей: установка

памятных знаков географам-путешественникам Г. Н. Потанину и М. В. Певцову, ученому и общественному деятелю Н. М. Ядринцеву, композитору В. Я. Шебалину, поэту Л. Н. Мартынову. Часть этих предложений была воплощена в жизнь уже в первой половине 1990-х гг.

Важнейшим событием, связанным с деятельностью Омского отделения СФК совместно с Омским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, стало восстановление по инициативе М. М. Хахаева и И. Л. Коновалова Тарских ворот (разрушенных в 1959 г.) — одного из самых значительных «малых» памятников Второй Омской крепости. Это событие стало своеобразным символом возрождения историко-культурного наследия Омска на рубеже 80—90-х гг. XX в. Позднее, уже во второй половине 1990-х гг., последовало инициированное в 1990—1991 гг. воссоздание культовых зданий — Серафимо-Алексеевской (1994) и Иверской (1998) часовен.

Материалы Омского отделения Советского фонда культуры позволяют нам утверждать, что наиболее масштабным событием, безусловно, стала реализация проекта по празднованию 170-летия со дня рождения Ф. М. Достоевского, а также создание и установка памятника писателю в Омске. Для воплощения этого начинания в жизнь в рамках Омского отделения был создан специальный совет, получивший название «Достоевский и Сибирь». В документах, подводящих итог деятельности областного отделения за 1988 г., встречается такая характеристика: «Советом “Достоевский и Сибирь” разработан перспективный план работы по подготовке к 170-летию Ф. М. Достоевского (1991 г.), предложения совета переданы управлению культуры для учета при составлении общей программы подготовки к юбилею писателя. Совету в соответствии с разработанным планом предстоит подготовка научной конференции, обеспечение разработки эскизов юбилейной медали (совместно с худфондом) и других мероприятий, связанных с творчеством Достоевского и его пребыванием в Омском остроге»⁸.

Таким образом, создание в 1987 г. Омского отделения Советского фонда культуры стимулировало процесс консолидации групп интеллигенции, занимавшихся проблемами приумножения

и сохранения историко-культурного наследия, трансляции коллективной исторической памяти.

Работа Новосибирского отделения Советского фонда культуры шла в схожем направлении, но отличалась своей ориентированностью на главное юбилейное событие жизни города тех лет — грядущее 100-летие Новосибирска. В 1987 г. состоялся пленум Новосибирского отделения фонда культуры, определивший основные направления работы. Была утверждена программа на ближайшие годы, образованы советы, комиссии и экспертные группы. Были созданы: научный совет по изучению культуры Сибири (председатель — д-р ист. наук, профессор В. Л. Соскин), комиссия по краеведению (председатель — канд. ист. наук О. Н. Шелегина), фольклорно-этнографическая комиссия (проф. М. Н. Мельников), комиссия по содействию одаренной молодежи (проректор Новосибирской консерватории Б. А. Шиндин), экспертная группа по архивным материалам (директор архива Новосибирской области Р. К. Суханова), информационно-пропагандистская комиссия (зам. председателя Новосибирского телерадиокомитета А. С. Зайков), благотворительный совет (М. В. Титова) и др. Председателем совета Новосибирского отделения СФК стал ректор Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки профессор Е. Г. Гуренко. В первый год существования отделения работа была направлена на взаимодействие с государственными, общественными организациями, творческими союзами, установление контактов с органами средств массовой информации (газеты «Советская Сибирь», «Вечерний Новосибирск», «Молодость Сибири», радио и телевидение), привлечение актива городской интеллигенции для работы в советах, комиссиях, любительских клубах⁹.

В 1988 г. была принята программа по «разработке и осуществлению празднования 100-летия г. Новосибирска». Согласно этой программе было решено оказать помощь государственным учреждениям в деле сохранения памятников историко-культурного наследия. Новосибирское отделение СФК содействовало возведению памятной стелы «Здесь начинался г. Новосибирск», осуществлению реконструкции Дома Ленина, сквера Героев революции, собора Александра Невского, здания

Новосибирского государственного академического театра оперы и балета. Активистами отделения фонда культуры предпринимались шаги по созданию в Новосибирске памятника основателю города — Н. Г. Гарину-Михайловскому, героям революционного движения и подполья Д. Ковальчук и семье Шамшиных, изобретателю Ю. В. Кондратюку. Звучали предложения о создании в Академгородке г. Новосибирска памятника академику М. А. Лаврентьеву и «Аллеи ученых»¹⁰.

Научный совет по изучению истории культуры Сибири, в состав которого вошли сотрудники сектора истории культурного строительства ИИФиФ СО АН СССР и члены новосибирских творческих союзов, развернул масштабную деятельность по проведению конференции, которая бы способствовала выявлению и консолидации сил профессиональных деятелей культуры и исследователей — любителей искусства. В те дни на страницах газеты «Советская Сибирь» Е. Г. Гуренко и В. Л. Соскин писали: «Идея Фонда культуры как общественной организации требует вовлечения в любое его действие самых широких кругов населения. Именно поэтому мы решили в качестве первого шага осуществить конференцию “Художественная культура Сибири: опыт истории”». Провести ее было намечено 20—22 марта 1989 г. в Академгородке Новосибирска¹¹.

Необходимость привлечения большей части интеллигенции Новосибирска к работе культурно-просветительной организации подчеркивалась активистами фонда с самых первых его шагов: «Фонд будет лишь в том случае соответствовать своему назначению, если в его работе так или иначе будет участвовать большинство творческой интеллигенции города»¹².

В отличие от Омска, в деятельность новосибирских общественных культурно-просветительных организаций крупные ученые-гуманитарии были вовлечены в большей степени, по причине наличия в городе значительного количества научно-исследовательских и образовательных учреждений гуманитарного профиля. Поэтому серьезное внимание уделялось пропаганде культурно-просветительной работы и поощрению инициативы мастеров культурных и художественных коллективов. Упор в работе Новосибирского отделения делался на распространение специалистами информации о культурных традициях города

и его известных гражданах (в том числе об инженерах-строителях моста через р. Обь Г. М. Будагове и Н. М. Тихомирове — сподвижниках Н. Г. Гарина-Михайловского)¹³. Новосибирск, оказавшийся вписанным (в силу своего молодого для города возраста) в отечественную историю лишь в рамках XX в., остро нуждался в наличии исторических героев из прошлых эпох. В перестройку, когда в культурном пространстве сибирских городов усилилась практика проведения коммеморативных церемоний, эта особенность проявилась наиболее ярко.

К началу второго года функционирования в Новосибирске отделения СФК можно говорить о том, что данная культурно-просветительная организация сумела сплотить вокруг себя солидную группу городской интеллигенции, многие участники которой активно включились в работу, руководствуясь при этом соображениями энтузиазма и бескорыстного служения делу. Сыграло свою роль и то, что многие представители интеллигенции Новосибирска были недовольны состоянием дел в региональном отделении Всероссийского общества охраны памятников и потому возлагали на фонд культуры большие надежды. Однако, помимо всех положительных моментов, в работе и этой общественной организации существовали противоречия. На них стоит обратить внимание еще и потому, что в условиях наступления нового этапа развертывания перестройки и гласности эти противоречия играли немаловажную роль.

Раскрепощение интеллигенции и общества — тот самый процесс, который позволяет четко зафиксировать изменения риторики представителей региональных общественных организаций в годы перестройки. Демократизация жизни приводит к тому, что интеллигенция выступает с критикой деятельности управленцев различных рангов. Важным, безусловно, можно считать мнение доктора исторических наук, профессора, заведующего сектором истории советской культуры Института истории, филологии и философии СО АН СССР В. Л. Соскина. Так, он подверг критике выступление секретаря областного комитета КПСС в газете «Советская Сибирь» от 14 мая 1989 г. На состоявшемся 18 мая пленуме Новосибирского областного отделения фонда культуры В. Л. Соскин поделился своими впечатлениями об участии ученых и научных работников в деле формирования исторической

памяти: «Думается, однако, что говорить надо не об “огромном влиянии” (ученым не следует льстить), а, напротив, крайне слабым влиянии»¹⁴ (имелось в виду влияние на духовную жизнь общества. — С. Н.). Помимо этого, докладчик выразил мысль о необходимости организации в Новосибирске научного центра по изучению истории Сибири: «Нет подлинного центра изучения современных культурных процессов в рамках сибирской специфики... В Новосибирске — историческом центре Сибири — должен быть главный культуроведческий отдел или институт. Кадры найдутся, если о них позаботиться»¹⁵.

Дискуссия о формах и методах ведения краеведческой и сибиреведческой работы продолжалась и на протяжении последующих лет. 15 декабря 1989 г. состоялась конференция краеведов Новосибирской области. О. Н. Шелегина отметила, что инициатива по возрождению краеведческого движения принадлежит фонду культуры. Сотрудница Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук И. В. Павлова и кандидат архитектуры, член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры К. П. Зайцев высказали идею о необходимости создания краеведческого общества на базе краеведческого музея, а не фонда культуры, т. к. главной целью этого сообщества должна стать научная деятельность¹⁶. По решению президиума Новосибирского отделения вопрос должен был быть окончательно решен после проведения Всероссийского краеведческого форума в 1990 г.

В 1990—1991 гг. направления деятельности Новосибирского отделения фонда культуры стали еще конкретнее. Активизировалась работа по сохранению и трансляции исторической памяти, популяризации творчества деятелей культуры и искусства, внесших весомый вклад в развитие культуры Сибири (установка мемориальных досок, создание театральных музеев). Так, в Новосибирске появилась мемориальная доска Ю. В. Кондратюку, одному из основоположников советской космонавтики (открыта в марте 1991 г.). Был принят проект мемориальных досок ведущим деятелям культуры г. Новосибирска, народным артистам Е. Г. Агароновой и Н. Ф. Михайлову (средства на создание досок выделил Новосибирский отдел СФК).

Новосибирский фонд культуры оказывал содействие развитию национально-культурных объединений народов, населяющих Новосибирскую область. При участии НО СФК были созданы татарский, немецкий, украинский, польский, еврейские центры, объединение «Народный дом России». Профессор М. Н. Мельников, член президиума НО СФК, выступил с докладом «О развитии культурно-экологического движения народов, населяющих Новосибирскую область», в котором он отметил, что «демократические процессы, происходящие в стране, гласность вскрыли реально существующие противоречия в развитии межнациональных отношений»¹⁷. В июле 1991 г. представителями новосибирской научной и художественной интеллигенции было решено организовать при Новосибирском отделении СФК «Ассоциацию возрождения языка, фольклора и культуры народов Сибири и Дальнего Востока» во главе с А. Д. Соктоевым (член-корреспондент АН СССР). Эта инициатива фактически утвердила решения состоявшейся в марте 1989 г. в Новосибирске конференции «Художественная культура Сибири: опыт истории», в рамках которой этнографами и историками культуры обсуждались проблемы культурного развития коренных народов Сибири¹⁸.

Новосибирское отделение СФК оказало помощь областному архиву в формировании личных архивов, архивов учреждений культуры и искусства Новосибирска. На основании отчетов за 1990—1991 гг. можно убедиться в том, что значительное внимание в Новосибирске уделялось оказанию помощи одаренной молодежи, укреплению материальной базы учреждений культуры и искусства. Так, в 1990 г. была учреждена стипендия Новосибирского отделения фонда культуры (первым стипендиатом стал артист Новосибирского театра оперы и балета Д. Симкин). За 1988—1991 гг. президиум Новосибирского отделения СФК на поощрение юных талантов и укрепление материальной базы учреждений культуры выделил около 100 тыс. рублей¹⁹.

Несмотря на успешную реализацию многих инициатив, в 1991 г. и. о. заместителя председателя Новосибирского отделения СФК М. В. Титова в своем докладе отмечала: «Создание в Новосибирске (как и везде в стране) различных фондов — 100-летия города, “Возрождение культуры“, “Юные дарования”,

Объединенного совета творческих союзов, различных ассоциаций, связанных с развитием отдельных проблем культуры и т. д., — должно было бы привести к более быстрому раскрепощению культуры, более полному развитию духовной сферы. Но, к сожалению, не всегда это получается. Недостаточно еще используются возможности объединений в развитии культуры»²⁰.

На основании рассмотренных источников можно сделать вывод о том, что политика гласности способствовала росту профессиональной и творческой активности советской интеллигенции. В различных городах данный процесс проходил с присущими каждому из них особенностями, обусловленными историческим и социокультурным своеобразием региональных центров. Научно-педагогическая и художественная интеллигенция сибирских городов консолидировалась вокруг культурно-просветительных организаций. В Омске акцент был сделан на научно-просветительскую, популяризаторскую и экспедиционную деятельность, что обосновано длительным отсутствием в городе крупных научно-исследовательских центров и затяжным формированием из небольших разрозненных групп ученых межвузовской корпорации. В Новосибирске же, где присутствовали крупные научные центры, но ощущалась явная потребность в вековой исторической традиции, упор был сделан на выявление историко-культурных архетипов и создание фундаментальных представлений о культурном единстве, национальной идентичности и актуализации духовной жизни общества. Данная задача вполне соответствовала взгляду на «столичный статус» Новосибирска, который было необходимо вновь подтвердить в условиях разрушения старой и создания новой системы общественно-политических и культурных отношений.

Деятельность отделений Советского фонда культуры в крупных сибирских городах в годы перестройки является примером успешного объединения сил интеллигенции для реализации ее созидательной и социокультурной миссии. Работая в условиях расширения проблемного поля краеведения и исторической науки, культурно-просветительные организации показали свою способность к трансляции различных форм исторической памяти и сохранению научно-исследовательской и практической составляющих в деле изучения историко-культурного наследия.

Примечания

- ¹ *Леонтьева О. Б.* «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. М., 2015. № 50. С. 61.
- ² *Назарцева Т. М.* Деятельность совета краеведения Омского отделения Фонда культуры (1988—1997) // Вестник культуры: (пресс-бюллетень). 2012. Декабрь. № 2.
- ³ Государственный исторический архив Омской области (далее — ГИАОО). Ф. П-654. Оп. 1. Д. 23. Л. 28.
- ⁴ Там же. Л. 30—31.
- ⁵ Там же. Л. 31.
- ⁶ Там же. Д. 11. Л. 29.
- ⁷ *Туманик Г. Н.* Мемориальный комплекс сибирякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (город Белый Тверской области) : из истории проектирования и строительства. Новосибирск, 2006. С. 7.
- ⁸ ГИАОО. Ф. П-654. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.
- ⁹ Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. Р-2099. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.
- ¹⁰ Там же. Д. 6. Л. 8—9.
- ¹¹ *Гуренко Е., Соскин В.* Какой быть конференции по истории культуры Сибири // Советская Сибирь. 1988. 16 авг.
- ¹² *Венцимерова Т.* Всё многообразие социальных интересов // Вечерний Новосибирск. 1988. 8 июня.
- ¹³ ГАНО. Ф. Р-2099. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.
- ¹⁴ Там же. Д. 10. Л. 25—26.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Д. 14. Л. 46.
- ¹⁷ Там же. Д. 31. Л. 5.
- ¹⁸ Там же. Л. 8.
- ¹⁹ Там же. Л. 10.
- ²⁰ Там же. Л. 23.

Д. С. Буневич

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША
В 2000-е ГОДЫ**

Формирование внешней политики современных государств происходит при участии многих заинтересованных акторов: политических лидеров и профессиональных дипломатов, экономических и партийных лоббистов, экспертного сообщества и общественных активистов¹. Все они в целях мобилизации общественного мнения стремятся использовать в своих интересах «историческую память» социума и представления граждан об исторически сложившихся политических приоритетах².

Анализ польской национальной истории в Новое и Новейшее время позволяет выделить несколько принципиальных особенностей. Во-первых, Польша успела побывать одновременно и имперским государством, осуществлявшим интенсивное расширение в XVI—XVII вв., и жертвой имперской экспансии соседей, которая завершилась уничтожением польской государственности в конце XVIII в. Уже этим была заложена определенная двойственность польского исторического сознания, которая присутствует до сих пор: скрытая мессианская идея по отношению к территориям бывшей Речи Посполитой и желание участвовать в определении их судьбы³ сочетаются с постоянным страхом внешней угрозы, еще более усугубленным трагическим опытом середины XX в. Так, рассуждая о кризисе на Украине 2014 г., польский общественный деятель и в прошлом сотрудник знаменитой парижской «Культуры»⁴ Е. Помяновский замечает: «Если мы позволим Украине остаться в одиночестве, обрекая ее тем самым

© Буневич Д. С., 2016

Буневич Дмитрий Сергеевич — аспирант Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.
d_bunevich@rambler.ru

на милость или немилость огромного соседа, то в силу естественных обстоятельств это станет для Польши возобновлением старой геополитической ситуации. А для России? Стимулом к проведению имперской политики...»⁵

Во-вторых, польский народ, в отличие от остальных зарубежных славян, сумел, несмотря на постоянный внешний натиск, к концу XVIII в. создать самобытную европейскую культуру — предмет национальной гордости и повод с презрением относиться к завоевателям с Востока. По мнению выдающегося польского литератора Ч. Милоша, поляки «чувствовали свое превосходство (над русскими) благодаря католической традиции и принадлежности к Западу»⁶.

Важно отметить, что разделы XVIII в. и последовавшие за ними исторические перипетии не лишили поляков национальной элиты (аристократии, высшего духовенства, интеллигенции), которая обладала глобальным геополитическим видением положения в Европе. Высокий интеллектуальный уровень национальной элиты и сейчас отличает Польшу от большинства государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Однако и в прошлом это не спасало Польшу от внешнеполитических угроз. Три раздела в конце XVIII в., переделы эпохи наполеоновских войн, трагедия Второй мировой войны и судьба Польши в результате послевоенного раскола Европы оставили глубокие следы в исторической памяти поляков и в их национальном самосознании. С одной стороны, фундаментальная «историческая травма»⁷ поляков определила их склонность с гипертрофированным вниманием относиться к любым потенциальным внешнеполитическим рискам, с другой — исторический опыт привил польскому обществу особенно трепетное отношение к своей национальной государственности и готовность мобилизоваться и забыть о внутренних противоречиях в случае внешних вызовов польскому суверенитету.

Совокупность этих специфических черт, как представляется, во многом обусловила основные международные приоритеты Польши после 1989 г. и методы их реализации. Внешняя политика Варшавы в этот период в значительной мере определялась историческими страхами утраты независимости, антипольского «сговора» мощных соседей, прежде всего объединенной Германии и России, и надеждами на возрождение страны как значимой

европейской державы, играющей важную роль в своей части континента. Как отметил по этому поводу ученый-международник, в 2005 г. занимавший пост министра иностранных дел, А. Ротфельд: «...разделы создали в мышлении поляков уверенность в том, что в вопросе дальнейшего существования решающую роль играет сила. А такой силой обладает Россия. Одновременно поляки испытывают по отношению к русским манию величия. Поляки считают, что Польша принадлежит западному миру, вышла из греко-римско-иудео-христианской традиции»⁸.

На этих идеях в 1990—2000-е годы была сформирована и институционализована «историческая политика», ставшая мощным средством формирования национального внешнеполитического консенсуса и международного имиджа Республики Польша. Польские авторы подчеркивают, что в Польше она приобрела совершенно особые формы и степень политической значимости по сравнению с другими государствами: «Сегодня в Польше происходит индоктринация, причем наглая — идет настоящая война за память!»⁹

Обращает на себя внимание тот факт, что внутри польского научного сообщества не существует единого мнения о содержании термина «историческая политика». Так, некоторые считают, что польская «*Polityka historyczna*» — всего лишь перевод немецкого термина «*Geschichtspolitik*», другие же полагают ее одним из специфически польских механизмов государственной пропаганды, направленной на формирование у граждан особой «исторической памяти» в целях закрепления определенных форм национальной идентичности и легитимизации власти и всей политической системы страны в глазах общества¹⁰.

Польская «историческая политика» особенно активизировалась в середине 2000-х гг., когда у власти находилась национал-консервативная партия «Право и справедливость», и была направлена на формирование своеобразной «коллективной памяти»¹¹, призванной объяснить обществу специфику исторического пути, пройденного Польшей, и ее актуальные приоритеты во внешней и внутренней политике. Как откровенно заявил по этому поводу в 2008 г. министр культуры Б. Здравевский, комментируя государственные задачи в области «исторической политики»: «Наша задача — оберегать национальную память и позаботиться

о ней и связанных с нею символах, а также научиться излагать польскую историю современным и привлекательным языком. Дадим наконец возможность Европе и миру понять нас!»¹²

Важным элементом польской «исторической политики» стала концепция «Востока Центральной Европы», выдвинутая с целью дистанцирования от цивилизационно непривлекательного образа «Восточной Европы»¹³ и акцентирования (или конструирования) своей новой, центрально-европейской идентичности, а также продвижения идеи общности исторических судеб стран региона, включающего, разумеется, Литву, Украину и Белоруссию¹⁴.

Как замечает современный польский культуролог Е. Доманьска, «категория “жертвы” — ключевая концепция для понимания польского подхода к польской истории»¹⁵. Центральное место во внешнеполитическом дискурсе занимает представление о Польше как о безусловной жертве Второй мировой войны, которая подверглась удару сразу с трех направлений: со стороны нацистской Германии, сталинского СССР и даже западных союзников, неоднократно предававших польские интересы в ходе войны. Исходя из этих представлений Варшава пытается использовать фактор «исторической памяти» для усиления внешнеполитических позиций на всех основных направлениях.

В отношениях с Германией польская сторона (особенно в период президентства Леха Качиньского, когда его брат Ярослав возглавлял правительство) использовала тему ответственности немцев за агрессию против Польши с целью добиться от Берлина уступок по текущим проблемам двусторонних отношений¹⁶. Так, в ходе напряженных переговоров с Германией о распределении голосов в Совете ЕС в 2007 г. Л. Качиньский, настаивая на увеличении польской квоты, заявил: «Мы требуем только одного: вернуть себе то, что у нас отняли. Если бы Польше не пришлось пережить 1939—45 годы, то, по расчетам демографов, ее население было бы около 66 млн человек»¹⁷.

В переговорах с Россией с начала 1990-х гг. постоянно присутствует диалог по «трудным историческим вопросам», включающим в себя обсуждение советско-германского договора 1939 г., Катынского расстрела и т. д. Как писал по этому поводу российский историк-полонист Н. И. Бухарин: «...польская элита

продолжает смотреть на дальнейшее развитие взаимных отношений преимущественно через призму прошлого, прежде всего советско-польских отношений межвоенного времени, кануна и периода Второй мировой войны. Она хотела бы, чтобы новая официальная Россия покаялась за ту политику, которую в отношении Польши и польского народа проводил в тот период И. Сталин...»¹⁸

Западноевропейским государствам и США Варшава не раз пыталась напомнить об их моральной ответственности за то, что Польше не была оказана поддержка, когда она подверглась нападению Гитлера, а также за то, что по итогам войны страна против своей воли оказалась в советской зоне влияния. Данная традиция «упреков Западу» за равнодушное отношение к польским трагедиям имеет длительную историю. Еще в период Первой мировой войны польский общественный деятель К. Гурский возмущался отношением западноевропейских стран к судьбе Польши: «Франция, связанная союзом с Россией, и, тем более, Англия не отдавали себе отчета о значении польского вопроса для Европы. Стотридцатилетняя зависимость Польши отучила народы Западной Европы считать ся с ней и с необходимостью ее возрождения»¹⁹.

Политическая практика показывает, что возможности Польши по использованию «исторической политики» для давления на своих партнеров весьма ограничены. Хотя Германия как страна, проигравшая Вторую мировую войну и признающая ответственность немецкого народа за совершенные в период национал-социалистической диктатуры преступления, не отрицает моральной правоты Польши, Берлин всё же не готов рассматривать историю как аргумент при решении актуальных политических проблем. Россия в зависимости от текущего состояния польско-российских отношений стремится либо отказаться от политизации истории и передать рассмотрение исторических вопросов на суд академического сообщества, либо прямо заявляет о том, что не считает советскую политику в отношении Польши заслуживающей сколько-нибудь существенного осуждения. Представители же стран Западной Европы и американцы вообще не склонны придавать большого значения польским попыткам апеллировать к истории и руководствуются в своих отношениях

с Варшавой сугубо рациональными мотивами, лишенными исторической рефлексии.

Обращает на себя внимание, что в рамках выстраивания образа «страны-жертвы» польская политическая и интеллектуальная элита старается не акцентировать внимания на агрессивных действиях самой Второй Речи Посполитой в межвоенный период, которые способствовали росту военно-политической напряженности в Европе (пакт Пилсудского — Гитлера, присоединение Тешинской области). На официальном уровне только Москва позволяет себе напоминать о заслуживающих осуждения действиях польского руководства накануне Второй мировой войны. Так, например, перед визитом в Польшу в 2009 г. премьер-министр В. Путин написал статью для «Газеты Выборчей», в которой, в частности, отмечал: «Разве границы в Европе не начали рушиться гораздо раньше 1 сентября 1939 года? И не было аншлюса Австрии, не было растерзанной Чехословакии, когда не только Германия, но и Венгрия, и Польша по сути приняли участие в территориальном переделе Европы. День в день с заключением мюнхенского сговора Польша направила Чехословакии свой ультиматум и одновременно с немецкими войсками ввела свою армию в Тешинскую и Фриштадскую области»²⁰.

В целом попытки Польши использовать образ «страны-жертвы» в диалоге с более мощными партнерами не дают положительного эффекта: западноевропейцы и американцы попросту игнорируют их, Германия, соглашаясь нести моральную ответственность, отказывается видеть историю аргументом в политике, а в России желание поляков навязать свои трактовки истории Второй мировой войны вызывает исключительно раздражение.

Последовательные и целенаправленные усилия Польши по вступлению в НАТО и ЕС, обозначившиеся сразу после окончания холодной войны, также могут быть рассмотрены с точки зрения влияния фактора «исторической памяти». Евроатлантическую линию Варшавы можно понимать как реализацию польской политической элитой целого комплекса своих страхов и опасений геополитического характера, связанных с положением страны между Россией и Германией. Интеграция в НАТО и ЕС, с этих позиций, означала окончательное «освобождение» страны от российского влияния и гарантию его невозвращения:

Варшава получала юридически обязывающие гарантии военной защиты со стороны США и европейских стран в случае возникновения какой-либо угрозы для Польши.

Как представляется, обеспечение безопасности посредством евроатлантической интеграции стало только первым этапом реализации Варшавой своих целей, основанных на исторически обусловленном понимании ситуации в Европе. Поскольку в XVII—XVIII вв. Речь Посполитая была одним из крупнейших европейских государств, контролировавшим в том числе территории современных Украины и Белоруссии, в польской исторической памяти и национальной идентичности особое место занимает вопрос политического будущего этих территорий (Кресов).

Закономерно поэтому, что став членом НАТО и ЕС, Варшава заняла позицию одного из главных лоббистов дальнейшего расширения этих организаций на восток, на территории, в прошлом принадлежавшие Речи Посполитой. Так, именно Польша в сотрудничестве со Швецией стала инициатором программы «Восточное партнерство», направленной на вовлечение бывших республик СССР (включая Украину и Белоруссию) в орбиту влияния Брюсселя. Кроме того, Польша всячески приветствовала приход к власти в Киеве прозападных и антироссийских сил. Так, президент А. Квасьневский, рассуждая после победы «оранжевой революции» о значении для Польши и Европы этого события, весьма откровенно заявлял: «Для каждой великой державы Россия без Украины лучше, чем Россия с Украиной»²¹. Несколько позднее польский лидер одной из своих главных заслуг назвал то, что «во время “оранжевой революции” мы вовлекли Европейский союз в события на Украине... Украина рассматривалась не как второстепенная проблема, а как важная для будущего Европы»²².

Говоря о влиянии «исторического фактора» на внешнюю политику польского государства и формирование его отношений с другими центрами силы, необходимо отметить двойственность, проистекающую от сложного исторического прошлого Польши как бывшей империи, имеющей опыт потери не только влияния, но и самой государственности. Страх утраты суверенитета, что не единожды случалось в прошлом, толкает Польшу в сильные военные и политические блоки, способные, как считают в Варшаве, обеспечить ее независимость. Однако само членство в таких

организациях и предельная лояльность Польши атлантической идее парадоксальным образом приводят к размыванию национального суверенитета, утрате динамизма дипломатии и поля для внешнеполитического маневра, необходимого при обеспечении национальных интересов страны.

Кроме того, сохраняющееся постимперское мессианство по отношению к расположенным на утраченных некогда территориях государствам толкает польских лидеров к поддержке различных интеграционных проектов, ориентированных на эти страны (Восточное измерение ЕС²³, Восточное партнерство ЕС²⁴), даже если такая политика в реальности скорее провоцирует кризисы, опасные для самой Польши, а не укрепляет ее безопасность.

Таким образом, чрезмерный страх потери суверенитета, основанный на «исторических травмах», ведет к столь активным действиям в области обеспечения безопасности, что они в конечном итоге приводят к своей противоположности — увеличению внешнеполитических рисков, частичному отказу от суверенитета и росту нестабильности в регионе.

Заметную роль фактор «исторической политики» играет также в попытках сформировать адекватный внешнеполитическим намерениям Польши внутренний консенсус. В начале XXI в. ее принципы стали активно использовать основатели консервативно-католической партии «Право и справедливость» братья Я. и Л. Качиньские²⁵, а также поддержавшие их польские интеллектуалы. Именно с их подачи был создан Институт национальной памяти — государственное научное учреждение, ставшее на деле инструментом консервативных сил. Сторонники «исторической политики» в Польше полагали, что важнейшей задачей государства является активизация и поддержание постоянной публичной дискуссии об историческом прошлом польского народа. Но, как отмечает российский исследователь Л. С. Лыкошина: «В реальной жизни историческая политика проявляется как некое конструирование прошлого, целенаправленная борьба за память»²⁶. Центральное место в процессе этого «конструирования» занял образ «сенкевичевского» идеального поляка, который на протяжении столетий является хранителем христианских и демократических идеалов, несет восточным народам свет просвещения и страдает от своих агрессивных и чрезвычайно жестоких

соседей (русских, немцев, шведов, турок), стремящихся покорить его и навязать чуждые ценности.

Разумеется, такая концепция имеет в себе существенный конфликтный потенциал и очень жесткое разделение на «своих» и «чужих», «настоящих патриотов» и «капитулянтов», готовых предать национальные интересы Польши ради достижения компромисса с соседними странами²⁷. Такими «предателями» для последовательных сторонников «исторической политики» являются польские левые силы и консервативные либералы из проевропейской партии «Гражданская платформа». Их рационалистические аргументы и стремление снизить накал противостояния с соседями расцениваются в национал-консервативных кругах как равнодушие к польским трагедиям прошлого и забвение национальных идеалов, выдержавших проверку временем. Польский социолог М. Ярош, размышляя об этой внутренней «польско-польской войне», связанной с несовпадениями в исторических представлениях, с грустью констатирует, что Польша «всегда принадлежала к культуре конфликта, апеллирующей к событиям давно минувшим, но всё еще живущим в национальной памяти»²⁸.

Большое значение «историческая политика» имеет также для поддержания среди поляков памяти о том, что Кресы (Литва, Белоруссия, Украина) некогда были частями польского государства и по-прежнему неразрывно связаны с его историей: создаются соответствующие музеи, научно-исследовательские центры²⁹, издается многочисленная литература по данной проблематике, организовываются многодневные экскурсии для молодежи³⁰. Учитывая нестабильность государств, расположенных между Польшей и Россией, поддержание среди молодого поколения памяти о «границах 1772 года» и исторического мифа о великой и свободной Первой Речи Посполитой является совершенно необходимым, если варшавская элита имеет в отношении восточных территорий более амбициозные планы, чем об этом сейчас принято говорить в публичном пространстве.

В целом польскую «историческую политику» в ее внутреннем аспекте можно рассматривать как способ мобилизации населения и его сплочения вокруг консервативно-националистической части польской политической элиты. К основным издержкам

данной политики наравне с обострением отношений с соседями относится к внутреннему расколу польского общества на «прагматиков», стремящихся отделить историю от актуальной политической повестки, и «романтиков», уверенных, что исторический опыт должен быть решающим фактором при принятии решений по внешнеполитическим вопросам.

В заключение стоит подчеркнуть, что польская политическая и интеллектуальная элита через «историзацию политики» стремилась решить три основные задачи: консолидировать общество на национально-патриотической основе, утвердить страну в качестве суверенной, но неотъемлемой части евроатлантического сообщества и заявить о своих особых интересах на пространствах, лежащих между Польшей и Россией.

Первая задача была отчасти решена, но чрезмерный радикализм национал-консерваторов привел к тому, что заметная часть польского общества отвергла исторический детерминизм в вопросах внешней политики, что стало дополнительным фактором, раскалывающим польский политический класс на проевропейских «прагматиков» и националистических «романтиков». Вторая задача была решена только в отношении присоединения к европейским и атлантическим институтам, однако влияние исторических страхов, связанных с потерей государственности и самостоятельности, привели к противоположному эффекту: Польша стала членом мощных надгосударственных организаций и потеряла значительную часть своего суверенитета и свободы внешнеполитического маневра. Попытки Варшавы влиять на крупные страны с помощью эксплуатации исторических сюжетов также провалились. Решение третьей задачи пока дает противоречивые результаты, поскольку, хотя Польше и удалось использовать свое членство в НАТО и ЕС для активизации политики этих организаций на восточном направлении, результатом такой активности наряду с ростом влияния Польши на Украине стали дестабилизация региона, обострение отношений Варшавы с Москвой и очевидное раздражение старых европейских столиц: всё это после встречи в Нормандии в июне 2014 г. фактически исключило Польшу из диалога ЕС — Россия по украинскому кризису.

Примечания

- ¹ *Даль Р. А.* Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010. С. 220—235 ; *Манн М.* Власть в XXI столетии : беседы с Джоном А. Холлом. М., 2014. С. 126—139.
- ² *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3. С. 8—25.
- ³ *Czapliński P.* Nowoczesność i sarmatyzm. Poznań, 2011.
- ⁴ «Культура» — издававшийся в Париже в 1947—2000 гг. польский общественно-политический журнал. Основателем и редактором издания был Е. Гедройц, один из авторов геополитической концепции «Новая восточная политика Польши».
- ⁵ *Помяновский Е., Юзефчук Г.* От Люблина до Украины недалеко // Новая Польша. 2014. № 4. С. 38.
- ⁶ *Milosz C.* Rodzinna Europa. Paryż, 1959. S. 108—112.
- ⁷ Trauma and Cinema: Cross-Cultural Explorations / Ed. by *E. A. Kaplan.* Hong Kong, 2008.
- ⁸ *Polskatimes* : Adam Rotfeld : Nadal boimy się Rosji. URL: <http://www.polskatimes.pl/artukul/334226,adam-rotfeld-nadal-boimy-sie-rosji,id,t.html> (дата обращения: 06.01.2016).
- ⁹ *Friszke A.* Co ma państwo do historii // Gazeta Wyborcza. 2008. 14 czerwca.
- ¹⁰ *Olszewski E.* Polityka historyczna w procesie przemian społeczno-politycznych w Polsce : wybrane problemy // 25 lat polskiej transformacji systemowej-dokonania i wyzwania. Kraków, 2014. S. 77—79.
- ¹¹ *Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де.* Проблематика мест памяти // Франция-память. М., 1999. С. 17—50.
- ¹² *Zdrojewski B.* Dajmy Polakom być dumnymi ze swojej historii // Gazeta Wyborcza. 2008. 14 listopada.
- ¹³ *Миллер А. И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы : сб. науч. тр. М., 2001.
- ¹⁴ Данная концепция на протяжении многих лет разрабатывалась и популяризировалась известным польским историком Е. Ключковским, прямо заявлявшим, что она должна оказывать влияние на современную политику. См.: *Historia Europy Środkowo-Wschodniej* / red. *J. Kłoczowski.* Lublin, 2000. Т. 1.
- ¹⁵ *Domańska E.* [Re]creative myths and constructed history (the case of Poland) // Myth and Memory in the Construction of Community : Historical Patterns in Europe and Beyond. Brussels, 2000. P. 257.

- ¹⁶ *Sus M.* Kultura polityczna w Polsce i w Niemczech. URL: <http://www.polska-niemcy-interakcje.pl/articles/show/42> (дата обращения: 29.03.2016); *Quatremer J.* Lech Kaczynski, mort d'un nationaliste réactionnaire // *Liberation*. 2010. 13 avril.
- ¹⁷ ЕС: поляки припомнили немцам войну // Русская служба BBC. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_6230000/6230238.stm (дата обращения: 06.01.2016).
- ¹⁸ *Бухарин Н. И.* Россия — Польша: опыт двадцатилетних отношений : 90-е годы XX века — первое десятилетие XXI века. СПб., 2013. С. 22.
- ¹⁹ Цит. по: *Щепана-Войнарская А. М.* Перед лицом союзника-врага // Новая Польша. 2014. № 10. С. 10.
- ²⁰ *Putin W.* Karty historii — powód do wzajemnych pretensji czy podstawa pojednania i partnerstwa? // *Gazeta Wyborcza*. 2009. 31 sierpnia.
- ²¹ См.: *Misja kijowska-rozmowa z prezydentem RP o sytuacji na Ukrainie* // *Polityka*. 2004. 18 grudnia.
- ²² *Квасьневский А.* Быть русофобом — непозволительная роскошь // Новая Восточная Европа : спец. вып. 2011/2012. С. 59.
- ²³ Восточное измерение Европейского союза и Россия : сб. докл. междунар. конф. СПб., 2004.
- ²⁴ *Пономарева Е., Шишелина Л.* Председательство Латвии в ЕС — 2015 : «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией : аналит. докл. М., 2014.
- ²⁵ Polska polityka historyczna : zapis dyskusji przeprowadzonej 30 marca 2006 roku w IPN // *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. Warszawa, 2006. № 5.
- ²⁶ *Лыкошина Л.* Польская историческая политика в контексте политической жизни страны // Русская народная линия. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/05/25/polskaya_istoricheskaya_politika_v_kontekste_politicheskoy_zhizni_strany/ (дата обращения: 29.03.2016).
- ²⁷ *Lecszczynski A.* Mohery i lemingi : dwa modele polskiej tozsamosci // Polska europejska czy narodowa? / red. M. Jarosz. Warszawa, 2014. S. 79—88.
- ²⁸ *Jarosz M.* Przejawy wykluczenia we wspolczesnym spoleczenstwie // Polska europejska czy narodowa? S. 51.
- ²⁹ Так, в 2006 г. в Варшаве даже был создан Институт Кресов — научно-просветительский центр, популяризирующий в польском обществе знания об истории и современности бывших восточных территорий Польши.
- ³⁰ *Kresy wschodnie Rzeczypospolitej w obronie polskosci*. Warszawa, 1999.

ББК 60.543.132.1

И. Н. Лозбенев

ИСТИННОЕ ЛИЦО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОНОГРАФИИ Э. Б. ЕРШОВОЙ

В последние годы во многих средствах массовой информации и различных публикациях идет дискуссия о том, есть ли в России интеллигенция и нужна ли она в условиях технологических новшеств, глобального развития интернета, разных видов глобализации информации и т. д., что в целом подразумевает изменение визуальной деятельности интеллигенции как таковой и замены ее во многих сферах технологией и деятельностью тьюторов. Это связано с тем, что, с одной стороны, уже давно началась реорганизация прежней, советской системы образования, отказ от глубинных знаний по многим дисциплинам, а с другой, чаще стали поступать предложения о необходимости перевода российской интеллигенции в статус интеллектуалов по западному образцу. Соответствует ли это историческим реалиям, позволяет понять монография профессора Э. Б. Ершовой «Российская интеллигенция в модернизационных процессах XX — начала XXI в.»¹, которая представляет большой интерес. Исследование важно для понимания современных процессов, происходящих

© Лозбенев И. Н., 2016

Лозбенев Игорь Николаевич — доктор исторических наук, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Университета Московской финансово-юридической академии. Lozbenev.I@mfua.ru

в российском обществе, формирования нашей интеллигенции с исторической точки зрения. Каждый читающий эту работу сможет найти интересующие его проблемы, ибо в ней дано множество самых разных фактов и материалов о российской интеллигенции.

Три раздела монографии раскрывают многоликую роль российской интеллигенции в самых различных процессах XX — начала XXI века: политических, научно-технологических, культуры и искусства. Разнообразие аспектов, избранных Э. Б. Ершовой для раскрытия значимости российской интеллигенции, позволяет видеть ее истинное лицо в историческом пространстве.

В начале первой главы автор напоминает читателю, что обществу давно известно о ее формировании в России с первых проблесков дворянской интеллигенции в лице декабристов, затем либералов, разночинцев, ученых и творцов разных направлений, и таким образом она была выведена в своем истинном облике к концу XIX века. В XX веке и до сих пор ученые не только России, но и западных стран занимаются исследованием этого русского феномена, но пока не могут прийти к единому мнению: что же это такое — российская интеллигенция, ибо она в России разнообразна и многолика. И с этим выводом Э. Б. Ершовой нельзя не согласиться.

Очень важно то, что в монографии на материалах исследований многих ученых России и Запада по истории нашей интеллигенции указанного времени показана ее деятельность по важнейшим направлениям: участию в политических процессах — революциях, войнах, реформах; в научно-технологических, инженерных, образовательных сферах, и конечно в художественно-творческой деятельности.

Автор на многочисленных материалах раскрывает роль российской интеллигенции в важнейших направлениях модернизации, через которые Россия проходила в XX — начале XXI века. Важно и то, что она не уходит от современной ситуации, а говорит о значимости интеллигенции и в постсоветское время, что приводит к мысли о продолжении ее важной деятельности и в настоящее время. Эта проблема кратко, но интересно дана во втором параграфе первой главы «Политическое и социальное состояние российской интеллигенции во второй половине XX — начале XXI в.», и даже с использованием такого документа,

как открытое письмо М. Ростроповича в 1970 году редакторам ведущих газет о гонениях на А. Солженицына². Не обойдены вниманием политические и экономические, культурные процессы 1990-х — 2015 годов, дающие представление о сложностях и трудностях интеллигенции России в эти годы, продолжающиеся и в настоящее время³.

Своей работой автор показывает, что пора дать объемную характеристику всей российской интеллигенции за более чем 100 лет и с наших уже позиций второго десятилетия XXI века посмотреть, что же она такое в целом, а не по отдельности своих профессий, что с ней было за всё это время, какие ею были сделаны достижения и какие судьбы ей готовила власть в XX веке, с чем в итоге она пришла в XXI век.

Интересно и то, что монография Э. Б. Ершовой перекликается с проектом «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI века: виртуальность и реальность», над которым сейчас работает Проблемный совет РФ «Интеллигенция. Культура. Власть» Ивановского государственного университета под руководством профессора Валерия Сергеевича Меметова. Надеемся получить полное представление по этой теме.

Безусловно, необходимо согласиться с Э. Б. Ершовой в том, что российская интеллигенция многолика и всех поименно назвать в монографии невозможно — для этого есть различные справочники. Но дать понимание того, что значила интеллигенция для России в указанный период, очень важно и научно значимо.

Думаю, что необходимо понять автора, которому хотелось рассказать о многих достойных представителях интеллигенции России, но рамки, ограниченные издательством, не позволили этого сделать.

При всем положительном содержании работы хочется заметить, что Э. Б. Ершова не совсем права в вопросе об изученности понятия и истории российской интеллигенции, о чем она пишет во Введении. Дело в том, что каждое новое поколение подходит к оценке и определению интеллигенции по-своему, с учетом своего опыта и новых условий развития общества. Скорее

всего из-за недостатка утвержденного издательством объема монографии, автор не стала раскрывать эти положения. Также очень жаль, что не в полной мере показана научно-педагогическая интеллигенция, которая очень много сделала для развития нашей системы образования, выпускники которой до сих пор являются гордостью России.

Но то, что в работе в общем и целом показаны самые важные процессы участия интеллигенции в событиях за более чем весь XX и начало XXI века, дает право рекомендовать эту монографию преподавателям, бакалаврам и магистрам вузов по самым различным гуманитарным дисциплинам, молодым ученым и тем, кто интересуется историей российской интеллигенции и историей России в целом.

Примечания

¹ *Ершова Э. Б.* Российская интеллигенция в модернизационных процессах XX — начала XXI в. : монография. М., 2015.

² Там же. С. 51—53

³ Там же. С. 54—55, 93—98, 150—156.

ПАМЯТИ МАРГАРИТЫ ИОНОВНЫ КОНДРАШЁВОЙ 04.07.1938 — 30.03.2016

30 марта 2016 года остановилось сердце Маргариты Ионовны Кондрашёвой — доктора исторических наук, профессора, члена Проблемного Совета «Интеллигенция. Культура. Власть», члена редакционного совета журнала «Интеллигенция и мир».

Маргарита Ионовна закончила исторический факультет Уральского государственного университета, долгое время заведовала кафедрой истории КПСС, затем — отечественной истории и культуры. С 2006 года работала на кафедре истории государства и права Уральской государственной юридической академии.

Она проявила себя как талантливый ученый, незаурядная и творческая личность. Кандидатская и докторская диссертации Маргариты Ионовны были посвящены истории интеллигенции. М. И. Кондрашёва подготовила более 100 научных публикаций, среди них несколько монографий. Как научный руководитель она «выпестовала» 10 кандидатов исторических наук.

Маргарита Ионовна длительное время была верным соратником центра интеллигентоведения при ИвГУ и редакции журнала «Интеллигенция и мир». Не одно поколение ивановских исследователей было знакомо с ней по ежегодным интеллигентоведческим конференциям, где она всегда поражала участников своим задором, жизнелюбием, искрометным юмором.

Маргарита Ионовна очень любила наш город и постоянно поддерживала нас своим присутствием, человеческой щедростью, обаянием, неизменной доброжелательностью. Ее уход стал большой потерей для профессоров и преподавателей города Иваново.

В лице Маргариты Ионовны Кондрашёвой мы потеряли очень порядочного, справедливого, надежного человека, коллегу и товарища, который всегда учил стремиться к совершенству.

*Сотрудники НИИ интеллигентоведения
Ивановского государственного университета*

*Редколлегия и редсовет журнала
«Интеллигенция и мир»*

АННОТАЦИИ

Зябликов А. В. Миссия русской интеллигенции в рефлексии А. П. Чехова

Ключевые понятия: политическое мировоззрение, интеллигенция, бюрократия, либерализм, патриотизм, литература.

Анализируются общественно-политические идеи А. П. Чехова. Отмечается, что особую роль в деле государственного строительства писатель отводит интеллигенции, исповедующей философию долга, труда и творчества.

Острога В. А. Подготовка кандидатов наук в области новой и новейшей истории в Белорусской ССР (1944—1991 гг.)

Ключевые понятия: интеллигенция, высшие учебные заведения, аспирантура, диссертация, новая и новейшая история.

На основании изучения архивных и опубликованных источников выявляются общие и специфические черты, достижения и проблемы подготовки историков высшей квалификации в вузах различного типа: университетах, педагогических и учительских институтах. Особое внимание обращено на работу в этой области кафедры новой и новейшей истории Белорусского государственного университета.

Корнилов А. А., Кинстлер А. В. Педагогическая интеллигенция и духовенство лагеря перемещенных лиц Менхегоф

Ключевые понятия: перемещенные лица, интеллигенция, эмиграция, лагерная гимназия, культура, идентичность.

Рассматриваются вопросы истории лагеря перемещенных лиц Менхегоф в послевоенной Германии. Изучаются квалификация и работа педагогической интеллигенции в гимназии имени М. В. Ломоносова. Исследуются биографии и деятельность православного духовенства в лагере Менхегоф. Анализируется феномен образовательной деятельности в лагерях перемещенных лиц, оцениваются результаты культурно-образовательной деятельности интеллигенции.

Золотарев О. В. Либеральная интеллигенция в современной России

Ключевые понятия: раскол интеллигенции, либеральная интеллигенция, самоидентификация интеллигенции, политический процесс.

Исследуется взаимосвязь либеральной интеллигенции и современного политического процесса в России. Рассматривается сущность либеральной интеллигенции, ее нынешнее состояние. Подчеркивается кризисное состояние русской либеральной интеллигенции как результат событий последних десятилетий.

Сибиряков И. В. Современная российская интеллигенция: феномен «фантомной боли» в условиях цивилизационного кризиса

Ключевые понятия: современная интеллигенция, раскол, цивилизационный кризис.

Анализируются некоторые основные процессы, происходящие в рядах современной российской интеллигенции, подводятся первые итоги обсуждения перспектив развития этого явления в начале XXI в.

Кирюхин Д. В. Участие итальянской интеллигенции в миграционных процессах раннего Нового времени: семья Джильи

Ключевые понятия: эпоха первых Тюдоров, придворная интеллигенция, миграционные процессы.

Рассматриваются миграционные процессы раннего Нового времени на примере итальянской семьи Джильи, представители которой с первой половины XV в. обосновываются в Английском королевстве. Отмечается как привлекательность Англии для итальянской интеллигенции, так и обширные межкультурные и межнациональные связи в придворной среде исследуемого периода.

Абидулин А. М., Валеев Р. М. Взаимопроникновение восточной и европейской культур: вклад Османа Хамди бея в сохранение османского и мирового культурного наследия

Ключевые понятия: Осман Хамди бей, археология, музееведение, Османская империя, Имперский музей, ориентализм.

Исследуется трансформация восприятия традиционным восточным обществом мирового культурного наследия. Отмечается роль восточных интеллектуалов новой формации, в частности Османа Хамди бея, в сближении восточной и европейской культур.

Смирнов Д. А. Концепция полемики Вальтера Беньямина в критическом понимании интеллигенции

Ключевые понятия: Вальтер Беньямин, полемика, интеллигенция, Карл Клаус.

Анализируются представления немецкого мыслителя Вальтера Беньямина о роли полемики в его критическом понимании интеллектуала и интеллигенции в целом. Рассмотрены изменения в подходе к пониманию полемики на протяжении научной деятельности мыслителя. Особое внимание уделено исследованию Беньямином известного австрийского журналиста Карла Клауса в качестве интеллектуала-полемиста, ставшего определенным символом интеллигенции межвоенного времени.

Наумов С. С. Интеллигенция сибирского города и культурно-просветительные организации в 1985—1991 годах (На примере деятельности Советского фонда культуры)

Ключевые понятия: интеллигенция, историческая память, историко-культурное наследие, культурно-просветительные организации, Советский фонд культуры.

Исследуется культурно-просветительная деятельность интеллигенции Омска и Новосибирска в годы перестройки на примере работы местных отделений Советского фонда культуры. На основе делопроизводственной документации, материалов периодики показана роль научной и художественной интеллигенции в деле трансляции коллективной исторической памяти, сохранения историко-культурного наследия, популяризации местной истории. Рассматриваются основные направления деятельности организации в Омске и Новосибирске и проводится их сравнение.

Буневич Д. С. Историческая политика как интеллектуальный ресурс внешней политики Республики Польша в 2000-е годы

Ключевые слова: Польша, историческая политика, историческая травма, мягкая сила, идентичность, геополитика.

Анализируются основные аспекты польской исторической политики 2000-х гг. Делается вывод о том, что специфика исторического пути, пройденного Польшей, и «исторические травмы» польского политического сознания провоцируют Варшаву к тому, чтобы использовать историю и коллективную память народа в качестве интеллектуального ресурса своей внешней политики. Обращается внимание на то,

что господство «исторического дискурса» во внешней политике, мобилизуя польское общество, одновременно ухудшает отношения страны с ее основными соседями и партнерами — Германией и Россией.

Лозбнев И. Н. Истинное лицо интеллигенции в историческом пространстве: размышления о монографии Э. Б. Ершовой

Ключевые понятия: интеллигенция, модернизация, социально-политические, культурные процессы.

Излагается точка зрения автора на содержание монографии Э. Б. Ершовой «Российская интеллигенция в модернизационных процессах XX — начала XXI в.», в которой на анализе многочисленных научных исследований показана деятельность интеллигенции за более чем столетний период по различным направлениям: политическим, научно-техническим, культуры и искусства.

ANNOTATIONS

Zyablikov A. V. Mission of Russian intelligentsia in A. P. Chekhov's reflection

Key notions: political outlook, intelligentsia, bureaucracy, liberalism, patriotism, literature.

The article analyzes social and political views of A. P. Chekhov. It is noted that the writer assigns a special role in the state construction to the intelligentsia professing philosophy of duty, work and creativity.

Ostroga V. A. Training of candidates of science in the field of modern and contemporary history in Belarussian Soviet Socialist Republic (1944—1991)

Key notions: intelligentsia, higher educational institutions, postgraduate studies, thesis, modern and contemporary history.

On the basis of studying archival and open-access published sources the author shows common and peculiar features, achievements and problems of top qualification historians training in higher education institutions of various types: universities, teacher training institutes and teachers' colleges. The work undertaken in this respect by modern and contemporary history department of the Belarussian state university is paid special attention to.

Kornilov A. A., Kinstler A. V. Pedagogic intelligentsia and the clergy of Monchehof camp of displaced persons

Key notions: displaced persons, intelligentsia, emigration, camp gymnasium, culture, identity.

The article is devoted to the history of Monchehof camp of displaced persons in post-war Germany. Studied are the qualification and work of the pedagogic intelligentsia in M. V. Lomonosov's gymnasium. Investigated are the biographies and activities of the orthodox clergy in the camp of Monchehof. Analyzed is the phenomenon of educational activity in camps of displaced persons. Estimated are the results of cultural and educational activity of intelligentsia.

Zolotarev O. V. The liberal intelligentsia in contemporary Russia

Key notions: split of intelligentsia, liberal intelligentsia, self-identification of intelligentsia, political process.

The article investigates the interrelation of liberal intelligentsia and contemporary political process in Russia. Considered is the essence of liberal intelligentsia and its present state. Emphasized is the critical state of contemporary Russian liberal intelligentsia as a result of the last few decades events.

Sibiryakov I. V. Contemporary Russian intelligentsia: a phenomenon of «phantom pain» in the context of civilization crisis

Key notions: contemporary intelligentsia, split, civilization crisis.

The article analyzes some of the main processes taking place within contemporary Russian intelligentsia. Summed up are the first results of discussions devoted to this phenomenon's further development prospects at the beginning of the 21st century.

Kiryukhin D. V. Participation of the Italian intelligentsia in the migratory processes of early Modern times: the Gigli family

Key notions: era of the first Tudor dynasty, court intelligentsia, migratory processes.

The article shows the migratory processes of the early Modern times on the example of the Giglies – an Italian family the representatives of which locate in the English kingdom from the first half of the 15th century. Noted are both the appeal of England to the Italian intelligentsia, and extensive cross-cultural and international communications in the court environment of the studied period.

Abidulin A. M., Valeev R. M. Interpenetration of Eastern and European cultures: Osman Hamdi Bey's contribution to preservation of Ottoman and world cultural heritage

Key notions: Osman Hamdi Bey, archeology, museology, the Ottoman Empire, the Imperial museum, orientalism.

The article investigates the transformation of the world cultural heritage perception by traditional Eastern society. Shown is the role of Eastern intellectuals of a new formation, in particular that of Osman Hamdi Bey, in bringing Eastern and European cultures together.

Smirnov D. A. Walter Benjamin's concept of polemics in critical understanding of intelligentsia

Key notions: Walter Benjamin, polemic, intelligentsia, Karl Claus.

The article analyzes the concept of polemics as understood by the German thinker Walter Benjamin within his critical understanding of an intellectual and intelligentsia in general. Considered are the changes in the approach to understanding of polemics throughout thinker's scientific activity. Special attention is paid to Benjamin's research of the famous Austrian journalist Karl Claus as the intellectual polemist who has become a certain symbol of the intelligentsia of the interwar time.

Naumov S. S. Intelligentsia of a Siberian city and cultural and educational organizations in 1985—1991 (On the example of the Soviet fund of culture activity)

Key notions: intelligentsia, historical memory, historical and cultural heritage, cultural and educational organizations, Soviet fund of culture.

The article investigates cultural and educational activity of Omsk and Novosibirsk intelligentsia in the years of reorganization on the example of local offices of the Soviet fund of culture work. On the basis of office work documentation, materials of the periodical press the author shows the role of the scientific and art intelligentsia in the broadcast of collective historical memory, preservation of historical and cultural heritage and local history promotion. The article considers the main activities of the organization in Omsk and Novosibirsk and undertakes their comparison.

Bunevich D. S. Historical policy as an intellectual resource of the Republic of Poland foreign policy in the 2000s

Key notions: Poland, historical policy, historical injury, soft force, identity, geopolitics.

The article analyzes the main aspects of the Polish historical policy of the 2000s. Drawn is the conclusion that specifics of the historical way passed by Poland, and «historical injuries» of the Polish political consciousness provoke Warsaw to use history and collective memory of the people as an intellectual resource of the foreign policy. The attention is paid to the fact that domination of «a historical discourse» in foreign policy, mobilizing the Polish society, at the same time worsens the country's relations with its main neighbors and partners — Germany and Russia.

Lozbenev I. N. The real face of intelligentsia in historical space: reflections on E. B. Yershova's monograph

Key notions: intelligentsia, modernization, socio-political, cultural processes.

The article shows the author's point of view on the contents of E. B. Yershova's monograph «The Russian intelligentsia in modernization processes of the 20th — the beginning of the 21st century». This book drawing on the analysis of numerous scientific research works shows the activity of intelligentsia for more than a hundred year period in various directions: political, scientific and technical, culture and arts.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2016 № 2

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркина, Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 15.06.2016 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 8,8. Уч.-изд. л. 7,3. Тираж 100 экз.
Заказ № 126. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

